

смена

№ 19 ОКТЯБРЬ 1977

ПУСТЬ ВСЕГДА
БУДЕТ СОЛНЦЕ!

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

ВКЛАД В ОБЩЕЕ ДЕЛО

Без труда нет добра, говорят в народе. И это верно. Все лучшее в мире сотворено человеческим разумом, крепкими рабочими руками. Наше общество, рожденное Великим Октябрьством, утверждает труд как меру счастья, как высшую ценность. Он назван в проекте новой Конституции СССР источником общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека. Не знатное происхождение, не богатство выделяют человека среди людей, а, как подчеркнуто в проекте, «общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе». Эта формула органически вытекает из самой природы нашего общественного строя.

Можно смело назвать новаторскими те положения вынесенного на всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР, где целью и заботой общегородного государства провозглашается всестороннее развитие личности, усиление творческого характера труда, сокращение, а в дальнейшем и полное вытеснение тяжелого ручного труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства.

Мне думается, в проекте Конституции СССР совершенно верно сказано, что творческая активность трудящихся и социалистическое соревнование— важнейшие факторы роста производительности труда, повышения эффективности производства и качества работы, динамичного и пропорционального развития народного хозяйства. Мы, рабочие, хорошо понимаем, что от труда каждого из нас зависят общие результаты, а поэтому стремимся работать так, чтобы не было стыдно перед своими товарищами, перед своей совестью.

На собрании бригады многие рабочие, говоря о проекте Конституции, вносили предложение добавить в статью 16 следующие слова: «Коллективы трудящихся несут ответственность за результаты труда, качество выпускаемой продукции».

Наш экипаж экскаваторщиков проектировал нефтяные трассы. С начала пятилетки уже выполнены три с половиной годовых нормы. Для меня начало обсуждения проекта новой Конституции СССР совпало с радостным событием—присвоением звания Героя Социалистического Труда. Это звание ко многому обязывает. Мы решили дать за пять лет не менее десяти годовых норм, ежедневно превышая производственное задание вдвое. Творческой, ударной работой мы ответим на заботу Коммунистической партии и Советского государства о людях труда.

Николай ТЮНИН,
экскаваторщик треста
«Строймеханизация» (г. Альметьевск),
Герой Социалистического Труда

никнута горячей заботой Коммунистической партии о советском человеке—строителе нового коммунистического общества.

И мне невольно пришло на память то недобро время, когда латышский народ был бесправен и угнетен. Хотя я был тогда совсем зеленым юнцом, впервые ступившим на палубу парохода, отчетливо помню, в каких неизвестных условиях приходилось работать морякам. Судовладельцы эксплуатировали нас без зазрения совести. Трудовой договор, заключавшийся с каждым, кто поступал на судно, предусматривал одни только обязанности, о правах в нем не говорилось ни слова. Да и не было у нас никаких прав, особенно когда мы сходили на берег. Например, моряки были лишены права голосовать на выборах в органы городского самоуправления, не имели оплаченного отпуска, не могли рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь.

Я вспоминаю также, с каким пренебрежением смотрели тогда власть имущие на простого труженика с мозолистыми руками. Рабочие и крестьяне были для них людьми второго сорта. Коренным образом изменилось положение трудящихся, когда Латвия как равная вошла в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Мы, моряки Советской Латвии, одобряем положения новой Конституции нашего государства и приветствуем ее принятие, как говорится, обеими руками. Потому что вдохновенный труд на благо Родины означает для нас дей-

ственность, радость творчества. Экипаж нашего парохода, как и экипажи всех других судовых команд Латвийского торгового пароходства, постоянно ищет новые пути повышения производительности труда. У нас в команде много наставников рационализаторов, новаторов производства, чьи предложения уже помогли сберечь ходовое время судна, горючее и смазочные масла.

Вспоминаю такой случай из своей капитанской практики. Однажды на нашем судне случилась беда: дало трещину рулевое устройство. Можно было бы, конечно, обратиться за помощью к иностранным специалистам, тем более что так поступить советовали руководители пароходства. Но для этого надо было изменить курс, идти в неближний иностранный порт и, стало быть, потерять время, истратить валюту, словом, понести убытки. Но мы решили обойтись своими средствами...

Проявив поистине героические усилия, моряки и специалисты прямо в открытом море принялись за работу и устранили неисправность. Пароход вовремя доставил груз во французский порт.

Один из работников фирмы, обслуживающей советские суда, никак не мог взять в толк, что же руководило советской командой: «Ведь это же не ваше личное судно! И деньги тоже не ваши!»— удивленно воскликнул он. Ему было непонятно то высокое чувство

ответственности за порученное дело, которое руководило нами, советскими людьми.

Да, такое чувство может родиться у человека только в стране, где труд свободен, радостен, где он первая жизненная необходимость.

Считаю целесообразным внести в статью 14 проекта небольшое добавление: после слов «опираясь на творческую активность» добавить «и высокую сознательность».

Евгений РУДЗИТ,
капитан парохода «Балашов»

ИДЕИ ОКТЯБРЯ ВДОХНОВЛЯЮТ

Чем крепче и могущественные становятся содружество стран социализма, тем больше людей на нашей планете освобождается от пут империалистической кабалы, тем с большими волевыми разгорается на Западе антикоммунистическая истерия. Целые толпы невесть откуда взявшихся «знатоков» нашей страны — «советологов» — пытаются убедить мир в том, как плох советский образ жизни.

Тысячи антикоммунистических публикаций, радио- и телепередач вбивают в головы простых людей лживую инфор-

Пролетарии всех стран, соеди-

Коммунистическая партия Советского С

Газета основана
5 мая 1912 года
В. И. Лениным

ПРАВДА
Орган Центрального Комитета

Суббота, 4 июня 1977 года

Проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик, предс
и одобренный Президиумом Верховного Совета СССР для выне

КОНСТИТ (основной) союза Советских Социалисти

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разгромила основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма.

Советская власть осуществила глубочайшие социально-экономические преобразования, пакетом покончила с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной кражей, утвердила общественную собственность на средства производства, подчинив демократию для трудящихся масс. Вместе с историей человечества было создано социалистическое общество.

Ярким проявлением силы социализма стал немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне. Эта победа укрепила международные позиции Советского Союза, предоставив ему новые возможности для роста сил социализма, места во всем мире.

советского народа, привнес планомерный, научно обоснованный характер за побору коммунизма.

Статья 7. Профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский профсоюз Молодежи, кооперативы и другие массовые общественные организации в соответствии со своими уставными задачами участвуют в решении политических, экономических и социальных вопросов.

Статья 8. Основным направлением развития политической системы общества является дальнейшее развертывание политической системы и государства, широкое участие трудящихся в управлении делами общества, совершенствование государственных организаций, усиление народного контроля, постоянный учет общественного мнения.

Глава 2.

Экономическая система

ПЕРВАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

С большим удовлетворением читал и перечитывал я проект новой Конституции СССР, каждая строка которого про-

мацию о военной опасности, об угрозе миру со стороны... СССР!

Прекрасно зная, как много сделано нашей партией и Советским правительством для предотвращения войны, идеологии капитализма идут на сознательную ложь, твердя ежедневно и еженощно о советской угрозе миру. Само существование вот уже 60 лет нашей страны является, конечно, бесспорной угрозой, но не миру, не народам и трудящимся всех стран, а системе капитализма. Ведь немерещиеся идеи Октября адоносят трудящихся всех континентов и служат им путеводной звездой в борьбе за лучшую жизнь!

В какой части земного шара простые люди живут без страха перед будущим? Только в странах социализма. Два-три поколения советских людей лишь по книгам или кинофильмам могут представить себе, что такое безработица. Наши школьники с изрядной долей недоверия узнают о том, что в мире есть дети, которым школа недоступна, что миллионы людей на земном шаре голодают, что тысячи людей кончат жизнь самоубийством, не имея возможности прокормить себя и своих детей, что миллионы людей не в состоянии, забыв, обратиться к врачу. Им кажется диким, что десятки тысяч семей вынуждены даже зимой на улицу из-за невнесения высокой квартирной платы, в то время как большое количество прекрасных домов пустует, в то время как целая плеяды кошек, собак и даже ослов являются владельцами чудесных особняков, оставленных им в наследство миллионерами.

В странах же социализма нет инженера, врача, агронома, учителя, писателя, артиста, рабочего, который бы не мог использовать свои способности в народном хозяйстве или культурной деятельности. У нас же люди ищут работу, а работа ищет людей.

В одинаковом почете у нас люди с

разным цветом кожи. В СССР больше сотни народностей, и ни одна из них не испытывает угнетения, как, например, негры иmetis, индейцы и эскимосы в США.

Нелегко все это нам досталось. В борьбе против царизма, против интервентов, против внутренней контрреволюции советские люди, в первую очередь коммунисты и комсомольцы, понесли огромные жертвы. Но они не были напрасными. Никогда советский народ не променяет своих завоеваний на фальшивую западную «демократию». И потому все советские люди так единодушно поддерживают внешнюю политику нашей партии. Потому с таким удовлетворением все мы восприняли проект новой Конституции СССР. В этом программном документе гораздо более полно, чем в Конституции 1936 года, сформулированы свободы, которых пользуются все граждане Советского Союза. В нем четко определены права каждого члена нашего общества. Для нас, конечно, самое важное не только то, что широкие, недоступные для многих люди на Западе права советского человека четко сформулированы в Основном Законе государства, а то, что они гарантированы самим Законом и что гарантия эта вполне реально осуществляется не на словах, а на деле. Что же касается тех, кто, подобно отщепенцам-диссидентам, злобно клевещет на нашу Родину, то я бы предложил дополнить статью 62 проекта Конституции словами: «Клевета на советский государственный и общественный строй рассматривается как тяжкое преступление и карается по закону».

Леонид ВЛАДИМИРОВ, профессор, заведующий кафедрой литеиного производства Кировоградского института сельскохозяйственного машиностроения

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ НОВИЧКИ

Хочу рассказать не о детях. Хотя чаще всего именно детей называют единственной привилегированной группой в нашей стране. Однако есть еще одна категория людей, находящихся в особых условиях:

Но сначала о невеселой истории, ставшей поводом для этих размышлений.

В Даугавпилсский цех рижского завода «Сантехника» был принят на работу учеником слесаря шестнадцатилетний Михаил... Фамилию его я не называю, поскольку он в этой истории — лицо пострадавшее. Вместо того, чтобы учитывать Михаила слесарному делу, администрация направила его на подсобные работы. И хотя новичок так и не приобрел квалификацию, ему спустя положенный срок присвоили второй разряд.

Михаил подал заявление об уходе по собственному желанию, объяснив, что работе ему не интересна. Комиссия по делам несовершеннолетних, разбираясь в этой истории, выяснила суть дела. По представлению прокуратуры, осуществляющей надзор за соблюдением прав несовершеннолетних, начальник цеха, в котором работал Михаил, привлечен к дисциплинарной ответственности. Права парня были защищены.

Я работаю старшим помощником прокурора Латвийской ССР — начальником отдела по делам несовершеннолетних. Мы осуществляем общий надзор за исполнением законов и установлений, связанных, в частности, со здоровьем, с трудовыми правами подростков. Как правило, мы не ждем поступления жалоб, а сами внимательно следим за соблюдением норм законодательства на предприятиях и в учреждениях, планируем работу по надзору, регулярноываем на фабриках, заводах, в учебных заведениях.

Я прочитал номера «Смены», в которых публиковались письма, связанные с обсуждением проекта Конституции СССР. В них были затронуты многие положения нашего Основного Закона, читатели с пониманием и глубочайшей заинтересованностью рассматривали статьи Конституции. Я хотел бы еще раз обратить внимание на то, что в Основном Законе выражена забота нашего государства о правах, реальных, гарантированных, правах молодежи на интересную, полнокровную жизнь, где обеспечено не только сегодняшнее положение молодых в обществе, но и зафиксированы раскрывающиеся перед ними перспективы и поистине безграничные возможности.

Права молодых, провозглашенные в проекте Конституции СССР, подкреплены множеством законов и установлений, специально направленных на защиту прав и интересов юношества.

Давайте припомним некоторые льготы, которые и позволяют мне называть молодых рабочих, учащихся и выпускников ПТУ привилегированной группой.

Во-первых, сокращенный рабочий день. Во-вторых, обеспечение благоприятных возможностей для совмещения работы с учебой. Кстати, учащиеся вечерних и заочных школ, техникумов, институтов и после достижения восемнадцатилетнего возраста имеют ряд льгот — отпуск на время экзаменов, сокращенный рабочий день или третий выходной.

В-третьих, молодым рабочим отпуск обязательно предоставляется летом, причем отпуск этот более продолжительный — длится он календарный месяц.

В-четвертых, общая система воспитательных акций включает, например, наставничество, то есть бесплатную передачу опыта лучших рабочих.

В-пятых, социальное страхование тоже носит льготный характер — соцстраховская путевка подростку выдается

независимо от стажа его работы, биплате оплачивается в повышенных процентах.

На страже интересов несовершеннолетних стоят многие организации и органы. История с Михаилом, о которой я рассказал, напомнила об одном из наших сложившихся принципов: увольнения подростка по собственному желанию, администрация обязана уведомить об этом комиссию по делам несовершеннолетних, в чьи обязанности входит выявление истинной причины ухода молодого рабочего. Комиссия назначена установить, не были ли ущемлены права подростка, и, если мотивы ухода убедительны, должна помочь парню или девушке найти другую работу. При этом подросток может выбрать работу, которая ему по душе: на каждом предприятии есть лимит рабочих мест, предназначенных только для несовершеннолетних.

Проект новой Конституции СССР законодательно закрепляет права молодежи на ту жизнь, о которой мечтает каждый молодой человек, выходящий за порог школы.

Юрий БОГДАНОВ,
старший советник юстиции
г. Рига.

СЛУЖБА ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Да, так часто называют службу сервиса. Нам, работникам этой сферы, хотелось бы, чтобы фраза эта никогда не приводила к ироническому характеру.

Обсуждая проект новой Конституции СССР, коллективы львовских предприятий общественного питания с полным единодушием высказались в его поддержку. Нас всех радует, что красниту через весь документ проходит забота о человеке — самом большом и важном достоянии общества. Конкретная работа, которой мы посвятили свою жизнь, непосредственно связана с тем, как будет чувствовать себя человек, с каким настроением придет он на завод или фабрику, как проведет свободное время. Поэтому, ведя разговор об Основном Законе нашего государства, мы на собраниях ставили много вопросов, решение которых поможет сервису избавиться от многочисленных, унылых, «болячек». Говорилось о необходимости улучшить организацию труда, обеспеченные инвентарем, вспомогательными средствами, оборудованием для кухни и т. д. Качественные сдвиги в обслуживании невозможны без соответствующих сдвигов в отраслях промышленности, с которыми мы связаны. Неоднократно высказывалась мысль: не следует ли создать союзно-республиканское Министерство общественного питания?

И еще одно. Не могу согласиться с равнодушием, которое проявляют к общественному радио и телевидению. Часто ли мы видим на экране повара, простоявшего четверть века у раскаленной плиты, или официанта, обошедшего за свою трудовую жизнь дважды земной шар и перенесшего на руках груз, которого хватило бы на три железнодорожных состава? А что мы слышали о кондитерах, завоевавших нашу страну золотые лавры международных конкурсов?

Быть может, было бы целесообразным ввести в текст новой Конституции СССР специальную строку о том, что «государство способствует развитию сферы обслуживания, рассматривая ее как важное средство удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей советских людей».

Ярослав САЛО,
лауреат всесоюзных конкурсов
официантов,
секретарь комсомольской организации
ресторана «Высокий замок»
г. Львов.

В СССР построено развитое социалистическое общество. На этом этапе, когда социализм развивается уже на своей собственной основе, все более полно раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни, трудающиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний.

ПОСТАВЛЕННЫЙ Конституционной комиссией на всенародное обсуждение

УЧИЯ

(АКОН) ТЕХНИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 20. В соответствии с коммунистическим идеалом: «Свободноечество каждого есть условие свободного развития всех» Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для развития, для всестороннего развития личности.

Статья 21. Государство заботится об улучшении условий труда, о сокращении в дальнейшем в полной вытекающей тяжелого ручного труда, о сокращении комплексной механизации и автоматизации производств.

Статья 22. В СССР последовательно претворяется в жизнь программа превращения сельскохозяйственного труда в резиновость: ведущим производством, расширяющим в сельской местности сеть учреждений народного образования, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания, торговли в коммунальном хозяйстве, преобразующим сел в деревни в благоустроенные поселки.

Статья 23. Государство неуклонно осуществляет курс на повышение уровня оплаты труда, реальных доходов трудящихся в соответствии с ростом производительности труда.

В целях более полного удовлетворения потребностей членов общества создаются общественные фонды потребления. Государство при широком участии общественных организаций и трудовых коллектизов обеспечивает рост и спреджение распределение этих фондов.

Статья 24. В СССР действуют в различных государственных системах социального обеспечения, бытового обслуживания, здравоохранения, коммунального хозяйства.

Государство поощряет деятельность кооперативных и других общественных организаций в области обслуживания населения.

В СССР существует единая система образования, которая служит краиному и физическому развитию народа. Образование в

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1209) ОКТЯБРЬ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
участники
Международного
детского фестиваля
«Пусть всегда
будет солнце!»

Фото Юрия УСТИНОВА

- 1 ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР.
Письма читателей из Альметьевска, Кировограда,
Львова, Риги.
- 2 УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ.
Михаил НАГАЙЦЕВ, секретарь комитета комсомола
Московского Метростроя.
«ВСЕМ, ЧТО ЗНАЕШЬ, ПОДЕЛИСЬ С ДРУГИМ!»
- 4 Генрих ГУРКОВ, специальный корреспондент «Смены».
«ДОРОГА ДЛИНОЙ В СТРОЧКУ».
- 7 Аркадий ПАЛЬМ. «КАНАЛ».
- 9 Эдуард БАБАЕВ. «ГОРЯЧИЙ ЦЕХ». Поэтическая хроника.
- 12 К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. ВЕХИ НАШЕЙ ИСТОРИИ.
«ДНЕПРОГЭС».
- 15 Стихи Сергея ДАВЫДОВА.
- 16 «ВСТУПЛЕНИЕ В ТРУД».
- 18 Фантастический рассказ Александра ЧАКЛИНА
«ЗАМОРОЖЕННЫЕ НАДЕЖДЫ».
- 20 «ЧЕЛОВЕК ИЗ СТРАНЫ ЗАГАДОК».
Фotoочерк Юрия ЛУШИНА.
- 23 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНЫ». «СТОЛКНОВЕНИЕ».
Обзор читательских писем.
- 24 «КРАСНАЯ ГВОЗДИКА» РАСЦВЕТАЕТ В СОЧИ».
- 26 Рассказ Валентина ГАРКИНА. «САМОКАТ».
- 28 К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО.
Юлиан СЕМЕНОВ. «ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК».
Повесть в эпизодах, письмах и документах (1902—1905 гг.)

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОДЧЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантуров. Технический редактор И. А. Кузьмина.

Издательство «Правда», «Смена». 1977 г.

В дни ударной комсомольской вахты, посвященной 60-летию Великого Октября, в ходе обсуждения проекта новой Конституции СССР получило широкое распространение немало ценных начинаний молодежи, направленных на повышение качества труда, эффективности производства во всех сферах народного хозяйства.

С начала юбилейного года «Смена» ведет рассказ о жизни и работе комсомольско-молодежных коллективов. В журнале выступали передовые рабочие, бригады, комсомольские работники.

Профессия строителя всегда привлекала людей деятельных, энергичных, жаждущих испытать свои силы в нелегких, а подчас и просто суровых условиях. И шли, идут в райкомы и горкомы тысячи юношей и девушек с одинаковыми заявлениями: «Прошу направить на ударную комсомольскую...»

Михаил НАГАЙЦЕВ,
секретарь комитета комсомола Московского Метростроя.

«ВСЕМ, ЧТО ПОДЕЛИСЬ»

Когда в тридцатые годы наша промышленность выпустила для метростроевцев первый проходческий щит — огромный металлический «крот» высотой с двухэтажный дом, иностранные специалисты оценили его максимальную выработку в 0,75 метра проходки за сутки. Комсомольско-молодежные бригады с самого начала давали по три метра... Так работали на строительстве метрополитена тысячи призванных комсомолом юношей и девушек, открывших совершенно новую профессию — метростроевец. Именно за большое участие в досрочном пуске первой очереди метро Московский комсомол был награжден орденом Ленина.

Метростроевец — профессия комсомольская. Более половины рабочих нашего управления не достигли еще тридцати лет. Можно много говорить о традициях метростроевцев, о преемственности поколений комсомольцев тридцатых и нынешних годов, но наиболее показателен один только факт: за 45 лет непрерывных работ (они не прекращались и в годы войны) каждая линия метро сдавалась досрочно и с высоким качеством.

Может быть, стройке созданы исключительные, «тепличные» условия? Утверждение насчет исключительности условий было бы верным лишь в одном отношении: в любой момент проходчики могут встретиться с самыми непредвиденными обстоятельствами.

Думаю, не многим знакомы особенности московской геологии. Например, из множества речушек, забранных в коллекторы, горожане вряд ли вспомнят какую-либо, кроме Неглинки, оставшейся в названии улицы и еще до недавнего времени напоминавшей о себе паводками в пору дождей. Но далеко не каждый знает, что между Комсомольской площадью и Сокольниками трассу метро пересекают в коллекторах речки Рыбинка и Чечора, что у Казанского вокзала «спрятаны» под землей Ольхова и Ольховец, а под Арбатом — речка Черторый... Когда проходчики вскрыли грунт, плотно осевший под тяжестью огромного города, земля ожила в полном смысле этого слова. Вскрылись загнанные в трубы реки, зашевелились плытвы, стали вторгаться в подземные выработки. Мы научились бороться со стихией недр, однако не все можно заранее предусмотреть. Так было не-

давно на строящейся станции «Марксистская»: в зал хлынула вода подземного озера. Но никто не растерялся, не запаниковал, быстро организовали откачу воды. Что бы ни случилось, станция должна быть сдана в срок — не в обычаях метростроевцев ссылаться при трудностях на «объективные причины». Хотя объективней и представить трудно.

Такова специфика стройки. Добавлю к этому, что и нам приходится, к сожалению, иметь дело с проблемами, общими для многих строительных организаций: неравномерной поставкой материалов и оборудования, нехваткой кадров... Решение текущих проблем редко обходится без участия комитета комсомола, штаба Всесоюзной ударной стройки.

В конце 1975 года за досрочный ввод в эксплуатацию Ждановско-Краснопресненского диаметра Метрострой был награжден орденом Октябрьской Революции. На строительстве этой линии произошло становление молодых коллективов двух строительно-монтажных управлений. В дни работы партийного съезда им было присвоено звание комсомольско-молодежных. Вскоре коллективу СМУ-11 пришлось держать еще один серьезный экзамен на строительстве станции и депо «Новогирево».

На одно из своих собраний бригада Владимира Боброва пригласила представителей комитета комсомола, администрации и предложила строить станцию по злобинскому методу; такое же собрание провели и соседи Боброва — бригада Володи Бутко. Обеспечьте материалами и техникой, говорили ребята, все остальное мы берем под свою ответственность. После этих собраний внешних перемен на участках вроде и не произошло. Но специалист мог бы заметить, что сократился расход вспомогательных материалов, что экскаваторы и прочая техника не стояли здесь «на приколе», а появлялись только в нужный момент и не задерживались лишнего часа после окончания работ. Ребята научились считать и проценты экономии и коэффициент полезного действия техники.

В соревновавшемся с ними коллективе СМУ-10 условия более трудные: здесь предстоит построить станцию глубокого заложения «Шоссе Энтузиастов». Бригады Ивана Талина, Павла Феоктистова, Владимира Овчинникова впервые встретились с новыми для себя подзем-

В юбилейном году Всесоюзными ударными были объявлены 125 строек энергетики и машиностроения, металлургии и химии, мелиорации и транспорта и других отраслей народного хозяйства.

Что характерно для жизни комсомольских строек? Это прежде всего ударный труд молодежи, ее забота о качестве строительства, это передача передового опыта, профессиональная учеба. Это воспитание боеспособных коллективов, которым по плечу многое...

Три адреса с карты Всесоюзных ударных представлены в этом номере «Смены». Разные города, разные стройки. Но одно объединяет их — энергия, творческая работа молодежи, то, что сконцентрировано в двух словах — «Ударная комсомольская»...

«ЗНАЕШЬ, С ДРУГИМ!»

ными работами. С помощью опытных рабочих из СМУ-6 ребята освоились в непривычных условиях, внедрили «подземный вариант» бригадного подряда.

На пленуме комитета комсомола, обсуждавшем положение дел в управлении, комсомольцы внесли предложение — превратить свои организации в образцовые. А это означает и внедрение бригадного подряда.

Было время, когда бригады проставляли из-за отсутствия бетона: сначала сократились поставки щебня, затем не оказалось железнодорожного транспорта. Штаб стройки связался с заводами Калужской, Тульской областей, установил контакт с трестом «Промстройматериалы», Министерством путей сообщения. Нет, мы не пытались подменить отдел снабжения, но практика выявила одну любопытную деталь, психологического, я бы сказал, характера: просьбы снабженцев привычны поставщикам и поэтому не всегда находят нужный отклик. Та же просьба со стороны комсомола часто оказывается более действенной. Так, мы взяли под контроль поставки редукторов для монтажа горных комплексов.

Конечно, не снабжение остается главной заботой комсомольского штаба. За последние полтора года мы приняли около полутора тысяч новичков. Обучить молодежь, заинтересовать профессией метростроевца, дать квалификацию — задача потрудней, чем «выбить» несколько вагонов щебня. Метростроевые университеты возглавляет целая армия наставников — их у нас почти полтысячи.

...Герой Социалистического Труда Павел Новожилов руководил передовой молодежной бригадой. Но в Метрострой прибывает пополнение, и Новожилов передает сложившийся коллектив своему воспитаннику Владимиру Попкову, а сам берется за создание новой бригады из молодых строителей.

Вслед за ним и другой бригадир, коммунист Леонид Грачев, набирает новичков.

Многочисленные ученики прославленного проходчика Александра Суханова нынче трудятся и в Московском метро и на строительстве БАМа, сам же наставник принял в бригаду бывших моряков-балтийцев, прибывших по комсомольским путевкам. Из демобилизованных моряков уже сформированы две комсомольско-молодежные бригады,

они разрабатывают сабой на станции глубокого заложения «Площадь Ильича».

У метростроевцев есть девиз: «Всем, что знаешь, поделись с другим». Воплощение этого девиза не только в передаче опыта «внутри» Метростроя, но и в помощи строителям метро Ташкента, Харькова, Киева, Баку, многих зарубежных городов. Москвичи всегда были в рядах проходчиков первых линий метрополитенов. Обмен опытом шел и идет в заботах, в проектных мастерских, в производственных отделах...

В нынешнем году ритм жизни города под землей особый: большинство бригад — и среди них 30 комсомольско-молодежных — обязались двухгодовой план завершить к 60-летию Октября. В эти дни проходят массовые комсомольские рейды по контролю за качеством и темпами работ. Казалось бы, при давно устоявшейся технологии строительства нельзя найти крупные резервы повышения эффективности труда.

Но вот комсомольцы СМУ-10 предлагают заменить чугунную обделку тоннеля железобетонной и экономят 765 тонн металла; комсомольцы завода железобетонных конструкций добиваются более эффективного расположения деталей в стенных блоках; в СМУ-5 монтируют досрочно платформу станции с помощью одного крана вместо двух по норме... В общем, постоянно на каждом участке внедряется что-то новое, прогрессивное. И внедляем, надо сказать, по инициативе, при непосредственном участии поставок «Комсомольского проектора».

Успех этой работы определяют три фактора. Первый: специализация внутри самого «КП». Она необходима, поскольку не может один проекторист с одинаковым знанием дела сегодня заниматься, скажем, проблемами технологии, а завтра — вопросами быта или дисциплины. Второй фактор: массовость. «КП» Метростроя — это более четырехсот комсомольцев. Знания и энергия такого отряда позволяют не ограничиваться редкими рейдами, а постоянно держать руку на «пульсе» стройки. И третий условие: замечая разные неполадки, проектористы тут же сами включаются в их устранение, а не просто ставят в известность администрацию.

...Город под землей живет своей, напряженной жизнью, растет, догоняя своими станциями новостройки столицы.

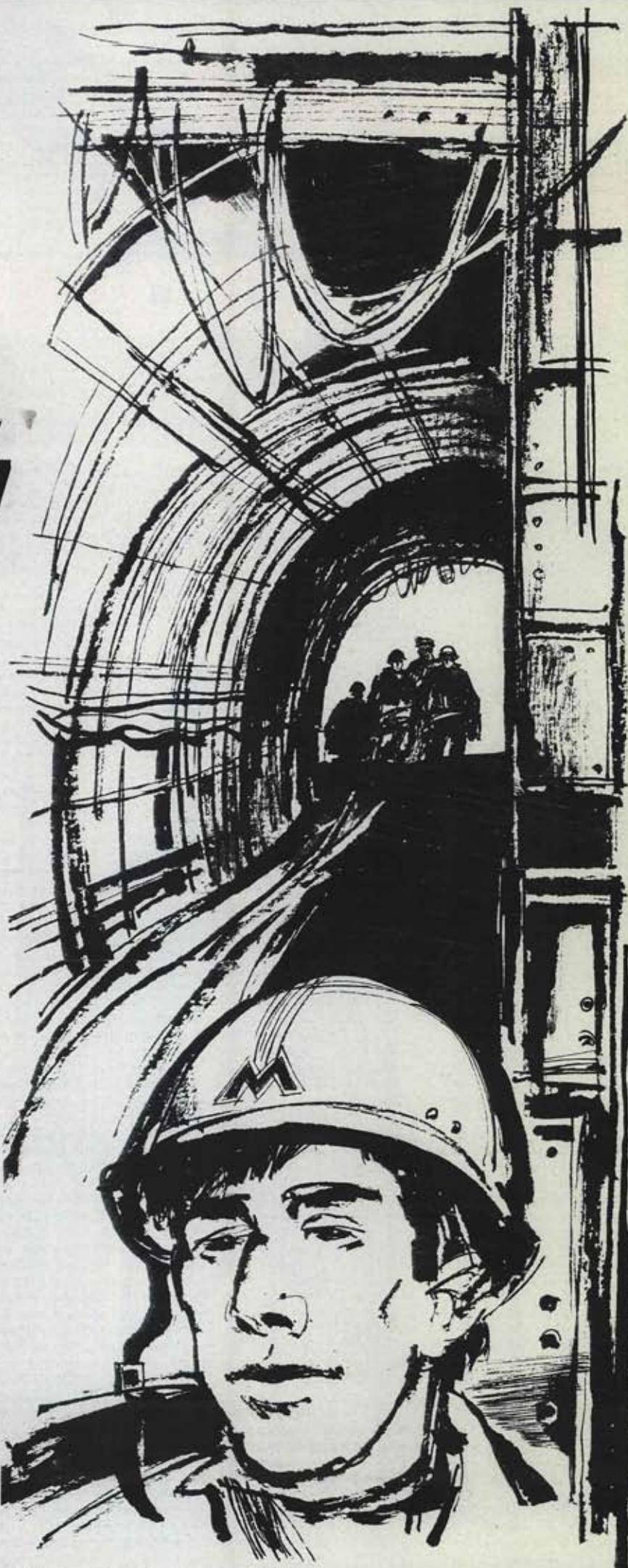
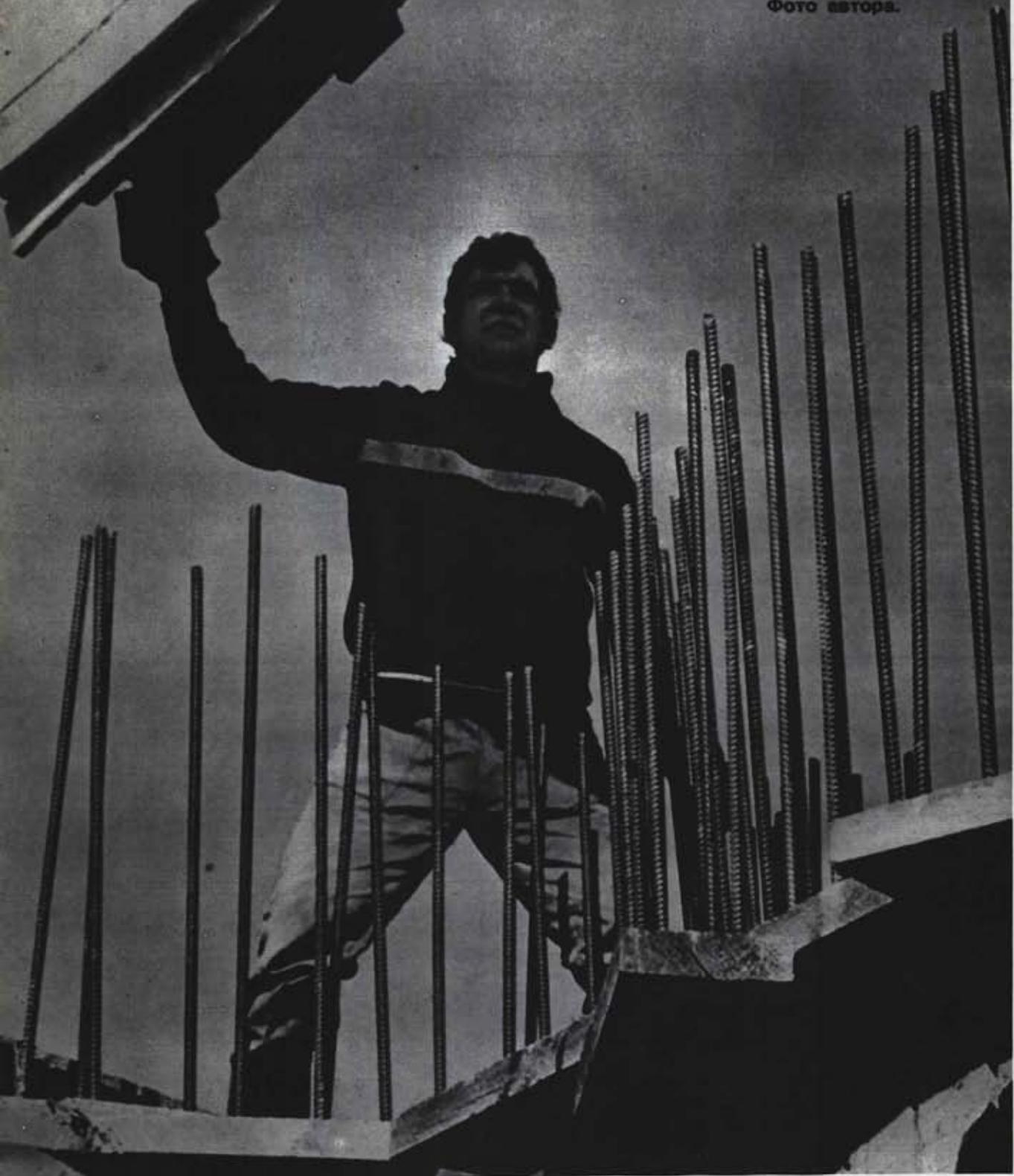

Рисунок Владимира СВЕТЛЯНОВА

дорога флиной в строку

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Смены».
Фото автора.

угой, пружинистый свист реактивных двигателей, туманный купол неба, бело-сине-красная аэрофлотская геральдика на серебряных сигарах самолетов, всегдашия бесполковая мельтешня пассажиров — а потом меньше четырех часов полета. Обычный рейс из Домодедова...

Тема моей сибирской командировки изложена строчке документа «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Заучит эта строчка предельно лаконично: «Продолжить строительство Томского нефтехимического комбината». Правда, предшествует ей программный тезис о формировании в Западной Сибири крупнейшего территориально-производственного комплекса — главной базы страны по добыче нефти и газа. Один из адресов, куда пойдет западносибирская нефть, — тот самый комбинат в Томске, о котором сказано: «Продолжить строительство...»

В ржавую болотную топь, утыканную, словно бородавками, колючими расщепленными кочками, смотрятся бересклеты. Они здесь удивительной мощи и красоты, с упрымыми ветвями, перекрученными то ли ветрами, то ли морозами.

— Зимой часто за 50 градусов переваливало, — говорит мне Виктор Кузяков. — Радиаторы машин застывали, ничем не прошибешь. У меня ботинки арабские были — так, представляете, подошва пополам раскололась. А щеки ничего, целы. Здесь сухой мороз, здоровый...

Виктор — сибиряк по рождению, бывший слесарь и солдат, сегодня начальник штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки и студент-заочник Томского инженерно-строительного института. Открытый, прямой взгляд, копна каштановых волос, сбитая энергия в каждом жесте. Мы стоим у обочины бетонки, время от времени ныряя в облака пыли от проходящих «КрАЗов», «МАЗов», «Татр». Впереди, сколько видит глаз, отрываясь от «нулевого цикла», карабкается к небу привычная геометрия большой стройки: прямоугольные свечи колонн, квадраты блоков, полукурги перекрытий...

— Темпы набираем. Хотя начинали трудно.

Трудно. Запаздывала техническая документация. Телефонные провода раскалялись, когда Томск вызывал иные из 30 «задействованных» проектных организаций. Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска. От выбранной вначале площадки пришлось отказаться — наложили «вето» специалисты по защите окружающей среды. Важные для снабжения Томска питьевой водой районы, заявили они, должны остаться неприкосновенными.

Пожалуй, эта ситуация весьма примечательна. Те, кому поручено или, лучше сказать, доверено осваивать богатства Западной Сибири, думают о том, как создать барьера на пути, увы, возможного превращения гигантской территории в замыганный, замусоренный заводской двор. Современную индустрию стремятся осмысленно, рационально и эстетически грамотно вписать в неповторимый сибирский ландшафт, не нарушить капризного экологического равновесия. Спорят и размышляют о темпах и сроках строительства, не забывая, во имя чего и кого ускоряются темпы и сроки. Не индустрия для человека... вроде бы предельно ясно. Но всегда ли и везде эта аксиома выдерживает бой, утверждает себя ежедневно и ежечасно под напором суетливой и настырной будничной текучки?

Никто не станет возражать против горшка с цветами в цехе. Но не важнее ли сохранить на пути к заводу рощу,

«подвернувшуюся» под ножи бульдозеров? Всем известно: легко свалить дерево, трудно его вырастить. Особенно, между прочим, там, где город врубается в тайгу.

В Томске помнят об этом...

На стене в обкоме комсомола я увидел броское объявление. Вот его текст: «Гигантская стройка Сибири ждет вас! В далеком сибирском городе Томске началось строительство крупнейшего в стране нефтехимического комплекса. Желающие принять участие в сооружении этого уникального объекта могут обратиться в любой горком или райком комсомола за направлением в отряд, который выезжает в Томск в ближайшие дни. В дорогу, друзья!»

Это объявление привезли добровольцы, приехавшие по комсомольским путевкам из Молдавии. На стройке сегодня занято около полутора тысяч человек. Две трети — комсомолцы.

Ребят не упрекнешь, что за льготами и коэффициентами сюда поспешили, хотя и то и другое стройка гарантирует, — говорит первый секретарь обкома комсомола Виктор Шувариков. — Основной мотив: люди хотели попасть на большое, масштабное дело. Считают себя первопроходцами по справедливости. Хоть и расположится комбинат в двадцати километрах от Томска, но как было там? Пришли в лес. Вокруг — ничего похожего на цивилизацию. Тайга, болота непролазные... Бензопила в руки — и приступай... Расчищали площадку, прокладывали дороги...

Сегодня основные профессии стройки — плотник-бетонщик, монтажник, шофер. Создано 47 комсомольско-молодежных коллективов. Появился переходящий приз, который вручается раз в квартал. Им очень дорожат: носит имя дважды Героя Советского Союза Николая Николаевича Рукавишникова, томича и почетного гражданина Томска, бывшего студента ТИАСУРа — Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники. Учредили приз, когда в городе проводилась Неделя науки. Космонавт приезжал, провел несколько часов в бригадах. Переписка с тех пор не обрывается.

Чего начинается строительство комбината?

В Томске отвечают: во-первых, проводим коммуникации; во-вторых, создаем базу строительной индустрии; параллельно строим жилье. Многогектарная площадка, где предстоит подняться корпусам нефтехимии, только-только начинает обживаться. Но она уже крепко скрученна сетью подъездных путей, уже обозначились контуры завода товарного бетона и раствора, завода железобетонных изделий, завода металлоконструкций, завода по ремонту строительной техники, гаража на 780 автомашин, котельной, складов... Мощная строительная база позволит не только решить задачу строительства химкомбината — она верой и правдой послужит городу. В районе Иркутского тракта и улицы Лазо будет построено 260 тысяч квадратных метров жилья для рабочих комбината и его строителей — со всеми службами, которые полагаются микрорайонам современного города.

— Жилье строим, комбинат в уме, — сказал заместитель директора Валентин Александрович Андреев. — В восемидесятом году у нас будет работать больше 15 тысяч человек. Нам необходимы стабильные, надежные кадры, наизусть знающие специфику стройки и по-человечески привязанные к ней. «Палаточный» метод строительства в наших условиях, под боком у Томска, ни с какой точки зрения не оправдан. Энтузиазмом комсомольцев-добровольцев злоупотреблять не намерены. Те крайние лишения, с которыми неизбежно было связано освоение Си-

бири в прежние годы, нынче могут и должны быть исключены из практики. Близорук тот, кто этого не осознает. Мы здесь, на стройке химкомбината, заявляем: каждый, кто к нам приедет, получит крышу над головой. И мы будем заботиться, чтобы эта «крыша» становилась просторней, удобней, комфортабельней.

Андреев рассуждал с той уважительной и, я бы сказал, деловой любовью в будущий комбинат, какая прочно утвердилась в городе — не раз имел возможность в этом убедиться...

Было время — индустриальная биография Томска складывалась сложнее и драматичнее. Шли эшелоны с Запада, шли из районов, куда ступила железной пятой войны. В первые пять месяцев Великой Отечественной в Западную Сибирь было эвакуировано 244 предприятия, в Восточную Сибирь — 78. Если бы существовала возможность пустить стаки прямо на вокзальной площади, их бы пустили, выгрузив из вагонов и с платформ. Выигрыши минут — не было тогда ничего важнее. Истекавший кровью фронт ждал.

Низкий поклон Сибири за то, что она совершила в войну! Стали в те годы сибиряками, получили здесь постоянную прописку многие из эвакуированных людей и заводов. Заводы растили бицепсы — жилые кварталы ждали своего часа. Теснились в каморках тесных деревянных домов старые и новые томичи. Долго, очень долго...

Сегодня строительный кран — неотъемлемая деталь городского пейзажа. Нормально. Привычно. Будет этих кранов еще больше — вокруг химкомбината «заявляется», опираясь на его транспортную сеть и строительную базу, перспективный промышленный узел. И тем, кто связывает с ним судьбу, Томск вручит ключи от квартир.

— Вот, взгляните, ну что это такое? Ведь до чего намучаешься с этой столяркой, пока ее зашпаклюешь! И как только ухитряются ее такой косматой выпускать...

Сердитый этот монолог я услышал в одном из новых домов, которые готовятся к сдаче. «Косматая столярка» — к сожалению, не единственное, что доставляет много лишней работы и много горечей маляру управлению «Химстрой» Апполинарии Веденниковой и ее подругам по бригаде.

Апполинария, или, как ее чаще зовут, Полина — круглоголовая, подвижная, как ртуть, — человек доброты удивительной, и «сверххиспихолог» не надо быть, чтобы это понять. Достаточно обменяться с ней хотя бы несколькими словами, послушать, как она о людях говорит. Или понаблюдать, как, сделав свое, подходит она к рабочему месту соседки и, не произнося лишних слов, начинает мыть, чистить, мазать, скрести бугристую, дырячатую панель. И это без угрюмо-серьезной мины, без покровительственного похлопывания по плечу. Вдруг наклонится к уху соседки, скажет что-то, и зальются обе смехом. («Радостная у нас работа, — сказала мне Полина. — Квартиру получаем раздетую, неожилая она, холодная. А сдаем — чистую, свежую, нарядную, как на праздник собралась...»)

— Или панели эти. Я считаю, надо менять технологию, привести их наконец в порядок. Мокрые, неровные, со сусальками прямо как сталактиты на них... А зазоры? Вот вы не поверите, а в одной квартире такой зазор был — ну, я не пройду, а Света Данилова, она тоненькая у нас, так она туда и обратно без труда ширкнула...

Когда Веденникова огорчается по поводу неприятных вещей — это не устраяла ворчливость, не абстрактное брюзжание по поводу несовершенства мира. Это — неукротимое стремление сделать хорошим то, что не может, не имеет права быть плохим. («Ведь кому кварти-

ры-то строим? Своим же товарищам, которые там, на площадке, и мерзнут, и в глине вязнут, и от пыли задыхаются. Так что ж они, спасибо скажут за щели и трещины, за окна, которые не открываются, за двери, которые перекосились?»)

Что касается самой Полины, то она «работу выполняет только с отличным качеством». Я цитирую наградной лист. Его составляли, когда, подведя итоги соревнования, вручили Веденниковой путевку в Москву: как победителю, ей предоставлено право быть сфотографированной в Кремле.

Звание «Ударник коммунистического труда»... Серебряный знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки»... Орден Трудового Красного Знамени... Премия Ленинского комсомола... За эти награды «голосовали» квадратные метры квартир, которые Полина, кляня на чём свет стоит бракоделов, доводила до высшей кондиции. За них сказали свое веское слово часы и дни, что депутат горсовета Веденникова посвятила сложным проблемам жилья в городе, жалобам, по которым должно было быть принято быстрое и справедливое решение. Поздравляли, обнимали Полину и ее старшая подруга бригадир Мария Михайлова Фролова, заслуженный строитель РСФСР, и девочки из ПТУ, которых она, наставница, подготовила на разряд...

А ведь строителем стала по чистой, казалось бы, случайности. Окончила школу, поступила в торговое училище. Работала продавцом. Потом, когда появились сын Олежек и дочка Аллочка, начала искать место, чтобы для малышей после смены побольше времени оставалось. Попала на стройку. Понравилось. И нравится все больше. «Радостная у нас работа...»

Определилась окончательно. С неуловимостью, с какой делает все, участвовала в конкурсах профессионального мастерства. Вспоминает первый: «Подвела меня тогда пластика. И так я с ней и этак... Не сохла, проклятая. Получила я грамоту за 5-е место и разревелась как телка...» А на следующем конкурсе на лучшего отделочника области и зоны Сибири — 2-е место.

За пятилетку — семь годовых норм выполнила. Трудно? «Можно бы больше. Только нужна нам, ой, как нужна механизация. Ну, хотя бы простейшие подъемники. А то побегай с раствором на пятый этаж...»

Вечером — портфель в руки и на занятия. Томский инженерно-строительный институт, факультет промышленного и гражданского строительства, 4-й курс.

— Химкомбинат — фронт работ на всю жизнь!

Ребята из комсомольского штаба любят цитировать высказывание директора комбината Виктора Степановича Гетманцева: «Строим БАМ химии».

Местный патриотизм? Простительное преувеличение, продиктованное увлеченностю?

Вот факты...

После освоения производственных мощностей только первой очереди (1979—1983) Томский химкомбинат станет самым крупным в Советском Союзе предприятием по выпуску полиолефинов — сырья для изготовления пластмасс и синтетических волокон. В частности, он даст 70 процентов общесоюзного производства дефицитного полипропилена.

...Разноцветная дробь в стеклянных колбах, которую мне продемонстрировали в дирекции, способна произвести впечатление, вероятно, только на специалистов. «Гранулированные полиолефины» — так это называется. Полистаешь проспекты — и уже не задаешь вопрос, что из этой дроби делают. Хочется спросить: а чего из нее не делают?

Экономика сегодняшнего, а тем более завтрашнего дня немыслима без множества типов и видов пластмасс. Полиолефины — это детали радиоприемников,

телевизоров, автомобилей, кораблей, станков... Это кабельная изоляция (она в 12 раз легче и в 5 раз дешевле свинцовой)... Это трубы разных диаметров — от нескольких миллиметров до метра... Это... Впрочем, оглянитесь вокруг. Разве не завоевывают пластмассы репутацию «материала века» и в производстве и в быту?

Первая очередь комбината окунется за два с половиной года, так что следующие очереди будут строиться за счет прибылей, полученных от работающих производств. Расчет проектировщиков: в 1990 году Томский нефтехимический гигант будет производить 1 миллион 750 тысяч тонн полиолефинов (для сравнения: в 1975 году в стране выпущено 410 тысяч тонн). Затраты на рубль товарной продукции составят 35—40 копеек. Производительность на одного работающего — 140—150 тысяч рублей в год. Иными словами, по всем решающим показателям Томский химкомбинат войдет в число правофланговых отечественной индустрии, предприятий, которые соединяют масштаб с высшим мировым уровнем.

Так она расшифровывается, эта строчка из документа, единогласно одобренного XXV съездом партии. Вот почему стройку комсомол объявил Всеобщей ударной.

— Если откровенно, то мне хотелось бы, чтобы вы встретились с этой бригадой попозже, ну, хотя бы через пару месяцев, — без обиняков, в обычном своем стиле сказал мне Виктор Кузяков.

Форсируя «водные преграды» — развел изрядно после дождя, — мы с ним пробирались между корпусами стройки. Меня, как гостя, в штабе обули в резиновые сапоги. Виктор скакал через коричневые глиняные заводи в ботиночках. («Нам директор всегда повторяет: «Руководству стройки сапоги не полагаются. Мы с вами обязаны позаботиться о дорогах. А то на работу как на охоту в тайгу снаряжаемся».)

— Почему позже? — переспросил я. Мы уже почти «доскакали» до вагончика — резиденции бригады.

— Отличные ребята там. Асы. Но досталось им... Представьте, зимой они монтировали 24-метровые перекрытия. Что это такое, понять нетрудно. Висит эта машина на трюсах крана, противно так мотается... Ладно, поставили... А потом этим же ребятам пришлось все демонтировать. Не потому, что плохо сделали. Просто поставщики сообщили: снабжать вас этими фермами в предложенные комбинатом сроки не можем... А время подгоняло: в начале семидесятых начнет поступать оборудование для основных цехов. Выход оставил один: демонтаж и переход на другие конструкции. Разговор, конечно, в бригаде был такой, что и вспоминать не хочется. Ведь мы там бригадный подряд вводили, а какой подряд без устойчивых поставок...

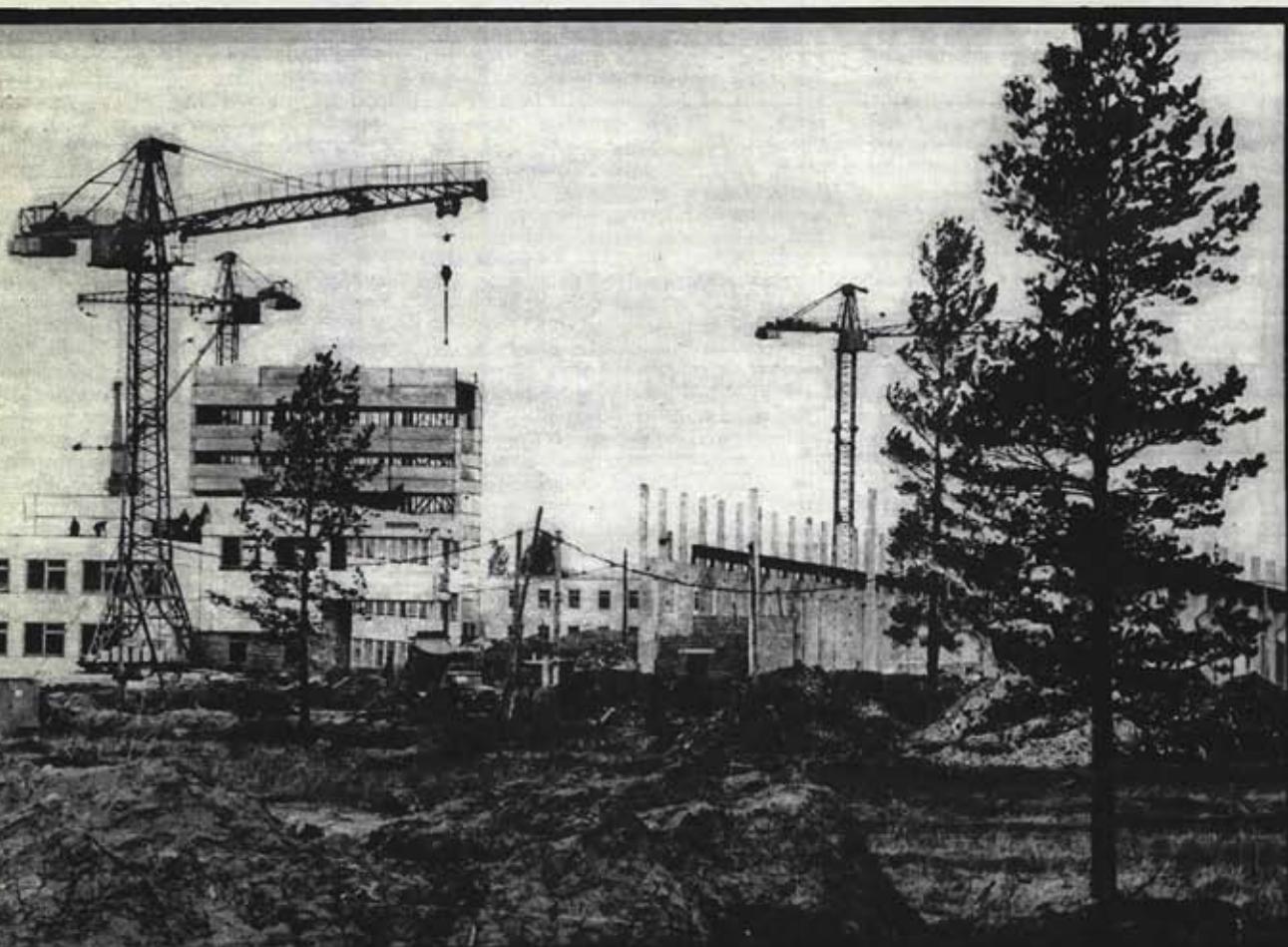
— Ну, а сегодня?

— Да и сегодня неважно с поставками. Бригада уже устала от этих окаймленных вынужденных перекуров.

— Что же делать?

— У нас нет гарантий, что все пойдет на лад само по себе. Поставщики у комбината множество, и не везде отношение к нашей стройке достаточно ответственное. Дирекция ломает голову, принимает соответствующие меры. Наш штаб — тоже. Отправили письма в комитеты комсомола предприятий, от которых зависят стройка. Получили ответы: комсомольские организации берут под контроль заказы Томска...

Мне доводилось наблюдать: кое-где зияющие прорехи в деле пытаются заткнуть неумеренной транспарантной трескотней. Былинные богатыри в спецовках на фоне металлоконструкций, творения плакатных дел умельцев, както особенно щедро расцветают картонными улыбками там, где плохо спаива-

СИЛУЭТЫ ТОМСКА.

ются с организационными, технологическими, дисциплинарными и прочими безобразиями. Слово призвано помогать делу. Но оно может его и компрометировать.

Здесь, в Томске, не боятся назвать своими именами ошибку, неудачу, разгильдяйство. Стенды наглядной агитации конкретны, самокритичны. Так было... Так есть... Так может и должно быть... Опыт лучших. Характеристика резервов. Анализ «проколов». Здесь реальный Алеши Попович, когда улыбающийся, а когда бранящийся, вооружен логарифмической линейкой или электронным карманным калькулятором. Здесь цифры не еловые украшения для отчетов. «Поэтом можешь ты не быть, экономистом быть обязан...» Такова атмосфера этой стройки. Здесь ценят доказательность и добротность в работе, а не кликушество.

...Размышляю об этом, слушая, как проходит планерка в комсомольско-молодежной бригаде Крупнова. Собственно говоря, крупновской эту бригаду называют по инерции. Сам Крупнов, получив диплом инженера-сварщика, долго не расставался со своими ребятами, но в конце концов все-таки ушел с монтажа. Бригада осталась. И осталось то, что родилось в ней и укрепилось в крупновские времена: безусловная добросовестность, четкая, осознанная дисциплина мастеров высшего класса, готовность в любой момент прийти на помощь товарищу, тяга к учебе (из девяти человек — трое в техникуме, трое — в строительном институте).

Сидим в тесной бригадной «бытовке», идет неторопливая дискуссия о том, кто как сработал в прошлую неделю, что предстоит сделать в эту.

Каждый говорит о себе и о других спокойно и раскованно. Ничего похожего на взаимные упреки — коллектив сколотился такой, что все воспринимается с полуслова. Если появились претензии, собрания не ждут. Камень за пазухой не привыкли держать. «Совместимость» на площадке и за ее пределами стопроцентная. И хотя — прав Виктор — не в

ГДЕ ВЧЕРА ШУМЕЛА ТАЙГА...

«звездные часы» попал я в бригаду, прежде всего бросалось в глаза: ни малейшей нервозности. Не перегорели ребята, не растеряли азарта и напористости, не сбила их с толку горькая история с демонтажем, не обезоружила обидная беззлобность с поставками.

Обсудили, кто оказался в эту неделю лучшим в соревновании за право подписать Рапорт Ленинского комсомола ЦК КПСС к 60-летию Октября. Назвали трех или четырех кандидатов. Потом остановились на одном — Саше Туласове, комсорге бригады. На самых тяжелых операциях был занят, раз. Хитроумный способ придумал, как быстрее и надежнее 8-тонную колонну металлическими клиньями закреплять, это два. В ТИСИ, в Томском инженерно-строительном, где учится на третьем курсе, ни одной консультации не пропустил, да еще потом с товарищами по бригаде и по институту Валерой Савицким и Колей Димаковым весь материал проработал.

Проголосовали. Кто «за»? Кто «против»? Единогласно. Записали имя Туласова Александра Степановича в красную книжечку — переходящий мандат обкома комсомола.

Высокий парень, светловолосый и светлоглазый, с мягкой, даже застенчивой манерой держаться, рассудительный и сдержанный в словах, экономный и собранный в движениях. Строительный дебют его — мост через реку Томь. Пошел туда работать монтажником по-

У ПАПЫ ВЫХОДНОЙ.

ЭТИ ТРУДНЫЕ КУБОМЕТРЫ...

МАЛЯР ПОЛИНА ВЕДЕРНИКОВА, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.

ле десятилетки. Отслужив в армии, туда же, на мост, вернулся.

— Наверное, когда мост сдали, и почувствовал себя строителем.

Улыбается — неожиданно ярко, безудержно, по-мальчишески. Где она, со-пидность-степенность?

— Саша, а почему эта стройка, почему химкомбинат?

— Так ведь дело огромное, для всего Союза важное. Хочется руку приложить.

Романтик?

Я прочитал в книжке, выпущенной местным издательством, стихи Александра Калашника, журналиста из «Томского нефтяника», энтузиаста и ветера-на студенческих строительных отрядах.

Романтика — твой хлеб просолен потом.

Романтика — мозоли на руках.

Романтика — тяжелая работа, Как песня на запекшихся губах...

Романтика в сибирском исполнении. Без бенгальских огней и сахарного сиропа. Мужественная. Человечная.

Жизнь всюду и везде, на каждом шагу учит ценить качество — здесь особенно сурою учит.

Прораб Юрий Петрович Ковтун, сибиряк «по выбору» (из Подмосковья сам, но уже второй десяток лет на строительных площадках Томска «разме-нял»), рассказывает:

СИБИРЯЧКИ.

— Тон на стройке задают професси-оналы. Думающие, самостоятельные ребята. Учатся почти все — в школах рабо-чей молодежи, в техникумах, в институ-тах. Ну, и спрос у них друг с друга соответственный...

Однажды вот что случилось...

Прокладывали дорогу. Торопились, естественно. Основание дороги в одном месте не слишком тщательно утрамбовали-укатали. А почвы здесь хлипкие. Бетонная плита скосилась — и попробуй проехавть. Тяжело груженный МАЗ мало приспособлен для автозвилистики...

— Как всегда, и дело подгоняло и обычная наша неумная горячка: быстрее, быстрее... Где разумный рубеж этого «быстрее»? Строили — сконо-мили минуты. Потом потеряли часы и дни на этом «разъезде»...

Было в дирекции совещание — при-гласили на него «авторов». Дали слово шоферам, которые ту дорогу преодолевать должны. Те высказались. Не в «акварельных полутонах», как нетрудно догадаться. Потом кто-то предложил: пройдем, посмотрим, как эта плита «в работе» выглядит... Отправились туда, где кувыркались МАЗы с панелями... Постояли, слов больше не произносили. «Хватит», — взмолились бракоделы. — Сегодня после смены все приведем в порядок».

И привели.

Да, здесь неловко плохо работать, на этой стройке. Не хватает людей, каж-дый ограж — проблема. Неловко перед товарищами. Неловко перед самим собой. «Микроклимат ударной» не изобретение досужих социологов. Пусть еще только набирает размах стройки, пусть еще только в рулонах чертежей суще-ствует будущий комбинат — микроклимат здешний не проглядишь. Утверждил-ся он и продолжает утверждаться.

В старинном гербе Томска — вздыбленный белый конь на зеленом поле. Толкование простое. Извоз, лес. Ямщики томские знамениты были во всей России. Ну, а что такое сибирский кед-рач или строевая сосна, растолковы-вать не требуется. Примерно шесть про-центов лесного богатства Советского Союза — на территории Томской облас-ти. Считайте: каждое шестнадцатое-семнадцатое дерево в стране.

Эпоха неизменно стучалась и будет стучаться в мир символов, корректируя и обогащая их. Разве не просятся сегодня в герб Томска нитка нефтепровода, ажурное хитросплетение буровой или сверкающие шары и цилиндры химком-бината?

В томских вузах целые факультеты «разворачиваются» в сторону нефтехими-ческого комплекса — потребуются инженеры, ученые. Будет создано спе-циальное ПТУ — нужны квалифициро-ванные рабочие. Доводится до проектной мощи нефтепровода Александров-ское — Анжеро-Судженск — по нему комбинат будет получать сырье. Тран-спортники прикинули, какими средствами легче и быстрее можно будет доб-раться до проходной. Оказалось, что автобус-экспресс или скоростной трам-вай доставит сотрудников комбината из центра города всего за восемнадцать минут. В лабораториях томских НИИ идет поиск оптимальных технологиче-ских решений, уже теоретически обос-нован и практически подтвержден спо-соб в три раза сократить расход нефти при производстве этилена. Архитекторы обсуждают инфраструктуру новых рай-онов. Комсомольский штаб стройки от-правляет письма в воинские части: «Ребята, после демобилизации ждем вас к себе!»

Нефтехимия — вот тот «белый конь», на котором Томск «въезжает» в восьми-девятые годы.

Интересная, многообещающая дорож...

ВСТРЕЧА НА 104-М...

104-й километр Всесоюзной ударной комсомольской стройки канала Днепр — Донбасс — это стель в росной траве. Стою в ней по пояс. Желтые пушистые шмелей боятся в золотые цветы калана, в белые звезды ромашек. Шелестят под ногами стебли частухи да осоки. Трасса уходит по пойме реки Орел.

Мачты ЛЭП раскинули руки и вытяну-ли из Днепрогэса, Приднепровской и Змиевской ГЭС ворох проводов. Так что первое русло канала — электрическое. Но если длина канала 240 километров, то длина всех линий электропередач почти в три раза больше. Это естественно, надо задавать работу 27 тысячам моторов. От крохотных — в ладонь, до громадин — в жилую комнату. Они приводят в движение несчетное количе-ство машин и механизмов.

Мне нужен шагающий экскаватор. «Шагай», как его называют на стройке. Почему именно он? Сейчас объясню. Родина «шагаев» — Краматорск. Потом они уже разбрелись по белу свету. А все началось с Новокраматорского ма-

ностроительного завода. Открывается кабина, показывается молодое лицо ма-шиниста, но я оттягиваю знакомство. Рано еще. Надо успеть проложить мосток между тем делом, которым занят сейчас машинист, и некоей историей, происшедшей много лет назад.

КРУЖКА И КУБОМЕТР

В черте Краматорска течет речка Торец. Не так много в Донбассе речек: Бахмутка, Айдар, Кальмиус. А в общем-то край донецкий безводный. Мне пришлось убедиться в этом летом 1946 года. Уже в начале мая суховеи опусто-шили поля. Акации на Триумфальной улице покрылись ржавыми пятнами, ли-стья свернулись в трубочки. Торец обмелел. В домах захрипели от жажды кра-ны. Кружка воды на Сенном базаре стоила 15 копеек. Конечно, я тогда не знал, что, по данным ЮНЕСКО, кубо-метр пресной воды в мире стоит около 20 копеек. Мальчишка лет 16, со стран-ной кличкой Вика Боба, организовал синдикат из «семечек» — малолеток-мальчишек, торговавших водой.

Аркадий ПАЛЬМ

КАНАЛ

шиностроительного завода имени В. И. Ленина.

Я ищу земляка. Моя юность прошла в Краматорске. Правда, к «шагаю» я никакого отношения не имел. Просто на нашей улице жили дети тех, кто зани-мался шагающими экскаваторами. Ин-женеры Кузнецова, Шинкаренко, Грыж-бовский, Хургин, Доценко; рабочие Трейдуб, Быков, Капустин — чью биогра-фию ни разматывай, она обязательно перехлестнется с «шагаю».

Наша улица жила своими интересами, но заводские события не оставались для нас тайной. Так или иначе, а судьбы и взрослых и детей были связаны с тем, что происходило в цехах. Помни так-ой случай. Однажды нас пригласили в гор-ком комсомола. Речь шла не просто о воскреснике на территории машино-строительного завода. Требовалось помочь технологам перебрать гору металлического лома. Каждый из нас получил эскиз двух-трех деталей, которые, воз-можно, находились в груде искорежен-ного металла. Парторг ЦК ВКП(б) Виктор Александрович Кузнецов объяснил, зачем позвал. Разрушенный немцами завод восстанавливался с большими трудностями. Огромный парогидравлический пресс, развивавший усилие в десять тысяч тонн, был негоден. В нем не хватало около 5 тысяч деталей. Их-то мы и искали. Азарт поддерживали слухи: мол, американские фирмы согла-сались изготовить детали, но требуют миллиард рублей золотом.

— Еще чего, — прищуривал глаза Ле-ния Быков, — мы сами. — И волок на пло-щадку пудовую шестерню.

Кузнецов нашел, что искал: стальную отливку нужной формы. Из нее изгото-вили главную деталь — боковой ци-линдр пресса. Прошло около трех меся-цев, и пресс ожил. Без него «шагаи» не могли бы родиться.

Воспоминания — пароль. Сейчас я по-дойду вон к тому «шагаю», что стоит на дне канавы, и мы обменяемся паролями. Точно. Железная машина поворачивает шею, и рядом с боковым номером 109 я вижу то, что хочу видеть: «ЭШ-5/45. НКМЗ». Расшифровываю: «Экскаватор шагающий, пятикубовый, с длиной стре-лы 45 метров. Новокраматорский маши-

нальный завод». Открывается кабина, показывается молодое лицо ма-шиниста, но я оттягиваю знакомство. Рано еще. Надо успеть проложить мосток между тем делом, которым занят сейчас машинист, и некоей историей, происшедшей много лет назад.

— Послушай, ты можешь быть мне полезным.

Наконец-то я дождался персонально-го обращения. Гордячка была эта Таня, не передать.

— Найди родник, пожалуйста, — сказала она.

Нашел за меловой горой в овраге. Ручей таился в кустах ежевики. Для верности оплел его колючей проволо-кой.

Войну еще только начали «убирать» с земли — проволоки валялись сколько угодно. Привел Татьяну. Она увидела и крикнула:

— Да как же ты смел!

Бросилась к ручью, голыми руками растигла проволоку. До сих пор я вижу кровь на ее ладонках. Она о воде, как о живом существе, думала, та Таня.

А с Викой Бобой мы встретились при таких обстоятельствах. Иссиня-раннее утро. Трасса Каракумского канала. По-селок Ничка. Мне, корреспонденту «Комсомольской правды», рекомендуют лучшего бульдозериста, недавнего по-граничника.

— Здорово, земляк, — говорит, подхо-дя, Виктор Бобашинский.

Мы не обнимались. Молча сели на песок. Только пять часов утра, а уже нечем дышать. Над нами небо без единого облачка. Возле юрт урчат буль-дозеры. От жары густеет кровь, испека-ются глазные яблоки. Виктор Бобашин-ский — лучший машинист экскаватора на Всесоюзной ударной комсомольской стройке.

— Как там дома? — спросил он.

— Вроде помаленьку.

— А Кузнецков?

— Умер парторг. Сына его знал, Игоря? Дипломат он, работает в Марокко.

— А та Таня?

О той Тане мне распространяться не забыл. Выходит, и Виктор ее не забыл. Интересно.

Подбежал какой-то юноша в рваной красной майке, зашептал Виктору что-то на ухо. Поднялся экскаваторщик, поклонил плечами: извиняюсь, мол, со вре-

УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

менем не очень. Чтобы как-то сгладить неловкость от своего ухода, добавил:

— Мальца вот обучаю.

Это он о том мальчишке, в красной рваной майке.

ВОДА В ЛАДОНИХ

Жаль, если вам не доводилось пить воду из ладоней. Тот самый сладкий последний глоток, когда губы касаются пахнущих соляркой рук. Оказывается, на нашей планете каждый второй человек страдает от недостатка пресной воды.

Донбасс сказочно богат. Но богатства эти оплачены и водой. Вот как это выглядит.

Для того, чтобы выплавить лишь одну тонну кокса, надо израсходовать 350—500 тонн воды.

Для того, чтобы получить лишь одну тонну синтетического волокна, надо затратить 4500—5000 тонн воды.

Для того, чтобы вырастить лишь одну тонну пшеницы, надо израсходовать 1300 тонн воды.

Местные реки не в состоянии утолить жажду Донбасса. Требуется помощь Днепра. 700 миллионов рублей стоит канал Днепр—Донбасс.

ШАГИ ПО БОЛОТАМ

...Итак, на «ЭШ-5/45» № 109 открылась кабина, и на капитанский мостик вышел человек. В управлении мне сказали, что если нужен строитель Каракумского канала, то надо искать на 109-м «шагае». Признаюсь, мне очень хотелось на берегу Орели поговорить о Туркмении, о канале, который уже спешит к Каспийскому морю. Но машинист экскаватора с обворожительной улыбкой сказал:

— Ошибка. Я в Каракумах не шагал. Канал Иртыш—Караганда — другое дело. Зовут? Виталий Петрович Конев, если полностью. Откуда? Станция Костромская Ярославского района, Краснодарского края...

Диалог наш начался, когда машинист находился на мостике, закончился на земле. Виталий спустился по трапу и вскинул руки, удивляясь:

— Болота!

Есть чему удивляться: не Тюмень ведь, юг Украины, и на тебе, болота! Отсюда и особенности. Прежде чем начать строительство насосных подстанций, нужно проделать уйму подготовительной работы. Ну, прежде всего возвести оградительные дамбы, откапать воду, наладить систему водоотлива, лишь потом уже рыть котлованы. Сам канал имеет 80 метров в ширину и 240 километров в длину. Конечно, можно было не лезть в пойму Орели, а идти полями. Но тогда бы загубили около 100 тысяч гектаров пашни. Оставались болота, в них и шагнул канал.

ЖОВНАРЧУК

Конев приехал позже и, конечно, не помнит, как начался канал. Правда, единого мнения на этот счет не существует. Есть три версии.

Первая — с объявления, написанного Жовнарчуком. Вторая — со стола и стула, реквизированных Жовнарчуком. Третья — с пишущей машинки, добытой Жовнарчуком у местного населения.

Итак, ранней весной, а точнее 24 марта 1970 года, на станции Перещепино с поезда сошел мужчина лет сорока. В руках он держал лист ватмана, свернутый в трубку. Дежурный милиционер доложил по инстанции, что около девяти утра некий гражданин, назвавший себя начальником СМУ какого-то канала, пытался вывесить на здании вокзала плакат никеследующего содержания:

«Я ЗДЕСЬ. Жовнарчук.»

Все-таки в конце концов он это объявление повесил. Как и обещал тем, кто

собирался в дорогу из Таджикистана, с Нурекской ГЭС.

...Был солнечный день. Вахш покорно отдавал свою силу гидротурбинам. Жовнарчук вспомнил, как с друзьями поднимал на скалы первую передвижную электростанцию. Тогда они получили свет — аж на шесть лампочек. Не так просто было по отвесной скале дотянуть на троих эту электростанцию. Месяца полтора они ее вытягивали и дали свет там, где никогда его не было. Жовнарчук вдруг обнаружил, что ему до слез жалко покидать Нурек.

Провожало Жовнарчука множество семей. Не человек — семейство. Для них он и приготовил тот плакат на вокзале в Перещепино. Все так просто. Дежурный милиционер наконец тоже понял и сам помог повесить объявление.

Не знаю, как начался бы канал Днепр—Донбасс без веры в Жовнарчука. Ведь столько семей приехали. Ведь и поближе работа была, а за них потянулись. Чем он их приворожил?

— Послушай, может быть, ты мне объяснишь, а?

Владимир Михайлович Житников — 1939 года рождения, из города Рубцовска, Алтайского края, участник строительства Бухтарминской ГЭС, канала Иртыш—Караганда, Нурекской ГЭС — ответил:

— Несерьезный он человек. Руки, говорит, у тебя красивые. А что в них? — И Владимир положил на стол две ладони. Стол был большой, канцелярский. Волюны руки половину заняли. В таких руках можно держать 11 профессий. Житников — экскаваторщик, плотник-краснодеревщик, стекольщик, слесарь, шофер, бульдозерист...

Странный вопрос, — говорил Леонтий Иванович Пьянков, уроженец села Вари, Удмуртской АССР, бульдозерист, участвовавший в строительстве канала Иртыш—Караганда, Нурекской ГЭС, — приехал я, прочитал объявление. Нашел Жовнарчука. А он говорит: к работе приступать сейчас надо. У тебя сыновей трое, не ошибся? Старших устроил по специальности, а младшего в детский сад. Ночевали в вагончике. Он тоже напротив жил. Квартиру в поселке получил позже всех нас.

Виталий Николаевич Федяков, выходец из деревни Соколятка, Свердловской области, работал экскаваторщиком на строительстве Горьковской железной дороги, строил КамАЗ, добавил:

— В корсете ходит. Это у него после аварии. Выручал одного парня, сам пострадал. Я лично очень трудно физическую боль переношу.

Когда Жовнарчук появился в Перещепине, то после вокзала пошел в степь оглядеться. По пути заглянул в местную типографию. Директор оказался человеком мягким и мечтательным. Они беседовали о древней культуре Согда-аны, землетрясениях, особых свойствах таджикских дынь. Назавтра из кабинета директора типографии вынесли приставку к письменному столу и стул. Новый начальник СМУ попросил поделиться. Очарован он также заведующим почтой, просит открыть ему кредит на междугородные переговоры. Женщины, которая пришла наниматься на работу, поставил условие: найдите машину, любую. Отсыкали трофеинный «Рейнметалл». Машина заикалась сразу на две буквы: на «и» и «р». Жовнарчук усмотрел в этом намек на «12 стульев». И отнес машину к знакомому директору типографии. Подсыпал недостающие буквы, прилагая. Отпечатали первые служебные бумаги. Под контур занял хату-развалюху. Под склады — здание бывшей тюрьмы.

Среди первых приказов по СМУ был приказ о столовой. На окраине села стояли два одноэтажных домика. Жовнарчук выпросил их для себя, велел соединить дома залом и крышей. Соорудили за неделю. Стоят до сих пор.

Между тем электрики, которыми ру-

ководили Валентин Шашкин и Аркадий Кущ, первыми вошли в Орельские болота. Без энергии канала не построишь. Электричество нужно целому стаду насосов, откачивающих грязевые воды. Для страховки канала снабжали энергией сразу три гиганта: «Днепрэнерго», «Харьковэнерго», «Донбассэнерго». Возле села Котовка продвижение электриков затормозилось. Своими силами болото не удавалось пройти. Прислали машины-амфибии. Три пролета одели проводами и снова стали, дожидаясь зимы. По твердому пройти легче. Лишь через два с половины года после того, как на станции Перещепино появился знаменитый плакат, 700 километров трассы насытили проводами, трансформаторами, подстанциями. Однако резиновые сапоги до колен по-прежнему считались предметом первой необходимости. Тем более на теплой подкладке.

КОНЕВ

Виталий Конев на канале Иртыш—Караганда ходил в помощниках. На Орели поднялся в кабину «шагающего» хозяина — машинистом.

Шагающий экскаватор № 109 рыл зумпф — колодец, а еще точнее, котлован. Глубина его метров одиннадцать, на три метра ниже глубины канала. Недельку надо стрелой помахать, потом насосы подключить. Лишь после всего этого можно начинать шагать.

Тут-то оно и началось. Не понравилось Коневу, как «шагает» сменщик. Ты, говорит сменщику, бракодел.

— Не учи ученого.

— Буду.

На том и разошлись. Когда повторилось, Конев в журнале записал: «С машиной не хамить».

Дошло до Жовнарчука. Запись ему понравилась. Распорядился на общем собрании зачитать. Комментировал Конев. В зале сидели не мальчики. За плечами каждого экскаваторщика тысячи километров.

Понравилось рабочим выступление Конева. С умом парень да и при характере. И после того собрания Конев обнаружил уйму друзей. Правда, никто ему в жилетку от умиления не плакал и не спешил называть корешом. Пожалуй, первым, кто потянулся к Коневу, оказался Григорий Важницкий. Сказал: давай, мол, попробую тебя обогнать. Нахально блеснули белыми зубами, а Коневу вдребезги радостно сделалось. Хлопцы из смены Важницкого брались перекрыть рекорд Конева по циклу экскавации. Что это такое? А вот что. Зацепил машинист пять кубометров грунта, поднял на определенную высоту и тотчас дает разворот стрелой, чтобы высывать землю. Конев проделывает все это за 28 секунд. Все остальные — за 30 и больше. Важницкий сначала несколько смен походил в подручных у Конева, разобрался, где тот экономит секунды, и взялся работать в рекордном ритме.

Дерзкие парни у Важницкого. Откровенно говоря, Коневу не всегда давались эти двадцать восемь секунд. Но рекорд имеет смысл, если становится нормой. Трасса внимательно следила за соревнованием экскаваторщиков. Гигантские машины боролись за доли секунды, как спринтеры. Когда подвели первый итог, даже видавшие виды машинисты ахнули: за 80 рабочих дней каждый «шагай» вынул 406 тысяч кубометров земли. Таким образом, бригадный подряд выполнили на 12 дней раньше. Себестоимость работ была ниже плана на 37700 рублей.

Григорий Важницкий местный. Родился на Орели, в селе Шандровка, Сахновщинского района, Харьковской области. Там школу окончил, затем учился механизации. Работал в местном колхозе. Ездил на целину убирать хлеб. После армии подался к брату, в Караганду. Вначале работал в «Казгидроспецстрое», боролся с шахтными водами. А

потом брат Виктор уговорил на шагающих экскаваторах попытаться. Он попытался. И здорово получилось.

По всей трассе канала, в 178 комсомольско-молодежных звеньях, сменах и бригадах, взяты повышенные обязательства. Девиз комсомольцев — каждую секунду в дело. Из секунд складываются минуты. На XVI съезде профсоюзов Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежnev сказал, из чего она состоит, эта государственная минута: за минуту в стране вырабатывается более двух миллионов киловатт-часов электроэнергии, выплавляется почти 300 тонн стали, добывается более 1 тысячи тонн нефти, почти полторы тысячи тонн угля, 650 тысяч кубометров газа...

А для Важницкого минута — это почти 10 кубометров грунта.

СМИРНОВ

Дело было на 7-й насосной. Орель взялась от вешней воды и, вспомнив о своих владениях, накинулась на долину. Уперлась в дамбу котлована и стала подниматься к гребню. Часам к трем утра вода хлынула в котлован, к башенным кранам, машинам, экскаваторам...

Начавшийся с вечера дождь не прекращался. 7-я насосная в тридцати километрах от Перещепина. Диспетчер еще не успел положить телефонную трубку, как дежурившие в той же прокуренной комнате водители взялись за шапки. Грунтовая вода — постоянный враг, надо ее опасаться. Не убереглись, вышло. Заслон из насосов, конечно, справился со своим делом, но с паводковыми водами не справлялся.

Петр Смирнов тоже нахлобучил на лоб шапку, пошел следить, как его бульдозер устанавливали на трейлер. Через 40 минут рабочие были на месте. Едва коснувшись земли, Смирнов поднял нож бульдозера и пошел под водопад. Надо было закрывать проран. Увидели: откос канала в пене, вода все прибывает и прибывает... В котловане на бетонной плите стоял Жовнарчук. Его фигура отбрасывала огромную тень. Но Смирнов видел лишь огонек папиросы. Кто на страже не знает пристрастия начальника к «Беломорканалу»!

Петру Смирнову не впервые латать дыры. Я это понял позже, после того, когда ребята нарастили к старой дамбе новую — 4 тысячи кубов земли. Занималась рассвет. Дождь шлепал по лужам, вздувая пузыри.

Однако не окончается рано, — заметил бульдозерист в промокшей насквозь фуфайке. Товарищи помогали ему перевернуться. Широкоскулое лицо с запавшими серыми глазами показалось мне знакомым.

— Скажите, вы не бывали в Туркмении?

— Приходилось, — сказал Смирнов. — Сам я из Чарджоу.

— А в Ничке вы никогда не были?

— Бывал. Я там береговым матросом на земснаряде начинал.

— Бобашинского не знали?

И мне снова вспомнились Каракумы. Поселок Ничка. Иссиное-раннее утро. Пекло, в котором нечем было дышать. Юноша в рваной красной майке что-то говорил на ухо моему товарищу по улице.

— Может быть, — сказал Смирнов, — очень может быть, — повторил он. — Мы тогда чуть земснаряд не утопили. Бобашинского звали, чтобы помог с фильтрами управляться. Он ведь на все руки мастер.

Потом мы с Петром ехали вдоль трассы канала Днепр—Донбасс. Возле 104-го километра дорога делала дугу, и тогда широко окрест открывалась долина Орели. И было видно: высоко в небе замирал ковш экскаватора и быстро, по-тичи, припадал к земле.

«Шагаи» шли домой, в Краматорск.

ГОРЯЧИЙ ЦЕХ

40-е годы

Бумажный черный рупор дней военных,
Нам возвестивший наступление мира,
Стоял на школьной полке,
где Бетховен
Прислушивался к грозным небесам.

О, это гипсовое изваянье,
Мучительное воплощенье воли
И музыки, принадлежащей всем!

В те годы запад назывался фронтом,
Восток в те годы назывался тылом,
И в мире шла великая война.

А капитан саперных войск Богданов,
Немецкой пулей раненный в бою,
Играл на клубном стареньком рояле
Девятую симфонию. Играли,
Таинственно и странно улыбаясь,
Как будто эта музыка была
Разгадкой пораженья и победы
И летописью скорби и надежд.
Над клавишами низко наклонялась
Богданова седая голова.

И весь огромный затемненный город
За плотно занавешенным окном
Звучал в ответ, как тонкая мембрана.

Мы выросли в сороковые годы
И не забыли соль добра и зла.

По шпалам

Идет по рельсам черная «Овечка»,
Выдавший виды тихих паровик.
Медлительная тень ползет по шпалам,
По насыпи, по рвам и по настилу,
По нашим лицам, по родной земле.
На ней теперь весь свет
сошелся клином!

Дороги маневровых паровозов
Запутаны...
И старый машинист
Ждет семафора возле переезда.

По насыпи гурьбой идут мальчишки,
О чем-то меж собою говоря.
Идут по шпалам, лезут под вагоны
Стоящего состава, деловито
Поглядывая на сигнальный знак.
Потом руками машут машинисту,
Руками машут и бегут, бегут
Туда, туда, навстречу, к семафору,
Где загорелся вдруг зеленый свет.

А на обочинах цветет шиповник,
Качаются суровые былинки,
И пробивается трава сквозь щебень,
И жаркий ветер поднимает пыль
И гонит оторвавшиеся листья
На железнодорожные пути.

Горячий цех

Литейный мастер нам сказал: — Ребята,
Металл не знает о судьбе своей! —
И указал на черные вагоны,
Разбитые снарядами платформы,
Изъеденные ржавчиной котлы.
То здесь, то там мелькали между ними
Литые бронированные плиты,
Разорванные пламенем бомбажки,
И острый угол взорванного танка,
И дуги развороченных цистерн.

У мастера в руках мелок крошился,
Он размечал чугунные квадраты,
Поглядывая в записную книжку
И спрашивая наши имена.

— Металл вернется в бой, и это наша
Военная задача на сегодня,—
Сказал усталый мастер с тревогой
Взглянул на солнце...

Начинался день,
Обычный день. И по цехам завода
Воздушной почтой мчался ветерок.

И день и ночь не утихает пламя
В горячем цехе мировой войны.
И трудно вдруг поверить, что отныне
Судьба металла у тебя в руках.

Пламя

Я никогда не видел машиниста,
Который вел состав к передовой.
И кто он был? Седой солдат без страха
Иль новобранец, как сквозь сон глядевший
На «юнкерса» в кровавых облаках?
Что видел он в окно локомотива,
О чем он думал в этот страшный миг,
Когда из топки вырывалось пламя,
А из котла вдруг хлынула вода?

Машина поработала на совесть,
На совесть поработал человек.
И на обугленных боках осталась
Косая надпись: «Станция Война».
Сначала в цех вкатили на платформе
Большие паровозные котлы.
Какие в них перекипели воды
На бесконечных магистралях века!
Внутри котла чешуйчатая накипь,
Которую ничем отмыть нельзя.
Какие соли и какая щелочь
На стенах оседали по крупице,

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

И машинист, не глядя на приборы,
Знал, что котел взорвётся через миг,
Но этот миг был нужен для победы!

Дух революции витал над нами,
И наши лица обожгали пламя,
Зажжённое в семнадцатом году.

Отбойный молоток

Возьми отбойный молоток и каску,
Защитные очки, и рукавицы,
И легкий электрический фонарик
И опускайся в круглый темный люк.
И пусть с биением времени сольется
Воздушный гул отбойных молотков.

Сначала мне казалось, я не слышу
Ни тишины, ни грохота; не вижу
Ни тьмы, ни света—ничего вокруг,
И шланг змеёю путался в ногах.
Мешало все: мешали рукавицы,
Очки, фонарик, молоток и каска,
В лицо летели острые пылинки...

Но мастер заглянул в открытый люк
И закричал:—Не торопись, подумай,
Возьми мелок и размечай квадраты
И силы береги на целый день!
Не балуйся стрельбою бесприцельной,
Бей только в точку, береги себя
И выбирай пореже интервалы!

Когда глаза привыкли к темноте,
Я различил и свет, сквозь люк упавший
На дно котла, где я стоял один
С отбойным молотком, в защитной каске.

Ибрагим

Нас было много. Ибрагим, наверно,
Был старше всех. Но и ему в ту пору
Едва исполнилось семнадцать лет.
Он ждал призыва и читал газеты
И за обедом в заводской столовой
Неторопливо ел пайковый суп.

— Когда война окончится, поеду
В Москву, в дипломатическую школу,—
Он говорил.

Мы верили ему.
Он Берлица купил у букиниста,
Учебник старый, но такой удобный,
Что можно всюду брать его с собой.
И он уже не расставался с книгой,
Осваивал четыре языка.

Когда мы возвращались с перерыва,
Он зачитался как-то, не заметил,
Что оказался на стальном пути.
Меж двух составов он стоял недвижно,
Когда они летели в клубах дыма,
А мы к нему бежали с криком:—Жив?
— Слойкость—оружье дипломата!—
Сказал и улыбнулся Ибрагим.

Первая любовь

Был мальчик Гай. Насвистывал негромко
Старинную мелодию про ивы,
Которые склонились над ручьем.
Любил пешком далекие прогулки.
Он с Ибрагимом обошел весь город
От почты до квартала Мир-Араб.
Гай с Ибрагимом были неразлучны,
И жили рядом, и учились вместе,
И вместе приходили на завод.

Но вот однажды Гай увидел Надю,
Когда она стояла у реки
И в воду листья желтые бросала,
И листья упливали по волнам.
А солнце освещало воду, листья,
Надежду на высоком берегу.
И что-то вдруг припомнил Гай,
как будто

Он где-то прежде видел эту землю,
И девочку, и листья на воде.

— Стой, Ибрагим!—сказал он.—
Я не знаю,
Что это значит. Посмотри в словарь!—
И верный друг
достал словарь карманный,
Перелистал заветные страницы,
Подумал,
а потом взглянул на Гая,
Как будто вспомнил:—Первая любовь!

Роман

Роман был недоволен скромной ролью
Нападчика бракованных станков.
Он был москвич,

черкизовский мальчишка
И обожал по воскресеньям МХАТ.
Когда Тиль-Тиль пойдет за синей птицей,
Тогда для старой сказки Метеоринка
Взвьется новый занавес, как сон.
Роман любил рассказывать о детстве.
Однажды в школу к нему

пришел Качалов,
Чтоб научить детей читать стихи.
— Что есть стихи?—

сказал актер из МХАТа.—
Стихи есть дыханье вечности, друзья!
Пусть будет первый вдох началом чуда,
А выдох—окончанием строки.
А между ними—целый мир событий,
Которых исчерпать никто не мог.
Вот почему из русского стиха,
По совести, не выкинешь ни слова!—
Все слушали его и не дышали.

Когда Роман читает монолог,
Он вырастает, расправляет плечи,
Вбирает воздух полной грудью... Цех
Дрожит от гула сложных механизмов.
Но вот Роман протягивает руку,
И мхатовская пауза растет,
Сливаясь с действием. И только слово
Достойно благородной тишины.
Стихи почти не чувствуешь. Дыханье
Свободно наполняется строкой.

И лишь станок отчаянно трепещет
Продолжавшим голубым крылом.

Полковник Ягич

Полковник Ягич не хотел пускать
Мальчишек в засекреченную зону.

— Пусть чистят паровозные котлы,
А это уж совсем иное дело!—
Мы горячились, спорили. Хотелось
Нам заглянуть за изгородь, туда,
Где шла особо срочная работа—
Два часовых стояли на посту.
Мы видели уже стволы орудий
И карусельный круг для пулемета,
И бронированный локомотив.

Но был неумолим полковник Ягич,
С ним,

командиром фронтовой бригады,
Мы говориться долго не могли.
Тогда за нас горюю встало время.
Рук не хватало, поджимали сроки,
Полковник Ягич сам пришел за нами:

— В конце концов война не разбирает,
Кто гнула подкову, сын или отец,
Была бы лишь она готова к сроку...

Литейный мастер распростился с нами,
Сказал:

— Ну что ж, война возьмет свое...

Солнечные часы

Андрей Иваныч Ягич был не стар,
Высокий, худощавый, молчаливый,
Он появлялся всюду, где ему
И надлежало быть сию минуту.

И вертикальный ствол зенитной пушки
Он называл стрелой незаменимой
Своих горячих солнечных часов.
И тень от пушки успевала за день
Свершить по брустверу
Сигнальный круг.

Полковник Ягич жил в своем отсеке
Стальной броней закрытого вагона
И никогда не уходил с завода.
Казалось,

что его рабочий день
Окончится, когда придет победа.
Он жил по солнечным часам солдата:
Рассвет и полдень—половина дня.

А вечером смотрел с платформы
в небо
На черные большие клубы дыма,
Или на тучи,
из-за горизонта
Идущие, как танки, на закат.

Бронепоезд

Две фотографии—жены и сына—
Полковник Ягич прикрепил к стене.
Он снял их в довоенном Ленинграде,
В счастливый час, на Стрелке,

в час заката,
Когда к волне клонились паруса
И вся Нева казалась полной света.
И нет их, нет! Ни сына, ни жены,
Есть только боль, блокада, исступление,
Разрушенный и опустевший дом.

Играй, сапер, играй, мой друг Богданов,
На длинной сцене заводского клуба,
И пусть Бетховен выразит смятение
И поступит в окно перстами рока.
Мне эти звуки праведного гнева
Понятнее, чем музыка сама.

Стальной состав, зеленый бронепоезд
С стремительным названием «Восток»!
Он был похож
на узкий, длинный крейсер,
Поставленный на черные колеса.
Нет, это был вооруженный город,
Глядевший через множество бойниц;
Иль, лучше, это был полковник Ягич,
Его непримиримая душа.

Мальчишки

Мы все пришли сюда
по комсомольской
Мобилизации—

в горячий цех,
Где строился огромный бронепоезд.
И Ягич нами дорожил. Мы были
Ровесниками сына, о котором
Он с нами никогда не говорил.
И лишь когда в конце вечерней смены
Ворота открывали часовые,
Он выходил и все глядел нам вслед,
И мы ему махали на прощанье
Испанками и кепками,

мальчишки
Тех незабвенных и далких лет.

Без гимнастерок хмурые солдаты
Работали на запасном пути.
Еще в три смены сваривали плиты,
Мешки с песком носили по вагонам
И вкатывали пушки на платформы,
И свежей краской покрывали стены.
И воробы влетали деловито
В пустое пулеметное гнездо.

В театре

Роман был театрал и завсегдатай
Литературных вечеров.

Однажды
Он мне сказал:—Сегодня приходи
В театр пораньше, я достал билеты,
Такого не услышишь никогда!—

И он таинственно повел рукою,
Как будто начинался монолог.

Я чуть не опоздал (тогда трамваи
ходили редко), прямо после смены,
Едва успев переменить рубашку,
Я прибежал к последнему звонку.
Театр ломился, множество военных...
На сцену вышел Алексей Толстой,
Широкий, невысокий и с портфелем,
Уселся в кресло возле самой рампы
И голосом насмешливым и рьяным
Сказал, что продолженье,

как возмездье,
Последует в свой час—таков закон
Истории...

И в зале стало тихо.
В тот вечер он читал главу из книги
«Хождение по мукам»—«Хмурый утром
Мы вышли в путь...»

Утро

Кромешной южной ночью
Бродили мы по тихим переулкам
Под конскимими каштанами Ташкента.
И все звучал неторопливый голос,
Как будто вдруг заговорил металл,
И Алексей Толстой услышал время,
И занавес растяя, и театр
Наполнился дыханием этой ночи.
Роман сказал, что лучшего артиста
Он не встречал, чем Алексей Толстой,
Который так свободно жил на сцене,
Как будто знал всех зрителей в лицо,
И помнил все,

что в жизни было с ними,
И знал их будущее как никто.
Качалов был бы слишком театрален
Здесь, рядом с ним...

Роман повел рукой
И замолчал в раздумье. «Хмурый утром
Мы вышли в путь...»
Светает очень рано
В такие дни. Пока мы шли домой
И говорили,

ночь прошла над нами
И солнце показалось из-за гор.
И вспыхнул бело-розовый рисунок—
Далекие тянь-шаньские отроги—
На синем небе... Сорок третий год.

Лето

Шел день за днем.
Завод стал нашим домом.
По именам нас знали в проходной.
И мы теперь друг друга понимали
Как никогда. Характеры и лица
Сменялись перед нами. Может быть,
Пройдут года,

и в этой старой драме
Роман сыграет самого себя.
Отдельных судьб мы не выбирали
И жили так, как жил тогда народ.
Стояло лето.

Кончились уроки.
И школа продолжалась после школы.
Мы изучали логику столетия
По кратким сводкам Совинформбюро.

А днем у Туркестанского базара
На деревянных стареньких подиосах
Лежали грудой круглые лепешки,
Большие, недоступные, как солнце,
Лепешки с тмином...

Горьковатый тмин
Так любят птицы из восточных сказок.
И как всегда, в начале новой смены
Гудок зовет меня в горячий цех.

Монолог

А девочки ушли в инструментальный

Просторный цех.

И сразу изменились

И как-то незаметно повзросли,

Надели брюки, куртки, под косынки
Забрали косы...

Сразу после смены

Встречались мы у заводских ворот.
У Лены Каделаки оставалось
Всегда немного хлеба для сестренки.
Она домой спешила, а Роман
Повел рукой в начале монолога:
«Блажен, кто пал, как юноша Ахилл...»
Так начал он издалека и тихо.
И мы присели на крыльца чужое
И долго, жадно слушали его.

Вдруг Леночка вздохнула виновато
И выронила медный ключ из рук.
Шестнадцать лет, война,
преображене,

Голодный обморок и духота
В начале августа,

в конце вечерней смены.

Тогда Роман взял на руки Елену
Инес ее до дома на руках.
Она была послушной и легкой,
И листья пожелтевшие кружились
Над улицей Двенадцать Тополей,
Когда она сказала на прощанье:
«Как был прекрасен этот монолог».

Надежда

Мы все тогда влюблялись и читали
«Прощай, оружие!» Хемингуэя
И Симонова новые стихи.
И нами верховодила Надежда.
Она одна nigde не уставала
И забегала к нам сто раз на дно.
Сто дел, сто слов,

и лишь одна Надежда
Нам потеряться в мире не позволят.
Мы все у нее останемся в долгу.
За то, что у нее глаза такие,
Что невозможно им не верить, даже
Когда они закрыты и в слезах.

Мы никогда друг друга не забудем,
Недаром мы так долго были вместе
В горячем цехе мировой войны.
И так гудело пламя,

что сначала

Ни слова мы расслышать не могли.

— Кто разменяет первую получку
На солнце Туркестанского базара? —
Сказал однажды утром Ибрагим.

А в полдень Надя разломила солнце,
И тминное зерно на край стола
Упало...

Ибрагим один не видел,
Что все смотрели только на него.

И Надя, улыбаясь, разделила
На всех по ломтику воздушный хлеб.
— Соль на столе!

Во время перерыва
Заглядывает солнце нам в глаза.

Полигон

Ревут гудки в начале новой смены.
Шел Ибрагим один через мостки.
У выхода была толпа народа,
Но все же он успел окликнуть Гая,
И мальчики, обнявшись, словно братья,
В то утро вместе вышли из ворот.

Мы собирали стреляные гильзы
На полигоне в десяти верстах
От нашего завода. Пахнет гарью
Там, кажется, и небо и земля.
У каждой гильзы было назначение
Своё... Мы в этом знали толк!
Винтовочные шли на зажигалки.
А новенькие гильзы от снарядов —
На крепкие светильники. Огонь
На фитиле горит открыто, ясно
И прямо в душу льет горячий свет.

Вот так читались фронтовые письма
От брата, от отца или от друга,
И в каждом слове слышалась надежда,

И каждый понимал, что это слово
Могло бы стать последним...

Полигон

Зарос сиренью, сорною травою,
И стрелочник на запасном пути
Глядел нам вслед задумчиво и строго.
И попадались в поле колоски,
Сожженные немилосердным солнцем.

Мы видели и стрельбы.
Первый залп,
За ним второй. Теперь на полигоне
Нет никого. Лишь пыльная сирень
Качается под ветром после взрыва.

Гай

Был мальчик Гай.

Из тех, что не попали
На ту войну,
когда была война.
Он жил у дальней родственницы где-то
На виноградниках. Мечтал о дне —
Настает день! — когда и он вернется
Туда, туда, где дом родной, победа,
И облака, и город над Невой.

Был для него зеленый бронепоезд
Надеждой и отчаяньем. Он верил,
Что Ягич и его зачислит в строй.
Полковник слышать не хотел об этом,
И Гай никак понять его не мог.

— Возьми меня с собой, полковник Ягич,
Прошу тебя, возьми меня с собой!
Ты говорил: «Война не разбирает,
Кто гнул подкову, сын или отец...»

И Гай смотрел, не опуская взгляда,
На Ягича и повторял свое:
— Возьми меня с собой, полковник Ягич,
И не смотри, что мне шестнадцать лет.
Я сын солдата... —

И полковник Ягич
Вдруг отвернулся и сказал: — Прости.

Над бронепоездом клубились тучи,
Поднялся ветер, собирался дождь,
Гроза уже была за перевалом.

Земляки

А в городском саду играют вальсы,
И Надя напевает про себя
Старинную мелодию про ивы,
Которые склонились над ручьем.
Наверно, только там и есть победа,
Куда мальчишки рвутся всей душой.
Война, война... Безусые солдаты
Танцуют под акциями вальса.

Гай вспоминал про детство
в Ленинграде:

— Мы земляки с тобой,
полковник Ягич...
Отец с утра поднимет парус новый
И увезет меня на острова.

А мама дома нам готовит ужин
И говорит: «Гуляйте, рыбаки,
Но и домой дорогу не забудьте!»
Я не забыл! Отец ушел на фронт,
А мама в санитарном эшелоне
За Мурманском...

И музыка стихает,
И пахнет солнцем темная листва.

И Надя туфельки сняла. Босая
Шагала рядом с Гаем по дороге,
Купая ноги в золотой пыли.

На платформе

Был комиссаром капитан Богданов,
Он говорил о братстве всех народов
И нашу разнолицую бригаду
Он называл: интернационал!
Великая беда соединяет,
И в справедливом деле все равны.

И это тоже был урок, который
Мы позабыть не сможем никогда.

С Богдановым мы волоком тянули
Фашистский танк под молот паровой,
И черный танк косился узким взглядом
Разбитой пушки над прямым крестом.
У нас была нетрудная работа,
Эпоха трудная была у нас.
Тягач натягивал стальные тросы,
И под рукой дрожали рычаги.

Потом, когда мы вышли на платформу,
Богданов огляделся и сказал:
— Как высоко мы поднялись, ребята,
Не уступайте этой высоты!

О девочки тех лет!
Они прощали,
Они прощались навсегда
Всегда.

Она спросила тихо:
— Ты вернешься?
И он ответил тихо:
— Я вернусь!

И не вернулся.
Плакала Надежда
И черной лентой косу оплела.

Залп

А перед залпом так стучало сердце,
Но Гай, казалось, ничего не слышал,
Привал к бойнице.

Вот он, наконец!
О, первый залп!
О, первая победа,
Всю батарею, как мембррану боя,
Наполни грозной музыкой огня!

Гай лишь хотел толкнуть
стальные двери
Или взбежать на дальний
дымный бруствер
И помахать рукою: все в порядке,
Окончен бой и путь вперед открыт —
Туда, туда, где дом родной, победа,
И облака, и город над Невой!
Чтобы полковник Ягич обернулся,
И удивился, и сказал бы: — Славно!
Что ж, оставайся с нами навсегда!

Гай был убит осколками снаряда,
Когда через мгновенье после залпа
Он направляясь рванулся из укрытия
Туда, где цель маячила в дыму.

Его похоронили как солдата
И дали залп —
винтовочный салют.
Полковник Ягич тихо, очень тихо
Над ним склонился и сказал:
— Сынок...

Был мальчик Гай.

Из тех, что не попали
На ту войну,
когда была война.

Эпилог

Играют марш. Придет иное время,
И станет все таинственным вдали,
Как сказка или старое предание...

Стальной состав, зеленый бронепоезд
Стоит у заводского семафора,
Подняв стволы к свинцовому небесам.
Сверкает медь военного оркестра,
Над паровозом взрывчатый дымок
Витает белым облачком. Пора!

Полковник Ягич уходит на фронт.
Мы вышли на открытую платформу,
Все, сколько было нас на том заводе,
Из мастерских, из цеха, из депо,
Здесь были люди разных поколений,
Но в этот час была у нас одна,
Одна на всех высокая платформа,
И мы смотрели, как вносили знамя
Наклонно
в бронированный вагон.

И, как всегда, в начале новой смены,
Перекрывая музыку и ветер
И начинаясь с самой низкой ноты,
Поплыл гудок над крыши заводов,
Над пригородом, насыпью, платформой,
Над всем народом и над целым миром,
Незримо и свободно разрастаясь
И наполняя памятью сердца.

Из глубины двадцатого столетия
Я узнаю твой полновластный голос,
Что управляет судьбою поколения,
Горячий цех, о молодость моя!

Прощание

Никто не знал.
И Наденька молчала.
Она одна пришла проститься с ним.

Вехи нашей истории

Леонид ПЛЕШАКОВ

Есть дела рук человеческих, которым выпало в истории олицетворять целую эпоху. Таков и Днепрогэс — стройка-символ, стройка-подвиг. Стройка, вобравшая в себя сразу несколько страниц биографии нашей страны.

Гидроэлектростанция, расположенная ниже днепровских порогов, была предусмотрена еще планом ГОЭЛРО, утвержденным Советом Народных Комиссаров в декабре 1921 года. К ее строительству приступили в начале 1927-го, а уже седьмого ноября, в день десятилетия Великого Октября, в фундамент будущей плотины была замурована памятная доска. Это был праздник строителей Днепрогэса, на который приехали члены правительства Украины, тысячи рабочих и крестьян из Москвы, Харькова, Киева, других городов и областей страны.

Через месяц пятнадцатый съезд ВКП(б) обсудил Директивы по составлению первого пятилетнего плана. Днепрогэс был назван одной из главных строек пятилетки.

В этом году — пятьдесят лет с начала строительства ГЭС. Уже пятьдесят.

В Запорожье, выросшем благодаря Днепрогэсу из уездного городка в современный промышленный и областной центр, я встретился недавно с Афанасием Афиногеновичем Дмитрусенко. Сорок пять лет назад, десятого октября 1932 года, в день торжественного пуска ГЭС, Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Ленина № 337. Высшей наградой Родины был отмечен труд Афанасия Афиногеновича на строительстве гидростанции. Естественно, что моя беседа с этим свидетелем и активным участником замечательной стройки была о том героическом времени.

— Для сегодняшней молодежи строительство Днепрогэса — история. Тем не менее по делам энтузиастов первой пятилетки нынешние моло-

Н. И. Дормидонтов. ДНЕПРОСТРОЙ.

ДНЕПРОГЭС

дые привычно сверяют свой шаг, равняются на подвиг тех, кто шел первым в строительстве социалистической индустрии. И сейчас, Афанасий Афиногенович, хочется еще раз вспомнить, как это было. Как работало, как жило ваше поколение. Наверное, лучше всего начать с того, почему вы пришли на строительство ДнепроГЭСа.

— Тогда я должен хотя бы кратко рассказать о своей семье. У родителей моих, Афиногена Федоровича и Марии Гавриловны, было четыре сына и пять дочерей. Отец работал слесарем в депо станций Лозовая и Панютино, что под Харьковом, и считался хорошим специалистом. Своих сыновей он рано привучал к труду, так что, пока мы росли, набирались у него профессиональных навыков, а когда приходило время идти работать, слесарному делу нас не нужно было учить — и так знали.

И еще. Отец, как я понял, принимал участие в революционной работе. Помню, — я был еще мальчишкой — к нам приехали какие-то люди. О чём-то беседовали с батей, а после этого явились жандармы с обыском. Когда свершилась Октябрьская революция, рабочие станицы послали отца председателем ревкома в Михайловку и окрестные села под Лозовой. Старший мой брат, Степан, участвовал в гражданской войне. Воевал на Украине на бронепоезде.

Когда было объявлено о строительстве ДнепроГЭСа, я с братьями Степаном и Борисом работал в Славянске в паровозных мастерских. Степан как раз окончил в Харькове рабфак и был бригадиром. Борис тоже бригадировал и возглавлял нашу партийную организацию. Я работал слесарем и был секретарем комсомольской ячейки. Вместе решили ехать и в Запорожье. Первым отправился Степан, потом мы с Борисом. Вскоре к нам присоединился и младший брат, Яков.

— Вы помните свой первый день на ДнепроГЭСе?

— Конечно. Сошли с поезда на станции Александровск — в 1921 году она была переименована в Запорожье — и направились пешком в управление ДнепроГЭСа, которое находилось тогда прямо на строительстве. Дорога — километров двадцать — шла полями: где посыпались пшеницы, где кукурузы, а где заросли курая, то есть бурьяна. Слева, на берегу Днепра, село Вознесеновка, большое село с единственной школой. Теперь ничего этого нет. На месте той старой дороги от вокзала до плотины пролегла главная магистраль Запорожья — проспект Ленина с современными многоэтажными кварталами. Сейчас иногда проезжаю там — все неизвестно.

Так вот. Вместе с нами сошло тогда с поезда много народа. Молодые парни, девчата, люди в возрасте. И у всех один путь — к стройке. Иные несут ящики с инструментом, другие — топоры, пилы. Сразу видно — люд мастеровой, бывалый. Таких тогда особенно ценили: они и работать умели, и инструмент, дефицитный по тем временам, у них свой был.

Пришли на место. Оформились. Поселились на правом берегу в сколоченных наспех бараках — человек по сорок в комнате. Мебель — деревянные нары. Тесно. Шумно. Неудобно. Зато есть крыша над головой от дождя и снега. Жить можно, и работать можно, и это было главным.

— Как выглядела стойка в то время?

— И 1927 и 1928 годы были, по существу, подготовительным периодом, когда создавалась строительная база: прокладывались шоссе, железнодорожные пути, возводился лесопильный завод, строились механические мастерские, рабочие поселки рядом с основными объектами, водопровод, баня, столовая, фабрика-кухня. Ведь одновременно с электростанцией в Запорожье предстояло построить несколько заводов, потребляющих энергию ГЭС, современный город. Все это требовало основательной базы.

В тот первый период основные работы развернулись у правобережного поселка Кичкас, старого селения немецких колонистов, которое в будущем, при затоплении водохранилища, должно было уйти под воду. Сюда с верховьев Днепра сплавлялся лес. Сотни конных двухколок волокли бревна на лесопильку. Сотни драгалей на специально оборудованных подводах возили грунт для планировки строительных площадок. Все возчики работали по частному найму: крестьяне-единоличники приехали на стойку из многих сел Украины, России и даже из Татарии. Понаехало в основном приходилось работать вручную. Гляньши на стойкую с крутым берегом: внизу копошатся сотни, тысячи людей. Ведь в наиболее напряженные периоды количество рабочих на ДнепроГЭСе достигало шестидесяти с лишним тысяч.

Интересно, что эту деталь запомнил не один Афанасий Афиногенович. Я беседовал на ту же тему со многими строителями ДнепроГЭСа. Пять лет назад на сорокалетний юбилей пуска электро-

станции в Запорожье съехались десятки первостроителей. Нынешние комсомольцы повезли их на свою стойку — ДнепроГЭС-2, что возводилась у левого крыла старой плотины и по мощности должна была раза в полтора превысить свою предшественницу. Так вот, на новой стойкую поразило безлюдье — бегали в котловане мощные самосвалы, вертели шеями экскаваторы, людей же почти не было видно. Иное время, иная техника, иной уровень строительства.

Афанасий Афиногенович продолжал:

— Вначале было очень трудно представить будущую гидростанцию. Александр Васильевич Винтер, возглавивший стойку, другие ее руководители часто выступали с докладами, рассказывали, как все будет выглядеть через четыре-пять лет. Слушаешь, бывало, а представить не можешь. Необычное это было для тех времен дело: самая крупная в мире электростанция.

На Западе в открытую говорили о том, что нам, безграмотным, не под силу такие масштабы. В одной газете была помещена карикатура: мужик правит кобылой, запряженной в телегу. На телеге мотор со шнуром и рубильником для включения. Рядом сообщалось, что один железнодорожник продал гусей и добровольно внес 34 рубля 60 копеек на строительство ГЭС. Это должно было, по задумке издателей, вызвать смех. А ведь тогда многие жертвовали свои личные сбережения на строительство ДнепроГЭСа.

Ну, с лошадью и лопатой мы вскоре распрощались. Уже через полтора года после начала строительства на площади в сорок квадратных километров было уложено 120 километров железнодорожных путей нормальной колеи, построено два бетонных и два камнедробильных завода, работали 45 различных кранов, 10 крупных экскаваторов, 56 паровозов и 89 большегрузных опрокидных платформ, сотни перфораторов и буровых станков. Стойку обеспечивали специально построенные тепловая электростанция, компрессорные установки, три завода по производству жидкого кислорода. За пять лет сюда прибыло более ста тысяч вагонов с различными грузами и стальными конструкциями. Страна дала ДнепроГЭСу все, что было необходимо.

Очень много приезжало к нам делегации. Рабочие, крестьяне. Те, что жили по Днепру, никак не хотели верить, что их Днепр можно перегородить стеной. А он и вправду был страшноват, особенно в период паводков. Несется через пороги, ревет, бьется о скалы у Хортицы...

Возводить плотину начали с обоих берегов. Ставили деревянные ряжи, отсыпали часть дна, откачивали из котлована воду, строили опалубку и начинали возводить «бычки» будущей сливной части плотины. К тому времени уже были построены камнедробилки, бетонные заводы, подготовлены бригады бетонщиков.

В 1929 году по призыву XVI конференции ВКП(б) по всей стране было развернуто социалистическое соревнование. У нас соревновались левый и правый берега. Кончишь смену, смотришь, где зажжется красная звездочка — на левом или на правом. На чьем зажглась, тот сегодня вышел вперед.

Я работал машинистом паровоза № 20 в левобережном депо. В комсомольско-молодежной бригаде нас было четыре человека: мой помощник Илюша Копейкин и наши сменщики Даня Беклемищев и Женя Жеваго. Возили бетон бригадам Жени Романько, Марии Бильк и Марии Жук. Сначала к паровозу цепляли одну платформу с «жучком» — полуплатформой, потом дошли до трех платформ. На бетонном заводе ставят на них полные бадьи, и мы мчим на своем «американце» — паровозик был куплен в США — к месту кладки. Быстро разгружаемся — и в обратный путь.

«Двадцатка» Дмитрусенка была на стойке легендарным паровозом. Тридцать шесть раз бригадир объявляли предупреждения за превышение скорости. Зато когда пришло 28 марта 1932 года, день укладки последнего кубометра бетона, партком ДнепроГЭСа вынес решение: право уложить последний кубометр бетона предоставить комсомольско-молодежным бригадам Жени Романько и Марии Бильк, крану № 33 бригадира Запояско и комсомольскому экипажу паровоза имени XVI партсъезда — Дмитрусенковской «двадцатке».

Я спросил Афанасия Афиногеновича, как увязать эту великую честь с предшествовавшими многочисленными взысканиями.

— Все просто. Дорога на гребень плотины была извилистой и с большими подъемами. И по технике безопасности скорость паровозов ограничивали, помню, до двадцати — двадцати пяти километров. А я выжимал до сорока. Молод был, высоты не боялся.

Мчишь по краю пропасти, глянешь вниз — до дна котлована пятьдесят два метра, а не страшно. За превышение скорости наказывали. Ну, а бетона-то мы больше всех перевезли. За это, естественно, поощряли.

Их работа не оканчивалась с завершением смены. Наверное, тогда в наш трудовой лексикон пришло слово военной поры — «прорыв».

Дмитрусенко вспоминает:

— Часто, отработав смену, мы снова шли на стойку. Как тогда говорили, «на прорыв». Всегда это были срочные работы, которые нельзя было не выполнить: то разбирали отслужившие свою службу ряжи, то готовили опалубку. Но главным образом мы «топтали бетон». Особенно много бетона нужно было уложить в 1930 году. Рекордной в ту пору считалась укладка бетона на строительстве Вильсоновской гидростанции в США — 380 тысяч кубометров в течение одного года. Центральный Комитет ВКП(б) в специальном обращении призвал днепростроевцев уложить в сезон 1930 года 427 тысяч кубов. На всех участках ДнепроГЭСа прошли тогда митинги и собрания, которые выдвинули встречный план: 500 тысяч кубов.

Обязательство это было очень высокое. Ведь в те времена никаких вибраторов для уплотнения бетона и в помине не было — ни у нас, ни у американцев. Уплотняли ногами. Сдадим с Илюшей Копейкиным паровоз нашим сменщикам и быстрее на наш подшевфный, деревянский, бычок № 38; всего таких бычков в плотине было 49. Там уже народ собрался. Переодеваемся в брезентовую робу, натягиваем резиновые сапоги, спускаемся вниз, а сверху уже бадью с бетоном подают. Опростаем ее, обнимем друг друга за плечи и начнем топтаться. Если густой бетон подали, кричим наверх, чтобы подбросили «молотка». Или требуем «изюма». «Изюмом» звали глыбы гранита, которые замуровывали в тело плотины. Цемент тогда был дефицитом, вот и экономили его, как могли, благо, что гранита хватало — рви пороги да днепровские скалы.

И так каждый день. По два-три часа ударного труда после смены. Безвозмездно. Работали днем и ночью. Зато обязательство перевыполнено: в тело плотины, здание ГЭС и шлюз уложили в тот год 518 тысяч кубометров бетона.

Много еще рассказал Афанасий Афиногенович. Вспомнил, как его «двадцатку» перебросили на правый берег, транспортники которого «приотставали в соревновании» и им нужно было помочь. Вспомнил, как монтировали первые турбины, изумляя производительностью труда американских специалистов, работавших на стойке.

И я спросил:

— Работали вы героически, а жили-то как?

Дмитрусенко вздохнул:

— Трудно. Очень трудно жили.

Это было понятно. Страна небывалыми темпами создавала индустрию и вынуждена была экономить на всем. Частный сектор деревни уже не мог, а коллективный еще не набрал сил, чтобы накормить население досыта. Этую общую картину каждый знает по истории. Но я хотел узнать детали жизни рабочих главной стойки тех лет. Помогла Екатерина Павловна, жена Афанасия Афиногеновича. Девчонкой она приехала на стойку из Юхнова с отцом, прорабом. Работала сперва тут уборщицей, потом бухгалтером, заведовала складом стройматериалов.

— Плохо было со снабжением. Не помню уже, когда ввели карточную систему, но и до того есть почти что нечего было. Придешь в обеденный перерыв в столовую — очередь метров на сто. Стоишь, ждешь. Подошла очередь — выдают ложку и глиняную миску, с ними идешь в очередь к раздаточному столу. Плеснут тебе в миску суп, ломоть хлеба дадут — и все. Никакого второго, тем более третьего. А суп — просто жиденький крупяной кулец, гоняешь его, а сытости нет никакой. Горячий — и то хорошо. Да что говорить — голодно и трудно жили. Было у меня одно платье на все случаи жизни: и на работу и погулять вечером или в кино сходить — все в нем. Быстро вытираешь, выгладишь — и пошли. И туфли были одни. Я их по талону получила. Тогда все так давали. Хорошо поработаешь на производстве — тебе талон, на нем указано: «туфли», «отрез на платье» или еще что. Идешь в магазин и покупаешь.

Афанасий Афиногенович вспомнил, что и он вот так же был премирован за труд талонами на костюм, кожаную куртку и бобриковое пальто. И подумалось: если человек полвека помнит о бобриковом пальто и паре туфель, то они действительно должны были быть значительным событием.

А еще припомнит Дмитрусенко вот какой случай:

— Как-то вызвал меня начальник нашего паровозного депо Дмитрий Лукич Трегуб. Осмотрел с ног до головы, говорит: «Ударник, а в галошах ходишь. Все-таки сам нарком с тобой говорить будет».

Понимаете, с обувью, ботинками там или туфлями на стройке туговато было. А галош завезли в достатке. Накрутишь портяночки или носки потолще наденешь — и хорошо. Я в них и на работу и после. Товарищ Трегуб знал о том не хуже моего, вздохнул: «Сапоги надо бы...»

Сапог не оказалось даже на складе. Они были только у бетонщиков, и то лишь на время смены. Заняли у них. Отмыли, отмочили, чтобы не морчились, погуще смазали дегтем.

Они встретились на плотине, нарком Серго Орджоникидзе и машинист Афанасий Дмитрусенко. Последнего сильно смущал крепкий «аромат» дегтя, издаваемый взятой напрокат обувкой. Но Орджоникидзе вроде бы и не замечал этого смущения.

— Много хорошего слышал о тебе, Дмитрусенко, — сказал нарком. — Хорошо работаешь. Да вот американцы пишут, что русские достигли таких успехов потому, что работают на машинах американского производства.

— Товарищ нарком, дайте нам наш, советский паровоз, мы еще не такое покажем...

Спор с американцами велся заочно и очно. На Днепрострое работала группа опытных специалистов из-за океана. Дело свое они знали. Трудились на совесть, честно отрабатывая большое жалование в твердой валюте. После, по завершении стройки, лучшие из них были награждены советскими орденами. Но вот одного американца так и не смогли взять в толк: зачем работать сверх положенных норм, зачем торопиться, сокращать сроки, еще больше взвинчивать и без того высокие темпы. Сначала они не верили, что на ДнепроГЭС удастся перекрыть их сезонный рекорд по укладке бетона. Потом не верили, что можно монтировать оборудование быстрее, чем делают это они.

— По плану американских специалистов, — вспоминает Дмитрусенко, — на монтаж каждой турбины полагалось 90 дней. Наши товарищи первую турбину смонтировали за 34 дня, вторую — за 29 дней, третью — за 27, а пятую — за 23 дня. Работали круглосуточно.

День десятого октября 1932 года стал самым радостным днем днепростроевцев: электростанцию официально сдавали в эксплуатацию. На торжественный митинг, посвященный этому событию, собрались тысячи строителей, в гости к ним приехали М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, С. В. Косиор, В. Я. Чубарь.

На площади около машинного зала нарому — не проплыть. На трибуне наши передовики, члены правительства. В своем выступлении М. И. Калинин сказал, что пуск ДнепроГЭСа — великий праздник всех трудящихся Советского Союза. На сооружение этого чуда современной техники страна ассигновала огромные средства, рабочие отдали стройке много сил и энергии, и в результате родилась самая мощная гидростанция в мире. Он сообщил, что с этого дня правительство зачисляет ГЭС в число действующих предприятий страны и ей присваивается имя В. И. Ленина. Комсомольская организация Днепростроя за доблестный труд тоже была награждена орденом Ленина.

Потом зачитывали приветствия, которые шли со всего мира. Нас поздравляли москвичи, ленинградцы, Президиум ВЦСПС, прислали телеграммы Максим Горький, Теодор Драйзер, Союз писателей СССР.

Выступавший на митинге глава американских консультантов мистер Х. Купер сказал, что под его руководством построено много больших гидростанций в разных частях мира: в США, в Канаде, в Египте. Он особо отметил тот факт, что все вместе они имеют мощность 1400 тысяч лошадиных сил, тогда как мощь одного ДнепроГЭСа равна 810 тысячам лошадиных сил.

Потом был банкет...

Все старые днепростроевцы, кому довелось быть на банкете, — пригласительный билет давали тем, кто проработал не менее двух лет, — при разговоре со мной обязательно вспоминали такой важный, с их точки зрения, факт:

— На банкете подали борщ и по две котлеты с макаронами. Котлеты огромные, ну прямо в ладонь...

И Афанасий Афиногенович рассказал мне об этом. Ох, не сътно же они жили.

Для Дмитрусенко тот день памятен вдвойне.

— Как-то так уж случилось, что на десятое октября назначили мы с Катей свою свадьбу.

— Гостей много не звали, — продолжает Екатерина

Павловна, — вместе с нами человек восемь всего и было. Да в нашу комнатку больше бы и не втиснулось...

— На банкете кто-то сказал, что, мол, у Афанасия сегодня свадьба. Ну, сразу шум, поздравления. Собрали кое-что из закуски, дали мне машину — езжай женишься. Приехали домой, только сели за стол, приходит посыльный: вызывают, мол, в управление срочно. Извиняюсь перед гостями, еду. Оказывается, сорок один днепростроевец, и я в их числе, награждены орденами Ленина. Пока М. И. Калинин вручал ордена, пока говорились полагающиеся в таких случаях слова, стемнело.

А дома гости ждут. Мой будущий тесть, Павел Алексеевич, говорят, весь кипел, дочек разнос устроил, что такого непутевого мужа нашла... Ну, а когда я объявился с орденом, все успокоились.

Может создаться впечатление, что днепростроевцы умели только работать и стойко переносить лишения. Нет, они умели еще и мечтать. В тот день, десятого октября, они послали правительству телеграмму, где были и такие строки:

«...Пройдут годы, Великая Советская страна наша построит еще более грандиозные станции на Волге, потом на Ангаре, но навсегда в памяти народа останется великая и прекрасная поэма строительства самой крупной в мире гидростанции на Днепре...»

Останется в памяти народа и другой подвиг комсомольцев первой пятилетки — участие в Великой Отечественной войне. Ведь этому поколению пришлось воевать «от звонка до звонка». Я спросил Афанасия Афиногеновича, где сейчас его товарищи по бригаде.

— Все погибли в войне: Илюша Копейкин, Дания Беклемищев, Женя Жеваго...

Воевал и сам Дмитрусенко, был тяжело контужен. Воевали и все три его брата. А младший, Яков, погиб, защищая родную станцию Лозовую. Не вернулись с фронта и мужья всех пятерых сестер: Елены, Анны, Клавдии, Федоры, Марии. Сама Мария тоже погибла.

Вот такое это было поколение.

В конце нашей беседы Афанасий Афиногенович посетовал:

— Надо бы на том месте, где раньше стоял ДИТР — Дом инженерно-технических работников, — памятник поставить. Ведь там все наши собрания проходили. Там Серго выступал, Винтер...

А я подумал: разве можно придумать вам памятник лучше, чем сам ДнепроГЭС? Ведь он тоже немало вынес. Бомбили его. Взрывали по частям. Минировали, готовясь уничтожить полностью. Когда через несколько дней после освобождения Запорожья Дмитрусенко попал в родной город — его часть наступала километрах в тридцати, — он заплакал, увидев руины станции. Через разорванное тело плотины хлестала днепровская вода. Старый Кичкас поднялся со дна водохранилища с каменными домами, голыми тополями и двумя каменными медведями у места бывшей переправы. Враг хотел уничтожить ДнепроГЭС. И сделал все для достижения цели. Но ДнепроГЭС выстоял. Выстоял благодаря днепростроевцам. Они восстановили станцию, плотину, залатали, заштукациили все раны. Только бичок № 19 остался таким, каким он был в день освобождения города от фашистов. Я пытался пересчитывать все оспины от осколков и пуль, исклевавших его поверхность. После двух сотен сбился со счета, а сосчитал вмятины едва ли на трех квадратных метрах. Стальные сердечники бронебойных пуль до сих пор все еще торчат в теле бичка и в сырую погоду сокатятся ржавыми слезами по бетону. Такой вот памятник упорству и стойкости.

Перед самым отъездом из Запорожья я зашел в управление орденов Ленина и Трудового Красного Знамени треста «Днепрострой», говорил с его сотрудниками о нынешних делах строителей. Вспомнили, конечно, и героев первой пятилетки.

— Но как все-таки они здорово работали! — с восхищением говорили о своих предшественниках нынешние днепростроевцы. — Когда мы начали закладку здания машинного зала ГЭС-2, у левого берега вырыли котлован. От Днепра отгородились насыпной дамбой, от водохранилища нас защищала плотина ДнепроГЭСа. При выемке грунта подошли к самому основанию плотины, там, где она скрепилась со скалой. И, знаете, контакт бетона и гранита оказался идеальным — в котлован из водохранилища совершение не сочилась вода. Это при высоте-то напора воды тридцать семь метров! А ведь почти пятьдесят лет стоит плотина. И взрывали ее и бомбили — в основании плотины нет даже трещинки. Хорошо они тогда «топтали бетон».

Сергей ДАВЫДОВ

Тайна

Люблю не стихи, а слова,
которые были сперва,
еще не сведенные в строку,
подобие глины сырой.

Поэт их расставит в порядки
и хмуро отпустит в полет.
Но тайна полета —
в посадке
в холодный еще самолет!

Имя на камне

На берегу Татарского пролива,
где чачная базарная орава
ведет себя особенно крикливо,
где ползает и сохнет в час отлива
морская снедь — закуска и приправа,
где затонувший остов парохода
лежит в песке с неведомого года,
где, вечного закона не наруша,
идет на гибель вечная горуша;
на берегу Татарского пролива,
где холодно, и ветрено, и серо,
бездонно, безотрадно, сиротливо,
кто вырезал на камне имя «Вера»?

Хлеб

Искореженный, синий
влился в стены металла,
и зазубренный иней
все углы обметал.
Опаленным бетоном
был пропах ледяной.
Для меня был как донор
белый шкафчик стенной.
Средь житейского хлама —
фляг, кастрюль,
фонарей —
сохранила здесь мама
полкулька сухарей...
Промороженный воздух
грудь вдыхала с трудом.
Тихо в прошлое гвозди
забивал метроном.
Вдруг стучался дежурный:
«Маскировку проверь!»
Я под утро бесшумно
шел на белую дверь.
И таинственно, скепто
трогал дрожью руки
нежный камушек хлеба,
все его бугорки.
Грыз я хлебный осколок
в тишине потайной,
пах он гаванью, школой,
сразу всей довойной.
Тыма, бомбочки, остыда
уходили тотчас...
Но откуда, откуда
хлеб в квартире у нас?..
Среди льда и металла,
дней, сводящих с ума,
мать ребенка спасала,
а сама,
а сама...

В чайхане

На кошме с мудрецом стихотворец беседовал,
на неверную славу он горестно сетовал:
— Я рисую лишь суть, ничего не скрываю,
все бинты с наболевшего сердца срываю,
но меня критикуют, ложьми, в чем вина,
в каждой строчке моей только правда одна...
Расскажи мне, чего от меня они ждут,
я тебе отдаю свои песни на суд!

Стал поэт ожидать своего приговора,
но мудрец дал ответ ему очень не скоро,
он до звезд просидел, бородою качая,
вытих двадцать пил ароматного чая.

— Мда-а... — промолвил мудрец, отдуваясь устало,—
всюду правду искать — это тоже немало,
правда — ценная вещь, но еще бы не худо
в каждый стих добавлять и немножечко чуда!

Первый Всесоюзный слет трудовых объединений школьников... И в порядковом номере и в самом названии слета — новизна. Новизна жизни, показатель тех устремлений и успехов, которые одержаны нашей школой в трудовом воспитании учеников. Слет состоялся в августе и проходил в Москве и Подмосковье. Одному из его участников — С. Майорову из Горького — мы предоставляем слово в этом номере. Его письмо — рядом с фоторассказом о сельском профтехучилище на Владимирщине. Соседство это не случайно. И в школах и в училищах, как показывает жизнь, растет достойная смена будущих работников, тружеников, профессионалов, которые успешно готовятся принять из рук старших самую главную, самую ответственную эстафету — эстафету труда и созидания.

Выпускной класс. Через несколько месяцев экзамены, прощальный вечер в школе... Грустно немножко. Но не так уж и грустно, когда твердо знаешь, куда пойдешь после, когда есть коллектив, готовый принять тебя. У меня такой коллектив есть — рабочие нашего знаменитого автозавода. Это мой коллектив, и не только потому, что там работают мои родители. Я и сам сегодня привлечен к делам завода.

В девятом классе у многих школьников нашего Автозаводского района, как

и у меня, было большое событие: первое знакомство с экспериментальным учебным цехом, созданным при ГАЗе. Цех — это семь просторных, хорошо оборудованных классов с пособиями для теоретического обучения, это десять участков — токарных, слесарных, фрезерных... «Добровольцы» из девятнадцати школ раз в неделю ходили учиться работать в этот цех. А потом один летний месяц трудились в цехах основного производства.

Первый раз переступив порог учебного цеха, с опаской смотрели мы на ряды незнакомых станков. Два чувства были — гордость оттого, что теперь будем

делать настоящие детали для машин, и неуверенность: а вдруг ничего не получится? Ведь у нас уже были экскурсии по заводу, и мы знали, насколько это сложное дело — создание современного автомобиля. Даже в старой полуторке сотни сложных узлов и деталей, а сколько их в «Волге»?

Наставники старались ободрить нас. Они напоминали, что многие наши старшие товарищи, не так давно кончившие школу, стали уже настоящими мастерами. Например, слесарь-инструментальщик Сергей Голованов стал призером конкурса «Золотые руки», имеет четвертый разряд. Да мы и сами вспомнили,

с какой ловкостью, изяществом делали различные детали на том конкурсе недавние выпускники, даже те, кто не стал победителем.

В том, что эти ребята сейчас стали квалифицированными рабочими, большая заслуга наших наставников.

Тринадцать лет работает в учебном цехе Авраам Иванович Дятлов. Токарь высшей квалификации, награжденный значком «Ветеран автозавода», он решил передавать свой опыт молодым и стал мастером производственного обучения. Дар педагога и большое мастерство позволили ему обучить своему ремеслу сотни старшеклассников. Сей-

**СЕГОДНЯ — УЧЕНИК,
ЗАВТРА — МЕХАНИЗАТОР.**

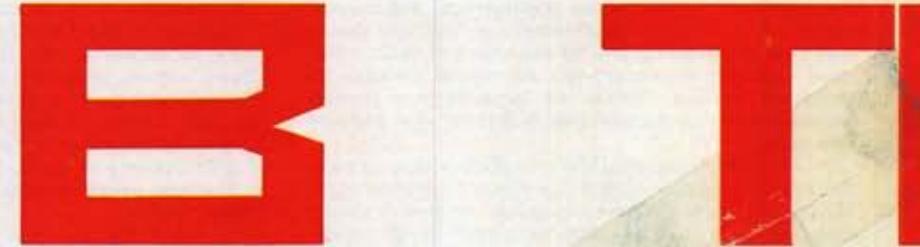
«**З**емля ласку любит». Эта старинная поговорка при нынешнем размахе сельских работ требует дополнения: земле нужна любовь профессионалов, вооруженных всем современным опытом хозяйствования и тем нравственным опытом, который передается крестьянину, хлеборобу, из поколения в поколение. Именно в воспитании таких людей видят смысл своей работы преподаватели Бавленского СПТУ-9, которое находится в самом сердце нечерноземной полосы России — на Владимирщине. И именно потому, что такие люди выходят из стен училища, ему присуждено почетное звание лауреата премии Ленинского комсомола.

Как же неподобающе оно сегодня на то учебное заведение, которое в июле 1935 года создавалось на базе Александровского зерносовхоза! Тогда здесь числились один допотопный трактор, один комбайн, один плуг и одна сеялка. Сейчас учебный парк СПТУ-9 состоит из 56 тракторов различных марок, 12 ком-

байнов «Колос» и «Нива», 12 автомобилей... И однако не столь давно Владимирский обком КПСС принял постановление «О мерах по развитию и укреплению материально-технической базы училища».

Оно поистине стало кузницей кадров для Русского Поля. Если в первом выпуске было всего 35 трактористов, то нынче во многих районах области каждый второй механизатор — выпускник училища. Его ежегодно заканчивают 550 человек — это механизаторы широкого профиля, специалисты со средним образованием.

Училище вырастило целые сельские династии — Кубаревых, Сачковых, Павловых... А если некоторые ребята прихо-

Андрей ФИЛИППОВ

ПОСЛЕ РАБОТЫ.

Сергей МАЙОРОВ,
ученик школы № 133 г. Горького

ЛЕНЬЕ

час все его выпускники работают по высокому разряду, многие догнали учителя, стали ударниками, гвардейцами пятилетки. Они часто вспоминают наставника. А он всегда радуется, слыша об успехах своих воспитанников.

«Ни одного отстающего рядом» — под таким девизом работаем мы в учебном цехе. Ведь от того, насколько быстро мы овладеем той или иной операцией, во многом зависит успех всего производства. И пусть мы делаем пока не очень сложные детали — ролики, пальцы, оси, склесарный инструмент, — но именно здесь, у станка, мы впервые поняли, что даже на самом небольшом участке че-

ловек должен делать свою работу со всей ответственностью. И еще мы поняли: стать к станку — это еще не значит стать рабочим, даже если ходишь в спецовке и у тебя в кармане заводской пропуск. Надо, чтобы рабочий коллектив принял тебя, признал своим. Это особенно хорошо ощущают наши старшие товарищи — те две трети выпускников школ района, что пошли на завод, поработав сперва в учебном цехе.

К нам здесь всегда относились как к равным, без скидок на возраст. И мы старались оправдать доверие. За время работы в учебном цехе мы выпустили продукции больше чем на 60 тысяч

рублей. Еще на 2,5 миллиона рублей мы изготовили ее во время летней трудовой четверти.

Труд на автозаводе позволил испытать себя, дал хорошую закалку, изменил отношение ребят к учебе. Они увидели, что современное производство требует грамотных людей, что школьное образование тут не пропадает, напротив, его иногда не хватает.

На первом Всесоюзном слете трудовых объединений школьников, который состоялся в августе в Москве, мы узнали много нового, знакомились с работой подмосковных школьников во время летних каникул — они в июле выходят

СОРЕВНОВАНИЕ, В КОТОРОМ НЕТ ПОБЕЖДЕННЫХ.

на поля, встают к ткацким станкам... Увидели, что многое нужно бы перенять и нам. Например, в городе Калининграде, Московской области, школьники, работающие летом на заводах, после выпуска сразу получают разряд. У нас пока этого нет, но, верю, будет.

Сейчас в Горьком по почину выпускников сормовской школы № 31 развернуто движение «Всем классом — на завод». Поддерживая его, половина выпускников школ Автозаводского района выбрали рабочую специальность.

РУД

Фото Татьяны МАЛЯРЕНКО

ПЕРЕДЫШКА.

дят сюда «трудными», то уходят замечательными парнями. Так было с Борягиным и Ефимовым, так случается и с другими. И, быть может, самой исчерпывающей характеристикой уровня учебно-воспитательной работы в училище служат слова Александра Кузьмича Одинцова, заместителя директора СПТУ-9: «У нас не бывает ЧП». А не бывает их потому, что преподаватель автодела Н. Ф. Серов оборудовал с группой учащихся пульт управления аппаратурой, создал автотренажер, действующую модель электрооборудования автомобиля; потому что преподавательница математики Т. К. Ленова ищет и находит пути, как заинтересовать и увлечь предметом тех, кто равно-

В РАЗГАРЕ СТРАДА
ДЕРЕВЕНСКАЯ.

душен; потому что комсомольский вожак Оля Финогенова вносит свою инициативу в распорядок будней общежития, организует увлекательные экскурсии, вовлекает многих в спортивные мероприятия; еще здесь не бывает ЧП потому, что 213 человек — активные участники художественной самодеятельности, и концерты агитбригады училища хорошо помнят и в совхозе «Большевик», и на заводах, и в совхозе имени XVII партсъезда... А главное в том, что пуще всего здесь увлечены земледельческим трудом, живут любовью к нему, действенной, активной, азартной.

Сельское профтехучилище... Его полевой клин, его сенокосные угодья окаймлены зелеными лесами и как бы одарены той вечной красотой русского Нечерноземья, которая не кончается, не гаснет ни солнечным летом, в пору поспевания хлебов, ни осенью, когда уже поднята зябь, ни позже, в зиму, когда пышно лягут на поля белые снега, ни в новом зарождении сельского года — весной...

Доктор медицинских наук Александр Васильевич Чаклин работает заведующим отделом эпидемиологии злокачественных опухолей Онкологического научного центра Академии медицинских наук СССР, он председатель проблемной комиссии АМН СССР. Его хорошо знают за рубежом: более четырех лет он руководил Отделом опухолей Всемирной организации здравоохранения в Женеве. Однако профессора Чаклина привлекают не только исследования в

своей области, не только популяризация той сложной науки, которой он занимается. Им изданы несколько документальных книг, а среди его многочисленных рукописей есть и произведения художественного жанра — правда, и в них Александр Васильевич зачастую остается верен той теме, которой он целиком посвятил себя в науке.

Мы печатаем один из рассказов А. Чаклина.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

Александр ЧАКЛИН

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

1

тим утром Патрик проснулся рано. За окном особняка изредка слышался шум автомобиля. Обычно Патрик лежал в спальне, окна которой выходили в сад, а вчера попросил перенести его в кабинет на диван. Большой, кожаный, с деревянными головами львов и томами Британской энциклопедии между ними, он нависал над его ослабевшим и похудевшим телом.

Пепельницы всех видов, которые он вывез из многих стран, заполнили комнату. Горел ночник — маленькая лампочка за бронзовую фигурой обнаженной женщины. Тень ее фигуры вырастала над камином и удивительно напоминала Джейн в молодости.

Он повернул ночник, и Джейн стала в профиль и как будто помахала ему рукой. Непонятно, прощалась ли она или, наоборот, приглашала за собой.

Патрик закрыл глаза и увидел юную Джейн — гибкую и капризную, ласковую и требовательную. Она стала его женой, но другом — нет. В своих планах Патрик ее никогда не посвящал. Причина была веской: она слишком благоволила к Джиму, его другу и сопернику в делах. Джейн не скрывала своей привязанности к Джиму. Эта любовь длилась долго, пожалуй, слишком долго...

Освобождение пришло неожиданно. Воздушные гангстеры захватили самолет над Атлантикой, и Джим вступил с ними в драку. Джима убили и смертельно ранили Джейн. На смерти Джима Патрик выиграл пять миллионов долларов. Он имел доверенность и, пока родственники Джима спохватились, успел сыграть на бирже его акциями.

С тех пор прошло двадцать лет. Он обменивал годы на доллары — их становилось все больше, но здоровье таяло.

Сначала он покашливал. Стало труднее дышать. Когда появились боли, он поехал в клинику профессора Мано. Разговор был малоприятным. Ему показали рентгеновские снимки — большая тень лежала у корня правого легкого. Недвусмысленно спросили, кто его родственники, распорядился ли он своим наследством...

В кабинет постучали, и в комнату вошла молодая женщина. Странно, что в Айлин — почти полной копии Джейн — он находил и свои черты. Это была дочь Джима. Воспитанная им, Патриком, она повторяла не генетические, а приобретенные черты. Знала ли она, кто на самом деле ее отец? Айлин было восемь лет, когда погибла мать.

— Как дела, папа? Удобно ли тебе в кабинете? Зачем ты придумал это путешествие из спальни?

— С этим кабинетом у меня связаны воспоминания о победах и поражениях, а в спальне уж очень одиноко.

— Ну и что тебе снилось — победы или поражения?

— Теперь мне не остается ничего, кроме поражений.

— Оставь этот пессимизм! Человек, который все может, а я привыкла считать тебя таким, найдет выход из любого положения. Заплати врачам два-три миллиона, и они придумают средство для твоего лечения.

— Пока они будут придумывать, меня не станет...

Погоди-ка! А ведь и в самом деле девочка подкинула ему интересную мысль.

2

— Папа, ты не забыл, что сегодня к тебе должен прийти доктор Винтер? Сейчас одиннадцать, а ты приглашал его на ленч.

Джо Винтер не был врачом-практиком — это был ученый, изучавший причины раковых опухолей. Несколько лет тому назад Патрик случайно познакомился с ним. С тех пор они изредка встречались. Винтер был точен. Высокий, подтянутый, в элегантном костюме, он весь как бы светился здоровьем, стремясь, видимо, с первого шага подобрить больного и заразить его своим оптимизмом.

Патрик сидел на диване, опустив отекшие ноги в мягкие туфли. Айлин хлопотала по хозяйству — сама принесла закуски, поставила бокалы и налила в тарелки луковый суп, который так любил Патрик.

— Итак, мы пьем за исцеление, — начал Винтер.

— Идите вы к черту и не вздумайте играть со мной в кошки-мышки. Перед вами живой мертвец, но чувства юмора он еще не потерял. Имейте мужество

говорить с ним прямо, и давайте разберемся, есть ли у меня виды на будущее. Если я не смогу купить выздоровление сегодня, то, может быть, завтра или послезавтра? Сколько времени у вашей науки между сегодня, завтра и послезавтра? Год, пять лет или столетие?

Айлин подняла бокал.

— Джо, вы должны простить папу за прямоту, а меня за то, что я молчала и не рассказала ему о нашей дружбе. В конце концов он должен знать все или хотя бы почти все. Папа, мы связаны более чем знакомством. Я люблю Джо и хочу за это выпить.

— Что же, детка, ты истинная дочь своего отца, — задумчиво произнес Патрик.

3

— Так вот, мой дорогой будущий тестя! — При этих словах Патрик весь съежился, ему показалось, что его вдруг обворовали. — Давайте играть в открытую. Мы с Айлин заинтересованы, чтобы вы жили долго, как можно дольше, и пусть вас не мучают подозрения... Но как бы мы ни желали этого, дело очень серьезное, и, я уверен, виноваты эти проклятые сигареты. Да-да!.. Сорок штук в день — и восемь лет жизни долой. Вы за год получали в легкие 800 граммов густого дегтя — того самого дегтя, который я регулярно вычищаю из своей трубки. А ведь двух миллиграммов так называемого бензопирена — ракообразующего вещества, которое есть в табаке, — достаточно, чтобы у подопытного животного возникла опухоль. Вы продукт нашей цивилизации и пожинаете ее плоды в полной мере. Ирония судьбы в том, что именно вы субсидируете табачное производство. Вы ведь даже боролись с теми, кто хотел на пачках сигарет писать об их опасности...

— Послушайте, Джо, вы еще не мой зять и не затрагивайте моих финансовых дел. О табаках вы мне не говорите. Вот уже полгода, как я перешел на трубку, кстати, по рекомендации английских врачей.

— Да, но вы не учли, что до этого сорок пять лет курили сигареты и, главное, как я заметил еще в клубе, каждую до конца. А ведь самая опасная часть сигареты та, которая ближе всего ко рту, — последняя треть. Один француз в шутку предложил даже вкладывать в эту часть сигареты взрывчатку...

4

Джо уехал. В кабинете рядом с Патриком легла гнетущая тишина. Итак, подумал он, остались две возможности: смерть в ближайшие месяцы или, быть может, таинственная неизвестность в ожидании великого открытия. Неужели это реально? Он дрожащей рукой достал из-под подушки уже не раз просмотренную газету.

Патрик развернул ее и в который уже раз начал перечитывать статью с броским названием «Ледяное спасение». Как всегда, заголовок сенсационный. Вот только есть ли оно на самом деле, это ледяное спасение? Ведь пока изучено лишь начало процесса — замораживание. А что известно о размораживании?

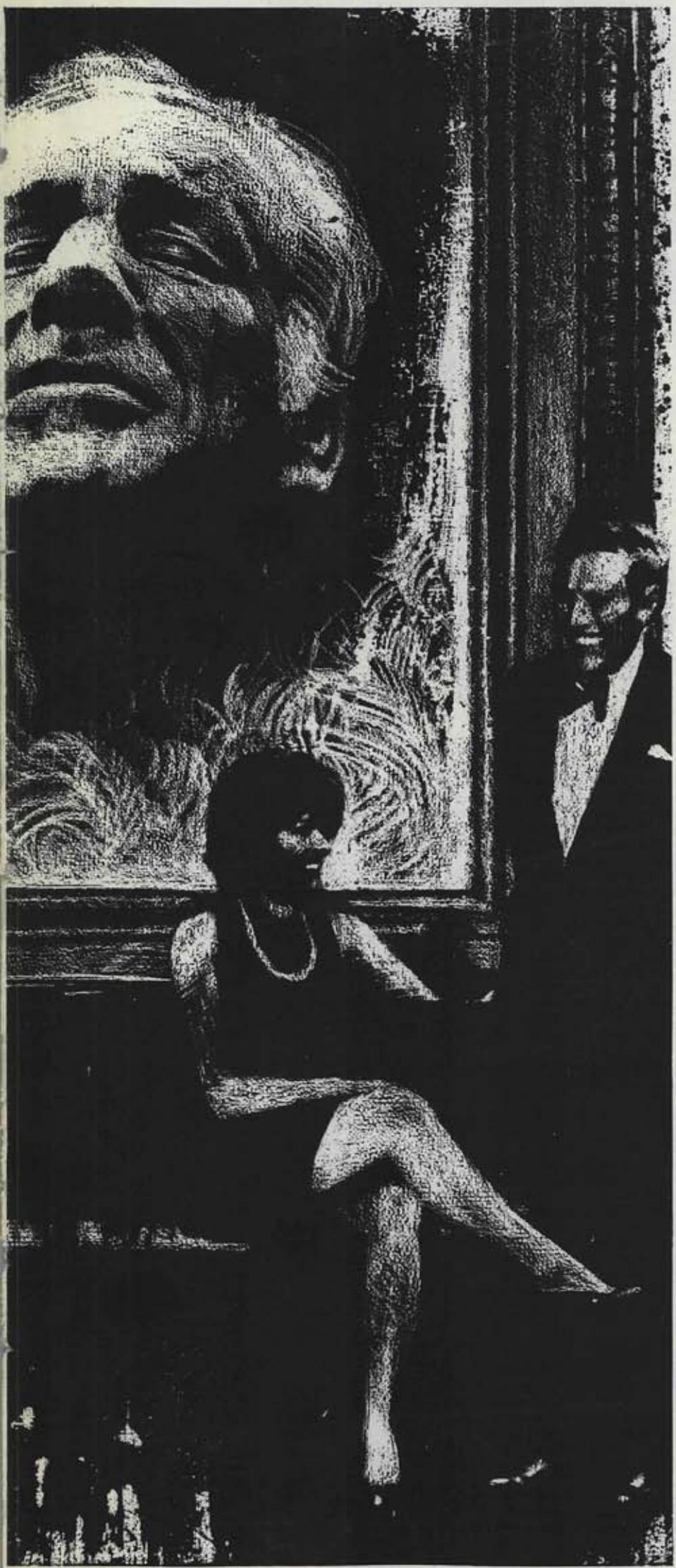
Джо и Айлин... Ну что же, пара исплохая... Плохо со стороны Айлин, что она скрывала это от него, но в этом вся Айлин. Она может быть злой и добры, печальной и веселой. Все в ней меняется мгновенно. Слава Джейн и Джима, двух неудачливых удачников. Но что даст слава Айлин и Джо? И увидят ли они, Патрик, своих внуков? Теплая волна захлестнула его и подступила к сердцу — сама возможность появления в доме внука никогда не ощущалась так реально, как сейчас, в тишине этого вечера.

5

Консилиум собрался в библиотеке, примыкающей к большому кабинету, снабженному целой системой аппаратуры для обследования пациента. Каждый из аппаратов был связан с электронно-вычислительным центром. Из кабинета вел длинный коридор в анестезиологический центр и в самое заветное — в «усыпальницу королей», как ее называл молодой ассистент клиники Бердки. Шеф предпочитал другое название — «пирамида Хеопса». Это была дань его увлечению древней историей.

В центре кабинета стояла специальная каталка на толстых каучуковых шинах. Она имела свое название — «лодка Харона». Сестер тут называли Парками, которые плетут нить жизни и готовы в любой момент ее отрезать.

Рисунок Марина ПИНКИСЕВИЧ

В их руках могли оказаться к тому же судьбы капиталов, клиентов, клиники, ведь любую из них могли подкупить родственники спящих. И поэтому сестер не допускали даже в преддверие этого рая, где царили тишина и комфорт. Каждый здесь ждал своего часа, за каждым наблюдала комиссия, в которую входили не только врачи, но и юристы.

Состояние анабиоза. Жизненные процессы сведены до минимума, и тем не менее система питания налажена. Но шеф мечтал о большем, о системе, при которой мозг его подопечных мог бы действовать — получать и выдавать информацию. Над этой идеей уже работали специалисты. Если удалось бы добиться ее осуществления, он становился фактическим хозяином многих капиталов. Тогда бы все распоряжения в банки, на биржу могли идти только при его участии. Стоимость содержания каждого охлажденного не превышала 200 тысяч долларов в год, а совместный капитал его молчаливых подопечных уже достиг шести миллиардов.

Самая большая трудность была не в медицинских проблемах, а в этических. Требовался хороший юрист, который в то же время был бы достаточно предан и хитер. Экзамен выдержал Хаули. Теперь, пока высокочтимые консультанты собирались в библиотеке, шеф и Хаули закрылись в кабинете.

— Так сколько оставит в банках этот Мерди? — спросил шеф.

— По моим расчетам, тридцать пять миллионов.

— Ну, это не бог весть что. Он будет занимать третье место — после Роджерса и Морелли.

— А что, если мы попробуем на нем систему «мозг — шеф — банк»? Назовем ее проще — МШБ-1.

— Двадцать четвертый кандидат, — задумчиво сказал шеф. — Надо попробовать сохранить его духовную сферу, к тому же я хочу один из вводов в шлем соединить с телекатором в его доме, пусть испытывает иллюзию жизни в семье. Мы должны заботиться о комфорте и благополучии «ожидающих». — С этими словами он открыл тяжелую дубовую дверь, которая вела в библиотеку, где заседал консилиум. — Прошу уважаемых коллег приступить к обсуждению кандидата.

Папка в красном переплете с тиснением «Патрик Мерди-24» легла на стол. Медицинское досье. Врачи не должны были знать деталей социального плана. Их забота — организм, а душа лежала в коричневой папке Хаули. Все это было обусловлено в специальном договоре с клиентом...

— Итак, господа. Пациенту 59 лет, группа крови 1-я, рост 179 сантиметров, вес 72 килограмма. Обследован в трех клиниках. Вот рентгеновские снимки и результаты ангиографии — судите сами. Положение критическое. Больной об этом знает и держится мужественно. Решил прибегнуть к нашей помощи. О возможностях клиники полностью информирован. Вы, господа, я знаю, верите, что через 20—30 лет эти формы рака можно будет вылечить, а я склонен думать, что в лучшем случае размораживанием мистера Патрика займется мой внук.

— Ваш Мерди меня мало волнует, — вставил реплику один из членов консилиума. — Я хочу спросить, как у нас вообще обстоят дела с опытом размораживания. Имеем ли мы моральное право набирать новых клиентов?

Шеф иронически посмотрел на оппонента и, улыбаясь, размеренно заговорил:

— Да, сэр, вы, как поборник истины, весьма резонны в вашем вопросе. Так вот, во-первых, сэр, в эксперименте на животных все проверено до мелочей. Ваш пессимизм, мне кажется, необоснован. И я, как экспериментатор, могу сказать: мы достаточно знаем, чтобы иметь моральное право продлевать клиническую смерть. Сочетание общего охлаждения организма с наркозом еще в 1912 году открыло нам этот путь. Русский ученый Бахметьев искусственно вызвал зимнюю спячу животных. Позвольте вам напомнить о его замечательном опыте с летучими мышами. Он снижал им температуру тела до минус 10 по Цельсию, жизненные процессы в организме почти полностью прекращались, а смерти не наступало. Именно он назвал это состояние анабиозом... А знаменитые опыты французского ученого Луи... Он охладил сердце куриного эмбриона до минус 196 градусов, и, представьте себе, после отогревания это сердце вновь забилось. Надеюсь, эти примеры достаточно убедительны. Но вся беда в том, что у нас пока нет основания кого-либо размораживать...

Один из присутствующих поднял руку.

— Разрешите мне, как онкологу, возразить вам. Я гораздо более оптимистичен и верю в лучевую терапию. Думаю, мы делаем большую ошибку, что избираем тактику простого ожидания. Если начать длительную терапию у замороженного, то, может быть, тут открылись бы новые возможности. Наш отдел предлагает сотрудничество...

Наступило молчание. Шеф, видимо, готовился к ответу. Он стучал карандашом по столу и несколько раз переводил взгляд с оратора на Хаули.

— Уважаемый Гарднер, вы правильно ставите вопрос, но тут есть чисто этическая проблема. В одном из пунктов договора записано, что разморозить клиента можно только тогда, когда будет открыто средство для радикального лечения. Мы взялись с вами лишь за сохранность тела. Лечение основной болезни не входит в наши планы и в договоре не обусловлено. Я думаю, мистер Хаули будет возражать, если мы вдруг начнем лечение «ожидающих».

— Если даже экспериментально будет доказано, что это целесообразно?

— Да, даже при этом условии. Право опеки со стороны родственников только у пяти, остальные своим родственникам не доверились и распорядились сами собой. Можно обдумать план переговоров с теми родственниками, которые наделены соответствующими правами, но я сомневаюсь, чтобы они так легко дали согласие... Однако мы отошли от основного вопроса: согласны ли вы на замораживание Патрика Мерди? Кто согласен? Благодарю вас... Кто против? Нет. Как обычно, один воздержался.

6

Кровать-каталка была удобной. Итак, первая жизнь позади, а будет ли вторая — неизвестно. В доме остались Айлин и Джо. После свадьбы они выглядят счастливыми и беззаботными. Как это он расчувствовался до такой степени, что оставил Айлин доверенность на ведение дел! Правда, с оговорками, но это мало что меняет. Пробуждение будет загадкой, но ледяной сон лучше, чем боли в груди и эта слабость...

В музыку, которая лилась из вмонтированных в шлем наушников, вошел чей-то уверенный голос:

— Вы начинаете забывать о своих волнениях. Они бреинсы, их больше не будет. Вспомните самые лучшие дни в вашей жизни. Они были и еще будут не однажды, надо только уметь ждать! Мы вам поможем, мы научим вас ждать...

Окончание на 25-й стр.

ЧЕЛОВЕК ИЗ СТ

НА «ОХОТЕ».

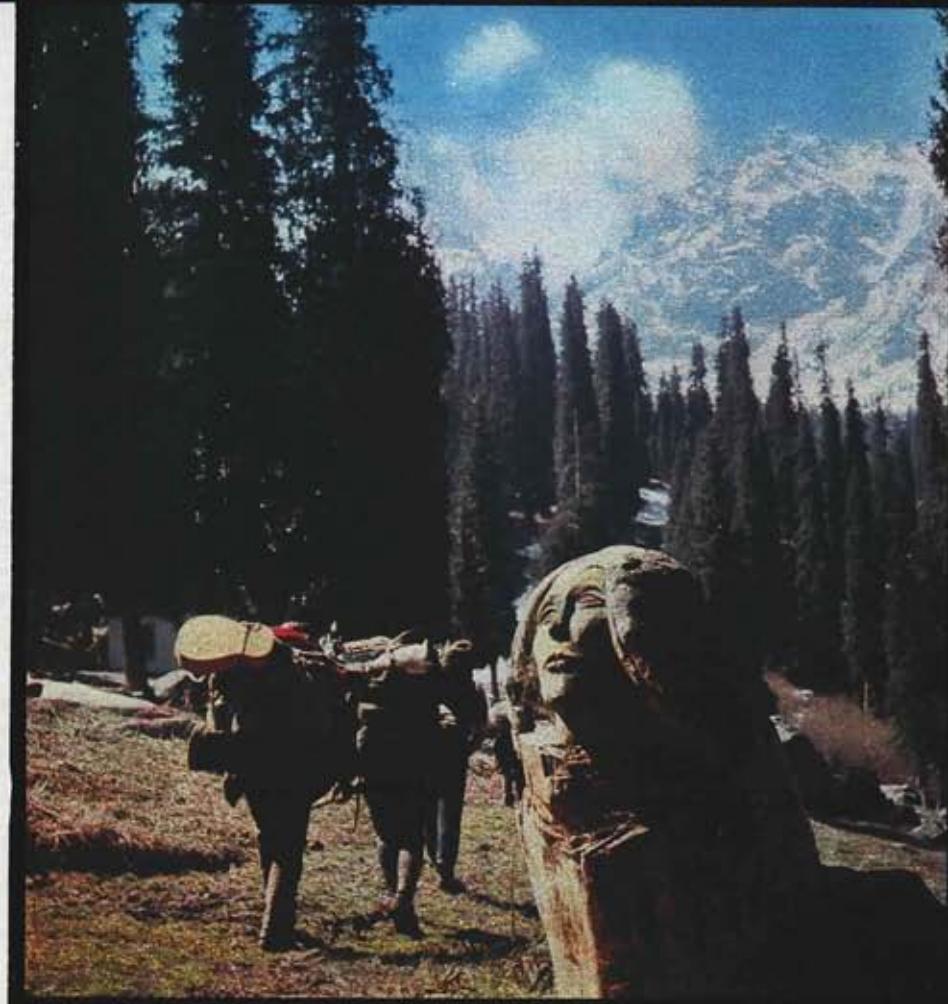
Юрий ЛУШИН.
Фото автора.

Он долго искал это место и едва не прошел мимо неглубокой ложбины, которую потом объявили шмелевым заповедником.

Он видел, что куда-то в ту сторону плыли, солидно рокоча, шмели, проносились одиночные пчелы. Временами у стволов деревьев они опускались к самой земле, недолго присаживались и снова взлетали.

«Метки оставляют на брачных дорожках,—безошибочно определил он.—И сколько же их тут? Где-то недалеко, видно, полянка есть хорошая—общежитие».

Он хотел проследить поточнее направление полета шмелей, но времени

ШМЕЛЬ —
ПО-ЛАТИНСКИ «БОМБУС».

ЧТОБЫ РАЗГАДАТЬ
ТАЙНЫ ПРИРОДЫ...

ПЕРВЫЙ В СТРАНЕ
ШМЕЛЕВЫЙ ЗАПОВЕДНИК
ВОЗНИК
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

НАСЕКОМЫЕ — ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ АКВАРЕЛЕЙ ГРЕБЕННИКОВА.

до заката оставалось всего ничего, и он понял, что сегодня не успеет. Тогда он перестал торопиться, присел у дерева, привалился спиной к комлю и блаженно вытянул ноги.

...Существуют на земле люди, которых называют чудаками. Их действия окружающим предстают непонятными, а то и просто вздорными. Их мысли порой кажутся чуть ли не бредовыми...

Ну, зачем, спрашивается, с точки зрения здравого смысла, директору художественной школы ловить в свободное время всяких там козявок да буквашек, бегать по полям и легкомысленно махать сачком, как мальчишке? Где же авторитет?

Надо сказать, эти вопросы никогда не мучили Виктора Степановича Гребенникова, как не мучили его соображения карьеры, престижа... В свое время в маленьком Исилькуле —прокалленном морозами и солнцем городке на краю Омской степи—он из обычного кружка создал первую в Западной Сибири детскую художественную школу и стал ее директором. Но когда оказалось, что занимать этот высокий пост без диплома нельзя (а диплома Гребенников дей-ствительно не имел. Так уж сложилась нелегкая его жизнь, что не до вуза

РАНЫ ЗАГАДОК

было), он легко уступил свое директорское кресло другому, став рядовым преподавателем и даже обрадовался, что теперь выкроит больше времени на свои увлечения.

Исилькульские же детишки не интересовались, есть ли диплом у Виктора Степановича. Они валом валили в новую школу. Он учил их правильно держать карандаш и кисть, объяснял законы перспективы и популярно излагал историю искусства.

Кроме того, он знал и умел много такого, чего не умели и не знали другие. Он мог соорудить самодельный микроскоп или телескоп, мог рассказать о привычках пчел, жуков, бабочек, шмелей или о жизни далеких звезд. Он мог объяснить устройство муравейника и шмелиного гнезда. Он мог так нарисовать своих любимцев — муравьев, шмелей, ос, других насекомых, — что они казались на картинах живыми. А в квартире у него жили настоящие живые муравьи и шмели, которые утром вылетали на цветущие луга, но к вечеру обязательно возвращались, безошибочно узнавая окна квартиры Гребенникова.

— Как это происходит? — спросил его однажды изумленный исилькульский мальчик, не ведая, что этот простой вопрос задавал и задает себе сам Гребенников всю свою жизнь. Однажды, еще в детстве, он поинтересовался у взрослых:

— Отчего бабочки красивы?

И ему объяснили, что бабочки берут свою красоту у цветов вместе с пыльцой. Он выслушал это объяснение и... не поверил ему. Уже тогда он заметил, что у самых разных по окраске крымских цветов (детство его прошло в Симферополе) пыльца всегда светлая.

Загадку окраски бабочек он через много лет описал в своей книге «Миллион загадок», изданной в Новосибирске.

Оказывается, крыло бабочки покрыто, словно крыша черепицей, мельчайшими чешуйками различной формы у разных бабочек. На просвет чешуйки полупрозрачны, совсем скромного вида и цветными делаются тогда, когда освещены сверху или сбоку. Вспомните, точно так же прозрачный мыльный пузырь кажется нам цветным. Физики называют это явление интерференцией и дифракцией света, оно сейчас известно каждому шестикласснику. Вот и выходит, что цвет бабочек — чисто оптическое чудо.

В счастливые дни, когда природа будто специально для него приподнимала занавес, поверяя свои сокровенные тайны, Гребенников чувствовал себя богачом, обладающим несметными сокровищами.

За работой он не замечал времени. Впрочем, свои бдения за микроскопом, долгие дежурства у земляных норок насекомых или у муравейников он как-то стеснялся называть работой. Другие же и вовсе посмеивались над ним и над его чудачествами. Однако чудачества эти были самой настоящей работой, подчас тяжелой и утомительной. Кроме того, он взялся читать цикл лекций по истории искусства в университете культуры, участвовал в выставках художников-любителей, выступал на Омском телевидении с рассказами о мире насекомых, организовал тот самый детский кружок, который спустя некоторое время перерос в школу...

Однажды, неожиданно прежде всего для него самого, Гребенникову прислали на иллюстрирование рукопись книги П. Мариковского «Маленькие труженики леса» — о муравьях. Каким образом узнал о нем профессор Мариковский, Виктор Степанович мог только гадать, но за работу взялся с великим энтузиазмом. Для начала он поселил в своей квартире... несколько муравьиных семей.

Потом Виктора Степановича попросил проиллюстрировать свою книгу известный московский писатель И. Халифман. Книга рассказывала о шмелях. Разумеется, тут же в квартире Гребен-

никова появились различные приспособления для домашнего содержания шмелей.

— Я рисую только с натуры, — объяснял Гребенников, — в некотором роде я раб натуры. Набросок надо успеть сделать в течение нескольких секунд, ибо мои натурачики нетерпеливы, непосредственны и совершенно лишены честолюбия, которое могло бы удержать их на месте...

Пристальные наблюдения породили в нем глубокий научный интерес, заботу о сохранении шмелиного населения, которое быстро сокращается. Человек, распахивая землю, вырубая леса, выкашивая луговые травы, уничтожая гербицидами сорняки, попутно, может быть, не желая того, вытесняет насекомых... Но в природе все взаимосвязано: исчезают шмели — и тут же падает урожайность трав.

Шмель — насекомое своеобразное. Так же, как и пчела, он питается медом, но в отличие от нее часто собирает нектар с цветов, от которых пчела отказывается. Объясняется это просто. Хоботок шмеля гораздо длиннее, и «бомбус» способен достигать им «дна» самого сложностроенного цветка, такого, например, как люцерна. (Вот почему в ее опылении, как и красного клевера, главная фигура — шмель.) Как и пчелы, шмели живут семьями, но гнезда устраивают в подземных норах. Причем селятся в отличие от своих крылатых собратьев там, где остались какие-то, пусть даже очень давние и слабые следы деятельности человека. В гнезде живут несколько самок (в улье домашних пчел, как известно, живет только одна «царица») и множество более мелких рабочих шмелей.

Виктор Степанович поставил перед собой дерзкую задачу, решить которую пока не сумел ни один ученый в мире, — попытаться приручить шмеля, одомашнить их, подобно пчелам.

...Его квартира превратилась в настоящую пасеку. Он просыпался, едва начиная светать, от мощного гула шмелей, зависших над самым лицом. Мохнатые вертолеты явно что-то искали. Но что? Неужели место для гнезда? Вот радость, наконец-то дождался. Нет, в глазу гнезда не устроишь, мой милый, лети дальше. Понял? Умница. Лети к домикам, видишь, черные дырки...

— Они вас не кусают? — с недоверием спросил я.

— Нет, что вы. Это умные, смышленные, хорошие ребята. У них очень добродушный характер. Шмель может укусить, только защищаясь, но это справедливый укус. Не правда ли?

О шмелях Виктор Степанович говорит так, как говорят о друзьях. Рассказывать о них он может часами.

— Ранней весной, когда оплодотворенные самки выбирают себе квартиры, низко летают над землей, ищут норки, надо осторожно накрыть шмелиху коробочкой, в которой приготовлена коричневка с медом. Дома я ее выпускал. Шмелиха, конечно, некоторое время побьется о стекло, пока не сообразит, что преграду не одолеть. Смирившись с обстоятельствами, она начинает летать по комнатам в поисках иного выхода. Но выхода нет, зато на столе стоит блюдечко с медом, кругом веники цветов. Стоит ли волноваться? Через некоторое время она уже меня узнает и в обеденный час летит ко мне через все комнаты, через все двери. Ну чем не комната собачонка, только с крыльями! Наконец наступает время яйцекладки, и шмелиха уже в комнате, а не на свободе ищет место для гнезда. Она обследует все темные пятна: выключатели на стенах, пуговицы, мой глаза... Тут не стоит суетиться и размахивать руками. Шмелиха неминуемо наткнется на подготовленный ящичек с отверстием. Тогда она немедленно начинает носить туда пыльцу для корма, затем делает восковую площадку и откладывает на нее яйца, опять-таки окружив их воском, и ставит изящнейший восковой сосудик — горшок с медом. Но вот появляются первые

личинки, затем вторые. Потом шмелиха нянчит куколок, из которых, наконец, появляются рабочие шмели — небольшие, размером с муши. Их первое время пять-шесть, таких крохотулечек — ее помощников. Теперь уже можно либо выставить гнездо на балкон, либо устроить шмелипровод — длинную трубку из гнезда в окно. Шмели летят в поле, а к вечеру возвращаются домой. Потомство растет, к августу достигает расцвета. Рабочие шмели начинают отмирать, остальные разлетаются по брачным дорогам. К октябрю гнездо окончательно пустеет. Самки начинают искать место для зимовки. Круг замыкается...

В заповеднике, первом в стране шмелином заказнике, который Гребенников организовал под Исилькулем, он закапывал шмелиные домики в землю, оставляя снаружи только отверстие шмелипровода. Шмели безошибочно находили рукотворные «норки» и с удовольствием заселяли их. Заповедная жизнь шмелиного народа процветала. Но неожиданно у добродушных шмелей появились беспощадные враги. Это были не кто иные, как наши друзья — муравьи. Они проникали в шмелиные гнезда и...

Горестная картина открылась Виктору Степановичу, когда он обследовал одно из таких гнезд, вкопанных по соседству с муравейником. Он понял, что шмели и муравьи соседями быть не могут. Тогда Гребенников решил пойти на неслыханный эксперимент. Он выкопал несколько домиков из земли и укрепил их на одном столбе, а чтобы защитить шмелей от муравьев, окружил основание столба водой. Невиданный небоскреб он назвал грядевым многосемейным шмеливником. Вскоре он заметил, что шмелиный народ чувствовал себя там даже лучше, чем внизу. Это было любопытным открытием. Но Гребенников не успокоился на этом. Он уже подготовил еще более оригинальный проект бомбидария (бомбус — шмель) — специального павильона для раннего гнездования шмелей. В таком домике площадью в 20 квадратных метров, по его замыслу, должны были готовиться к лету семьи опытников. К сожалению, этот проект не претворен в жизнь до сих пор. Сначала у Виктора Степановича попросту не было денег (зарплаты уже не хватало), потом его подкосила болезнь. Сказалось огромное напряжение последних лет...

Весть об экспериментах Гребенникова заинтересовалась учеными. Член-корреспондент ВАСХНИЛ, председатель секции пчеловодства А. Мельниченко признал результаты опытов самыми успешными в мире и просил его продолжать их. Канадец Гордон Хоббс, крупный авторитет в области искусственного разведения шмелей и одиночных пчел, писал Гребенникову: «Если кому-то и удастся решить проблему доместикации (одомашнивания) шмеля для опыления красного клевера, то только вам». А он лежал в больнице и с грустью думал о том, что созданный им заповедник до сих пор официально не утвержден...

Описывать жизнь Виктора Степановича после выхода из больницы — значит цитировать бесконечное множество документов, писем, газетных статей, подписанных председателем Сибирского отделения ВАСХНИЛ, заместителем министра сельского хозяйства СССР, видными учеными, известными журналистами... Чтобы понять суть дебатов, достаточно прочитать один из этих документов — письмо профессора Воронежского государственного университета С. Богоявленского.

«Гребенников известен мне как исследователь дикой опылительной энтомофауны, — пишет профессор. — В жизненной судьбе его отмечается изъян: он не получил высшего образования... Скажу лишь, что каждое колено его жизни складывалось так: приглашают на научную работу, используют как художника, а то и вовсе превращают в

рисовальщика. Рисовальщики всегда нужны, а науку бездипломнику доверять не полагается. Диплом, конечно, нужен; но всеми качествами дипломированного специалиста Гребенников, на мой взгляд, обладает... А ведь достаточно вспомнить, что и Мичурин, Фабр, Эдисон, Горький были самоучками. Бывает такое в жизни. И вот тут мы видим, на что способен человек, а науку доверить ему нельзя? Как же так?»

В поисках ответа на этот вопрос, в поисках научного учреждения, где бы он смог в полную меру заняться любимым делом, Гребенников меняет места жительства: Исилькуль, Воронеж, снова Исилькуль, Новосибирск... Кем только не работал он в своей жизни!

В Новосибирске ему предложили заведовать энтомологическим музеем института химизации. Музей представлял собой совершенно пустую комнату, в которой и обосновался Гребенников. Он принес туда некоторые из своих коллекций, поставил микроскоп и продолжил работу... со шмелями, разумеется, во внеурочное время. Удивительно, как у него не опускались руки. Он приступил к организации очередного — уже третьего — шмелиного заповедника и создал его недалеко от Новосибирска. По просьбе ученых Академгородка он читает им лекции по энтомологии, в Доме ученых открывается выставка его работ, за которые впоследствии он будет награжден памятной медалью и дипломом международного конгресса по защите растений.

...Мы сидели в его квартире. Из широкого окна виднелась дальняя бересковая роща, в которой находился заповедник. Где-то там, закопавшись в дерн, спали теперь шмели.

— Значит, сейчас существуют три шмелиных заповедника? — спросил я.

— Нет, уже пять. Один студент, бывший у меня на практике, организовал с товарищами заказник на Байкале. Другой заповедник возник в Академгородке по инициативе школьников. Он совсем небольшой, но как будет прекрасно, если кому-то из детей он заронит в душу искру интереса к живой природе. Недавно в передаче по радио я услышал, как одного мальчика из большого города спросили: какую пользу приносят муравьи? И он ответил: этого никто не знает, муравьи приносят пользу внутри муравейника, а наружу выползают только для того, чтобы собрать щепок... Я просто остален от такого ответа. А ведь можно сделать так, чтобы встречи с природой были не случайными. Тут много от школы зависит. Нужно, чтобы именно здесь ребенок увидел своими глазами, как рождается кристалл, как из одной инфузории, плавающей в капельке воды, образуются две, как выходит из тени планеты один из спутников Юпитера — явления, чудесные и сами по себе и тем, что они способны озарить весь дальнейший жизненный путь человека, указав ему его призвание. И если у кого-то загорелся такой чудесный огонек, пусть даже странный для других, не надо гасить его...

На стенах комнаты, где мы разговариваем, висят коллекции жуков и бабочек, пластины в защиту растений, присланые Педро Салинасом, энтомологом из Венесуэлы. Подоконник уставлен цветами. В углу верстачок с тисками, на нем банки с кистями и таз с живыми жуками. Тут же мольберт с начатым рисунком пчелы. На столах три разнокалиберных микроскопа, рукопись статьи, коробки с насекомыми, укутанными в вату, макет шмелиного микрозаповедника...

Я подошел к микроскопу и прильнул к окуляру. Взору открылся неведомый мне, невероятный мир. Серенькие, едва заметные глазу мушки превратились вдруг в сверкающих неземными красками красавиц.

— Это же сказка! — не удержался я от восхищения. Я смотрел, не мог насторожиться и вдруг почувствовал острую зависть к Гребенникову, человеку, сумевшему проникнуть в страну загадок...

«СТОЛКНОВЕНИЕ»

ОБЗОР ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

Многие читатели откликнулись на очерк бульдозера Вячеслава Яковлева, опубликованный в № 10 «Смены». Написанный на документальной основе, очерк рассказывал о том, как молодой рабочий Сергей Топорков, оберегая народное добро, не подчинился приказу прораба Лексеичу и в гневе едва не наделал беды, исчерпав в споре все словесные аргументы.

Что подвергалось автором очерка острой и непримиримой критике? Бесхозяйственность, делячество. Что защищалось? Честность.

«Хорошо сделал тов. Яковлев, что вынес этот вопрос на широкое обсуждение,— пишет в редакцию Анна Чернина из г. Харькова.— Это заставит многих задуматься, что значит беречь государственную копейку».

Педагог из г. Кисловодска Г. В. Батычко утверждает:

«Указание засыпать траншею, в которой находились железобетонные плиты, разнометражные концы металлических труб, изоляционные материалы, считаю преступным. Кто дал право Лексеичу и другим руководителям, упомянутым в очерке, так поступать? Легче всего—засыпать, и дело с концом. А как же совесть?»

Читательниц поддерживает Н. Е. Шустов из г. Ревды Свердловской области:

«Я на стороне правды. А правда за Сергеем Топорковым. Лексеич и ему подобные нарушили Конституцию и должны за это отвечать».

Мысль этих авторов писем развивает плотник-бетонщик из г. Невинномысска С. Попп:

«Прав Топорков, который ценит человеческий труд и делает это не в целях личной выгоды. Он, видно, хорошо усвоил истину, что строитель на стройке не гость, а хозяин и должен беречь каждый гвоздь. Мое мнение как строителя, что прорабу Лексеичу не место на такой должности».

Вот прямой вывод, который содержит буквально в каждом письме, полученном редакцией. Прямой, но не единственный.

Исследуя проблему, поставленную в очерке «Столкновение», читатели пишут о том, что еще бытует не раз осужденное правило «План—любой ценой», и в этом видят корень зла.

Тов. Усеев из г. Ташкента пишет:

«Некоторые руководители, не умея наладить работу, хотят при сдаче объекта уложиться в срок, чего бы это ни стоило, чтобы получить премию, прогрессивку и т. д. И потому в траншее идет все: кирпич, раствор, стекло, плиты. Разве можно считать такое явление нормальным?»

Разговор о бесхозяйственности в письмах читателей не ограничивается только стройкой. Читательница Р. Е. Колесниченко из Латвии прислала вместе с письмом вырезку из республиканской газеты «Советская молодежь», в которой рассказывается о некачественной выпечке хлеба на Елгавском хлебокомбинате, о случаях возврата на предприятие бракованной продукции. «Какое бесстыдство—так работать!»—восклицает тов. Колесниченко. Нетерпимость к разбазариванию общественных ценностей в любых проявлениях содержится в письмах тт. А. П. Калинина из Фрянова Московской области, А. В. Вешкурцева из Нижнего Уфалея Челябинской области, А. А. Суворова из Горького, Е. И. Довгели из Новороссийска.

Однако в редакционной почте нашелся и отклик иного рода. Вот что пишет Малика М. из Чеченской-Ингушской АССР:

«Топорков, хотя вы поступили правильно, честно, но делайте так, как приказывает прораб—тогда для вас же будет лучше».

Опасное утверждение. Оно показывает: зло, которое несет в себе действия личностей, подобных Лексеичу, не только в том, что гибнут материальные ценности и государству наносится экономический

ущерб,—эти действия подрывают веру людей в принципы нашей морали и этики. С автором только что приведенного письма как бы полемизирует большинство читателей.

«Молодец Сергей, настоящий человек—по Горькому»,—утверждает тов. Зинтерис из Курганской области.

«Рабочий Топорков—вот кто хозяин,—говорится в письме учащегося строительного училища из Челябинска Олега Муштакова.—Я уверен, что Топорковы много, гораздо больше, чем Лексеичей».

«Я верю,—пишет Николай Поликарпов из г. Нелидова Калининской области,—что найдется множество честных людей, таких же, как Топорков. У меня в жизни был чем-то похожий случай. Поехал я на одну большую стройку—по велению души. И получилось так: один инженер в ответ на критику обвинил меня в том, что я плохо работаю. Что было делать? Я решил бороться за свое достоинство. Пошел к бригадам (сначала я работал в одной бригаде, потом перевели в другую) и взял у них характеристики на себя. Характеристики были положительные. Затем заверил их в отделе кадров и представил уже в качестве обвинителя, а не обвиняемого».

В этих строках—интересная мысль. Ведь будь Николай плохим работником, нерадивым, его позиция была бы уязвима. Но, будучи честным тружеником, он сумел отстоять свое добре имя в острой, конфликтной ситуации. Именно об этом—о собственной социальной и профессиональной ценности,—о том, что прежде всего она дает оружие в борьбе с недостатками, пишут читатели, приславшие отклики на «Столкновение».

Много верных и продуманных мыслей содержится в письме кандидата технических наук из г. Симферополя С. Горнева. Он подробно и с симпатией комментирует поступок Топоркова и порицает Лексеича. Однако его попытка объяснить природу действий последнего требует, в свою очередь, комментария. Он пишет:

«Затраты труда на спасение неиспользованных материалов (если их немного и они разрознены по разным точкам) превышают их стоимость. Такого

явления не бывает только при подрядном наряде с хорошо поставленным хозрасчетом».

На первый взгляд как будто верно. Но хочется спросить тов. Горнева: зачем же доводить дело с неиспользованными материалами до «спасения»? И при чем здесь хозрасчет? Ведь речь идет об элементарном умении хозяйствовать, о способности вести работу на обычном профессиональном уровне, наконец, об азбуичном служебном долге. Ведь хозрасчет, бригадный подряд вырастают не на пустом месте, они требуют и производственной и, если хотите, гражданской зрелости. И вообще можно ли пытаться объяснять расточительность и головотяпство только с позиций организационно-технологических, оставляя в стороне нравственные категории? О каком моральном климате в рабочем коллективе можно говорить, если разрушается уважение людей к собственному труду и труду других и этим самым—друг к другу, а ведь именно таковы «плоды деятельности» Лексеича!

И как раз Сергей Топорков, радеющий за этот простой порядок на своем рабочем месте (и на каждом!), стремящийся преодолеть халтуру, безответственность и наплевизм во имя «галочки»,—он-то, может быть, и делает первый шаг к хозрасчету и подряду.

Об этом, по существу, писал в прошлом году («Смена» № 9) в статье «Рабочие аттестаты» основоположник бригадного подряда в стране, знаменитый бригадир Николай Злобин:

«...если говорить о секретах, то они есть, даже не секреты, а один-единственный принцип, следуя которому мы и добиваемся успехов. Принцип этот— отношения, которые сложились в бригаде, отношения настоящего рабочего товарищества, дружбы, взаимопонимания. Словом, секрет в единстве коллектива. Представим себе звено из шести человек. Троє трутся с огоньком, что называется, не покладая рук, а трое особым желанием не горят. Так вот, можно заранее сказать, что успехов тут ждать не следует и о бригадном подряде лучше не думать. Потому что это показатель сложившихся отношений... Бригадный подряд приводит к успеху не сам по себе, не механически. Он не причина, а результат. Результат нашего долгого совместного труда, который привел к взаимному пониманию и взаимному доверию».

Но вернемся к «Столкновению». Как уже сказано, читатели горячо одобрили действия молодого рабочего Сергея Топоркова. И все-таки эти действия не до конца удовлетворили авторов ряда писем.

Вот что пишет тов. К. Кендирбаев из г. Фрунзе:

«На месте Топоркова я сам бы пошел за краном и убрал бы все трубы и плиты... И не надо было так злиться».

А вот выдержка из письма тракториста Мурбайской геофизической партии тов. В. Шутеева (Якутская АССР):

«Надо было Топоркову самому собрать отрезки труб в пачку, связать тросом и вытащить их из траншеи бульдозером. Ведь при бульдозере обязательно должен быть трос... Почти таким же способом—и плиту. Ведь нельзя только искать виноватого и ждать, чтобы сделал кто-то, когда можно сделать самому».

Эти высказывания дополняются соображениями тт. Л. Лужаевой из Белгородской области, А. Ворошилова из г. Краснокамска, Н. Балина из Саратовской области о том, что Сергей после отказа выполнить приказ прораба не должен был горячиться, а мог бы прибегнуть к помощи общественных организаций и контролирующих органов.

Такова редакционная почта. Деловая. Проникновенная. Неравнодушная.

Мы благодарим читателей за отклики.

Борис ФАИН,
редактор отдела рабочей молодежи.

ВСТРЕЧА

Он впервые в Советском Союзе. «Из Копенгагена до вашей столицы мы летели два часа. И столько же времени занял перелет из Москвы в Сочи!» — восклицает Бъярне Хансен, пораженный масштабами нашей страны. Член коммунистической партии, режиссер на радио, композитор, он приехал из Дании на Международный молодежный фестиваль песни «Красная гвоздика». Хансен подчеркивает, что его особенно привлекло то, что этот, пятый фестиваль посвящен 60-летию Октября.

Бъярне было семнадцать лет, когда он впервые познакомился с трудами Маркса и Ленина. «Мой отец работал в хлебопекарне по двадцать часов в сутки», — вспоминает певец, — и этого было

**ПЕВИЦА ИЗ МОНГОЛИИ
ОЮНЧИМЕГ.
ЕЙ БЫЛ ВРУЧЕН ПРИЗ «СМЕНЫ»
«В ДОБРЫЙ ПУТЬ».**

ОБЛАДАТЕЛЬ БОЛЬШОГО ПРИЗА ЭНРИКЕ ЛИОППИС (АРГЕНТИНА).

вполне достаточно, чтобы я понял: в мире существует неравенство. И я захотел узнать, можно ли его уничтожить». Бъярне пишет и исполняет политические, социальные песни; он сочиняет много песен для детей, считая, что человека, родившегося в капиталистическом мире, надо с детства учить борьбе за справедливость.

Он выходит на сцену Летнего театра с гитарой в руках... Один из многих певцов, композиторов, прибывших сюда из тридцати стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Несхожи их судьбы, несхожи пути, которые привели их на эту сцену. Но есть одно, главное, что объединяет молодых исполнителей, что заставляет их идти к людям с песнями протеста и

“КРАСНАЯ ГВОЗДИКА” Р

Наталья АЛЕКСЕЕВА.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

ЗДЕСЬ В ЛЕТНЕМ ТЕАТРЕ
ПРОХОДИЛИ КОНЦЕРТЫ
«КРАСНОЙ ГВОЗДИКИ»

ДАКРЕН ФОТОГРАФИИ
ВОЛГАРКА РОССИЯ БОРДЖИНА

солидарности. Это любовь к человеку, живущему на планете Земля! Каждый выступающий здесь мечтает о лучшей жизни. Не для себя — для других. Мечтает о мире во всем мире...

РЕПЕТИЦИЯ

Народному артисту СССР дирижеру Юрию Силантьеву не приходится ждать певцов. Еще до появления оркестрантов на сцене участники заполняют первые ряды пустого зрительного зала. И все остаются до конца репетиции, внимательно слушая незнакомые песни, обмениваясь впечатлениями, помогая друг другу советами...

Нежадно печет южное солнце. Но ни Аннаритта Минкинен, гостья из Финляндии, ни Клотэр Кимболов из Конго не замечают жары. «Клотэр, ты уже был лауреатом этого фестиваля. Почему приехал еще раз?» «О, Аннаритта, меня

получает аргентинец Энрике Лиоппис. Молодой певец, казалось, потерял дар речи от счастья. Все бросились его поздравлять: «Первое, что он наконец смог сказать: «Это при всем народу моей страны, всему латиноамериканскому континенту».

Тут же состоялся импровизированный концерт лауреатов. Вновь спел 24-летний Энрике «Темную ночь» Богословского, так поразившую слушателей именно в его исполнении — темпераментном, тревожном и печальном и в то же время пронизанном верой в завтрашний день... Наша певица Жанна Рождественская, выпускница Саратовского музыкального училища, впервые участвует в международном фестивале. Она получила первую премию. Обладательница сильного, выразительного голоса, она запомнилась нам песней «Монолог Звезды» из драмы П. Неруды...

АСЦВЕТАЕТ В СОЧИ

здесь все об этом спрашивают, особенно журналисты! Ответ прост: мне очень тут понравилось. Мне и не нужно новых призов, — он улыбается, — главный приз — дружба! Последнее слово Клотэр явно с удовольствием произносит по-русски.

Небольшой перерыв. Одернув взмокшую рубаху и повернувшись наконец лицом к артистам, Силантьев с тем же энтузиазмом, что и в работе за дирижерским пультом, принимается «строчить» своей кинокамерой. «На память», — поясняет он.

УЧАСТНИК

Вольф Браннаски (ФРГ): «Задача нашей коммунистической молодежи — борьба с антикоммунизмом. Как художник, композитор и руководитель «Мюнхенской песенной группы», я стараюсь внести свой вклад в эту борьбу».

КОНЦЕРТ

В восьмом ряду сидят жюри под председательством Александры Пахмутовой... Все — и члены жюри и зрители — ждут от исполнителей рассказа о проблемах, волнующих всех нас. И участникам сочинского фестиваля есть что рассказать...

Юлия Цирю из Греции поет о подвиге и гибели молодого героя, венесуэлец Али Примейра призывает людей разорвать «лассо империализма», Адриан Иванчик (Румыния) — сказать «нет» войне...

Интересная деталь: собственно политическую песню певец должен исполнить только один раз — в день песен борьбы и солидарности. В дни советской песни и песни своей страны участникам представляется свобода выбора.

Они сделали свой выбор: мы не услышали на этот раз в Сочи ни одного развлекательного «шлягера».

ЧЛЕН ЖЮРИ

Серхио Орtega, автор гимна «Венсеремос» (Чили): «Песня — это в первую очередь участница борьбы за построение прекрасного будущего».

ЛАУРЕАТЫ

Поздно ночью в интерклубе, где гости фестиваля собирались после каждого концерта, объявили, что Большой приз

Решение жюри, присудившее премии болгарке Росице Борджиевой и венгру Томашу Берки, Тумурбатору из Монголии и Вольфу Браннаски из ФРГ, было встречено всеобщим одобрением — и зрителей и прессы. Члены жюри сумели учесть при распределении мест сложную специфику развития и пропаганды политической, гражданской песни в той или иной стране, а также то, что в силу этой специфики в конкурсе участвовали как профессиональные, так и самодеятельные исполнители...

ДИСКУССИЯ

Жозе Барата-Моура (Португалия): «Прогрессивная песня, песня протеста должна отражать действительное положение в стране, активно вмешиваться в жизнь».

Олаф Клесс (ФРГ): «В нашей стране — да и в некоторых других тоже — политическая песня может развиваться только на базе самодеятельности. И мы не можем оценивать ее на основе лишь чисто профессиональных критериев. Для нас важнее четко выраженная партийная позиция. Думаю, что и форма должна соответствовать содержанию: я за строгость и скромность в исполнении политической песни. А для сопровождения, на мой взгляд, больше подходит гитара, нежели оркестр».

Майкл Глик (США): «Для меня политическая песня — это способ общения с массами, обращения к совести людей. Считаю, что политическая песня может существовать во всех жанрах, в любых формах. Только тогда у нас, в США, она сможет как-то противостоять развлекательной поп-музыке...»

Этот небольшой отрывок из дискуссии членов жюри дает представление об основных внутрифестивальных проблемах, возникших при распределении премий. Кстати, некоторые исполнители довольно остро поставили вопрос о том, нужны ли вообще призы и премии на фестивале политической песни. По их мнению, подобные фестивали — это просто встречи единомышленников, праздник дружбы и солидарности.

Что ж, быть может, организаторам фестиваля в Сочи имеет смысл подумать об этом в будущем. А в том, что у «Красной гвоздики», начавшей свое существование десять лет назад, есть будущее, сомневаться не приходится.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

Начало на 18-й стр.

7

Прошло семнадцать лет. Число «ожидающих» в клинике выросло, но ни один из них еще не вернулся в мир. Волею испытателей мозг Патрика Мерди был подключен к пульсу в кабинете шефа и через этот пульт связан с банком и домом. Шеф мог включать и выключать его. Система МШБ, во многом усовершенствованная, работала отлично.

Магнитофонная лента, на которую записывали эти связи, могла уже трижды охватить Землю. Шеф постарел, а душеприказчик умер. Сын юриста унаследовал дело отца, но не его гибкость и хитрость. В отличие от Хаули-старшего он был на страже интересов пациентов. И дело Патрика стало главным источником разногласий между шефом и молодым адвокатом.

— Что вам известно о связях мозга с телом? — горячился молодой адвокат. — Я убежден, что раздражение нервов может повлиять на рост опухоли. Давайте включим ленту, где записан разговор в доме Патрика, который он по вашей воле слышал. Где хранится лента 2238-Я?

— В шкафу на восемнадцатой полке. Но это ничего вам не даст. В ответ на эту запись я поставил ленту с записью мыслей Патрика.

— Я знал, что они у вас есть. Отец мне говорил об этом. Но записывать мысли пациентов — этого, согласитесь, не было в договоре, вы ведете нечестную игру, шеф! Как мы можем при этих условиях сотрудничать?

— Всему свое время. Включайте систему воспроизведения.

8

Послышался музыкальный звонок и голос Айлин: «Не беспокойся, Джо, я открою, это, наверное, Дези...»

Пауза и голоса:

— ...А, Джеймс, как я рада вашему приходу! Мы с Джо хотели с вами поговорить. Проходите в гостиную и садитесь к камину. Какая сырость на улице! Джо, это Джеймс. Сколько мы с тобой знакомы, старина?

— Да лет тридцать...

— Ну так это дает мне право быть с тобой предельно откровенным.

Шеф прокрутил ленту дальше:

— Так вот, Айлин и Джо, должен вам сообщить, что препарат, который полностью излечивает рак легкого в первых трех стадиях и в отдельных случаях в четвертой стадии, синтезирован. В сочетании с лучевой терапией он испытан в клинике.

— А когда можно будет уверенно сказать, что в случае с отцом он может оказаться эффективным?

— Фактически уже сейчас. Для гарантии можно подождать еще один-два года.

— Это маловато, — послышался голос Джо. — Дело в том, что мы с Айлин не уверены, что старику с его старыми взглядами надо поспешить возвращаться в наш новый мир. Короче говоря, мы не заинтересованы, чтобы Патрик вернулся.

— Сейчас или вообще?

— Ну, по крайней мере на протяжении нашей жизни.

— А какие соображения руководят вами?

— Ну, как тебе сказать? Для него сегодня, вчера или послезавтра не имеет никакого значения. А для нас это значит изменить образ жизни и начать жить по-новому или, вернее, по-старому.

— Я уверена, что папочка разрушит все наши планы и не поймет, почему мы вложили деньги в наше новое предприятие. А затем он может дурно повлиять на внука. Да, мы хотим, чтобы он выздоровел, но ведь через тридцать лет гарантия будет еще больше?

Ленту остановили... Собеседники какое-то время молча глядели друг на друга. Наконец, адвокат сказал:

— И это «святое» откровение вы даете возможность слушать Патрику?! Уж не договорились ли вы с родней?..

9

Но в это время мозг Патрика был от системы отключен. В такие минуты Патрик научился чередовать сон и раздумья.

Сейчас он думал о Джо. О том, как тот преобразился до неузнаваемости. Биржа заменила ему лабораторию. Он забыл о своих научных планах и превратился в финансиста. Деньги победили науку. Его управляющий Сантос был предан Джо, и все заветы Патрика были забыты, даже те, которые были записаны перед его уходом и над которыми Сантос клялся на библии.

Теперь о загадочном методе лечения. Конечно же, это было главное, что его больше всего интересовало, и вместе с тем именно об этом, как нарочно, не вели никаких разговоров ни дома, ни в банке. Правда, Джо как-то бросил странную фразу, которая долго беспокоила Патрика. Он говорил с кем-то по телефону, когда сказал: «Ну что же, спасибо за информацию... А вы, Билл, уверены, что этот метод мог бы гарантировать Патрику полное излечение?» Он не слышал, что говорили на другом конце провода, а затем Джо сказал слова, которые потрясли Патрика:

— Ну что же, Билл, это веские доказательства. Но не будем спешить. Я думаю, есть смысл подождать еще лет десять...

Значит, Джо заведомо тормозил его возвращение!

Если действительно рак уже побежден, но размораживать Патрика они не спешат, если все это действительно так, то, может быть, не стоит возвращаться в тот мир, чтобы быть там лишним?

Так постепенно созрело окончательное решение, о котором надо было сообщить шефу. И он сообщил:

— Дорогой шеф, я, Патрик Мерди-24, прошу принять информацию. Это очень важно! Кто бы вам ни предлагал вернуть меня к активной жизни, знайте: я сейчас этого не хочу! Я сам дам распоряжение, когда мне нужно будет вернуться. Ждите моего сигнала!

Он все еще на что-то надеялся...

1. НАЧАЛО, ТРЕБУЮЩЕЕ ПОЯСНЕНИЙ

Сперва, как и следует ожидать, была любовь.

Только что избранный колхозный комсогр Тимоша влюбился.

Ему, поясним, страшно не повезло. Впрочем, когда Тимоша впервые подумал о внезапно обрушившемся на него невезении, он не знал, что так будет только поначалу. И не будем его укорять за это. Еще не известно, как бы мы с вами спрогнозировали будущее в месте Тимоши.

И попутно не будем интриговать читателя. Сразу и прямо скажем, что его любовь с самого первого дня родилась взаимной и была крепка и всем в деревне на радость красива.

Страшное же невезение, о котором мы обмолвились, по всей вероятности, надо бы отнести к другой, коли так можно выразиться, сфере Тимошиних интересов. Хотя это как еще представить... Все-таки, все-таки сперва действительно случилась любовь. Оно и то справедливо, что жизнь сложна и нередко все в ней так запутывается, что и концов порой не сыскать.

Так или иначе, но все, что развернулось в жизни Тимоши и в жизни родной его деревни, напоминало неумолимо разрастающуюся эпидемию. Только никто не мог уразуметь: откуда были занесены к нему зловредный вирус? И снова оговоримся для ясности и объективности, что зловредным его считал один лишь Тимоша, ну, может, еще кто-то из Тимошиних друзей — для сочувствия, видно, и из сострадания.

Однако лучше всего рассказывать обо всем происшедшем строго по порядку. Был этот наверняка разобраться так вот сразу, где в нашей истории страшно невезучее начало перейдет в благополучный конец, почти невозможно.

2. ЕЩЕ КАК БЫ ПРЕДИСЛОВИЕ

Но не познакомиться ли заранее с перечнем действующих лиц и с тем, что помогло им выйти к счастливому концу? Ведь иначе, думаю, не понять достаточно хорошо всего далее проистекающего.

Итак, главными действующими лицами в нашем рассказе являются: Тимоша и Она (но Она лишь подразумевается, как в театрах голос за сценой, и непосредственно на бумаге фигурировать не будет), две Тимошины соседки-сестрицы и их юные в деревне последовательницы, три председателя, из коих бабушка Акулина сыграет, наверное, решающую роль в судьбе главного героя, а кроме того, секретарь райкома, участковый милиционер, небольшая группа маловероятных скептиков, шофер колхозного автобуса и специальная комиссия в райцентре.

Немалое значение по ходу сюжета будут иметь: велосипед, поименованный соседками Тимоши и их подружками самокатом, диван в кабинете комитета

Но пока он проводил индивидуальную — так, словно заранее формулируя строчки официального отчета, называл Тимоша свою беседу с доморощенными частушечницами — работу, откуда-то из-за кустов, из-за близкого плетения в открытое окошко кабинета влетела новая — надо же так! — да притом куда более ехидная частушка.

— Ну, погодите же! — только и воскликнул Тимоша. И был вынужден отпустить вовсе не раскаявшихся соседок.

Ему надо было обдумать в одиночестве: что делать дальше? К тому же над ним висела необходимость позвонить в райком комсомола. Есть такая не совсем приятная обязанность комсогра — объясняться, коль что-то не ладится, с райкомом.

4. ТИМОША ПРИНИМАЕТ ВТОРОЕ РЕШЕНИЕ

Пока он дождался заказанного с райцентром разговора, мрачные думы затеснились в его голове еще пуще.

«Пока счет явно не в мою пользу», — справедливо рассчитал Тимоша. — Пропущенное свидание сегодня — это раз!»

И вдруг неожиданно, на самом деле вдруг, внезапно для самого себя, но бесповоротно, твердо и окончательно нашел он то нечто, что могло справиться с девицами-соседками. Отдадим Тимоше должное: это решение принял он сам, без чьих бы то ни было подсказок — в тот момент, когда он только приподымал трубку зазвонившего телефона. А решил он следующее:

«Свиданию не бывать и завтра!»

А почему он принял это, несомненно, не только его одного, но и Ее огорчившее решение, мы узнаем чуть позже.

...Оншел домой, а в углах все раздавался строгий голос секретаря райкома: «Уж если ты такой нерешительный и у тебя без нас ничего не получается с твоими девушками, то жди утром в подкрепление официальный документ. Но, учти, плохо тебе будет, если не справишься...»

«Теперь-то справлюсь, — уверенно подумал Тимоша, подбадривая себя. — Завтра все решится!»

5. НАЗАВТРА

На следующий день после работы проходило экстренное заседание комитета комсомола. В протоколе оно значилось расширенным. Трех авторитетнейших в деревне председателей пригласил Тимоша себе в помочь и в подкрепление.

Времени на обычную разминку — узнавание новостей и всякие шуточки — на этот раз не было. Под строгим взглядом Тимоши все расселились быстро и по своим надлежащим местам.

Валентин ГАРКИН

Рассказ с загадочным сюжетом,
или комсомольские сцены
в трех основных актах,
но при девяти действиях
и во множестве картин

комсомола, телефон, с помощью которого Тимоша вынужден был объясняться с райкомом, и письмо-директива оттуда, а также районная газета, поставившая, заранее приоткрыв секрет, точку в самом конце треволнений, выпавших на долю Тимоши и его односельчан.

3. НАСТОЯЩЕЕ, НАКОНЕЦ, НАЧАЛО, НЕ ТРЕБУЮЩЕЕ НИКАКИХ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДИСЛОВИЙ

Тимоша был горазд на выдумку. И это-то в конечном счете привело к успеху. Но вот сейчас он, увы, сплоховал...

Так уж угодно было судьбе, что ни одна его попытка тайком, без свидетелей и лишней огласки съездить на соседнюю ферму, где жила Она, не обходилась без ехидной частушки.

Началось с одной. Она родилась, можно сказать, на глазах — через плетенье, рядом, прямо у Тимошного дома, и голоса, певшие ее, были страсть как знакомы. А уже через неделю частушки вспыхивали то там, то сям. Что и говорить — эпидемия!..

Никакие ухищрения Тимоши не давали повода для частушек не помогали. Он, оседлав свой новенький, в премию за ударный сев полученный велосипед, тщательно маскировал маршрут. Отправлялся на свидание в противоположную, будто от Ее фермы сторону, делал основательный, в несколько километров, крючок. Но частушки пелись. Он стал запаздывать на свидания, дожидался сумерек, чтоб никто не видел его, а в спину и в темноте все равно пели. Он проезжал нарочито медленно и вовсе не спешно покручивал педали, всем своим видом показывая, что направляется на важное мероприятие, а не на свидание, но приветов становилось еще больше.

Частушки, с каждым новым вечером одна другой заковыристее, укоряли его в том, что он все вечера проводил там, у Нее, а не здесь, у них, то есть на центральной усадьбе.

Как тут не понять, что незапланированная самодеятельность наносила опасные удары по не успевшему еще сформироваться авторитету Тимоши?

«А что-то будет дальше?» — тоскливо подумал Тимоша. И размыщлениями его,казалось, не было конца: с одной стороны, частушки забылись в их деревне напрочь и основательно, только бабушка Акулина смогла припомнить, когда к ней обратился Тимоша, в коем далеком году их пели в последний раз; большие того, бездействующий клуб, а до него у Тимоши руки пока еще не дошли, тоже не давал оснований к расцвету непредусмотренной инициативы. Но, с другой стороны, Тимоша хорошо знал свою родную деревню: если уж у них что-то начинали, то остановиться не могли...

И такие мысли продолжали тяжко и неотступно мучить Тимошу.

Но вот его осенило. Решение пришло, и оно показалось ему в момент рождения единственно правильным.

Тимоша устроил строгий, очень строгий разговор с зачинателями явно бесцеремонного вторжения в свою личную жизнь.

Председатель колхоза, председатель сельсовета и бабушка Акулина, председатель колхозного женсовета, осознавая важность грядущего разговора для судьбы Тимоши и, пожалуй, всей деревни, расположились по бокам от Тимоши и тотчас для солидности и порядку взяли в руки карандаши, покручивая их и постукивая ими, хотя писать ничего не собирались.

Еще более чинными, сосредоточенными и даже суровыми выглядели комитетчики, которые устроились за длинным, застланым зеленым покрывалом столом.

А на черном кожаном, с проплешинами от старости диване — на лобном месте, как именовали его столько уж поколений тех, кому — эх, эх! — доводилось быть приглашенным на заседание комитета отнюдь не за наградами, сидели они, частушечницы. Всех их, кого толькоглядел в темноте или распознал по голосам, звал Тимоша. Думали они еще вчера о таком вот на сегодня выпавшей им участии?! Едва ли... А то бы, ясное дело, не цели.

Сообщение, а скорее всего, речь, доклад — можно по-разному назвать то, с чем, тщательно подготовившись, обратился к ним Тимоша — был по-настоящему взволнованным. А что ему, комсомольскому секретарю, оставалось делать? Терять, во всяком случае, ему было нечего. Заседание комитета оставалось последней для него надеждой восстановить свой пошатнувшийся среди односельчан — а также и в Ее глазах — авторитет и не подкачать перед райкомом. Это понимал не только Тимоша...

Но никто, даже три председателя, не ожидал от него такой подготовки. Не только каждая фраза, но буквально каждый жест, взгляд, движение рук или, к примеру, бровей, весь, короче говоря, никогда не виданный в этом кабинете набор отточенных приемов, выдававших настоящего оратора, трибуна, рискнем даже употребить слово — вития, был использован им, без всякого преувеличения, с великим искусством.

Сперва нежно, едва ли не с мольбой в голосе и во взгляде обратился он — просительно и уговаривающе — к частушечницам. Испробовал еще дома тщательно отрепетированное — нечто между недоумением и вроде бы сожалением. Резко сменив прием, — психология, психология! — Тимоша проникновенно, выразительно, выстраданно — еще бы! — изобразил личную обиду. Затем, когда ввел в бой рассудительные доводы и неотразимые аргументы, голос его то звенел металлом, то наполнялся едким сарказмом, то плавился лестью, то рассыпался участливым призывом («Понимайте же совесть!»), то гулко отдавался грозным приказом...

Лейтмотив, говоря по-научному, его проникновенного выступления сводился, пожалуй, к одному: «Вам, молодым, но уже передовым, не место по вечерам на улицах со своими всполыхами сочиненными щуточками-частушечками... Чего это вы за меня взялись? Неужели поважнее дел нету?!»

А ничто не помогало. Девушки ерзали на отведенном для них лобном месте, явно подавленные великолепием ораторских приемов, но не поддавались. Сидели растерянные, красные, потупившие под всеобщими укоризненными и осуждающими взглядами, перебирали в смущении, как это и полагается, кончики своих нарядных, специально на комитет одетых косыночек, но — поди же ты! — не сдавались. Сперва просто молчали, потом однозначно отнекивались,

затем категорически отклоняли мольбы, просьбы, требования, ничуть не внемля призыва и увещеваниям, приведя, впрочем, будем объективны, некоторые — в оправдание своей такой непреклонной неуступчивости — причины.

Тимоша почувствовал: «Все, конец! Я потерпел полное поражение!» И лишь машинально поглаживал лежащее перед ним на столе райкомовское письмо, полученное утром, словно желая почерпнуть через прикосновение к бумаге с печатью новые силы. Но было это, он и сам догадывался, бесполезно. Сил не прибавлялось... Его жалкая коса неудавшегося оратора нашла на твердый камешек... Искры были, а огня он не высек... Эх, правду говорят: без спотычки и кень не пробежит!

Жалко, прямо сказать, было видеть в пух и прах разбитого Тимошу. Благо еще, что никто, кроме присутствовавших да нас с вами, не лицезрел его в таком подавленном состоянии. К счастью, в протоколы не принято, как известно, вписывать строчки, воссоздающие внешний вид комсоргов, опустившихся до конфузу и посрамления.

Но есть, есть все-таки счастье в жизни! И оно пришло... Это неспешно поднялась, опережая, однако, всех остальных председателей, бабушка Акулина. Добродушно покряхтывая, спокойно и вразумительно помянув что-то о прошлом и сказав что-то про будущее, бабушка Акулина вконец усвистила девушек, притом так, что они, ничуть не сговариваясь, сказали в голос дружно то, чего так долго не мог добиться от них Тимоша.

Тимоша ощущал в своей ликующей душе не только покой и счастье свершеннего, но — он помнил о необходимости надлежаще оформленного протокола — и решенного.

— Ах, бабушка Акулина, спасибо ж тебе, дорогая ты моя бабушка Акулина, сердечное! — совсем не по-кабинетному произнес он. И все хорошо поняли его радостные чувства.

Рисунок Сергея ТЮНИНА

6. НЕ СТАЛО БОЛЬШЕ ПО ВЕЧЕРАМ ЧАСТУШЕК, НО ЭТО ВОВСЕ НЕ КОНЕЦ ИСТОРИИ

Весть о прошедшем заседании комитета комсомола разнеслась по деревне с быстротою молнии. Уже к полуночи даже на отдаленных фермах узнали о счастливом для Тимоши решении. И отметим, что все здесь — и стар и, как говорится, млад — дружно, единодушно и без особых споров одобрили заключенное соглашение, похвалили настойчивость Тимоши, мудрость бабушки Акулины и проявленную девушками готовность пойти на мировую.

Да, удовлетворение было всеобщим. Нашлись, правда, маловеры. Но где их нет? Они — ох, уж эти всезнающие и обо всем заранее догадывающиеся скептики! — мрачно предрекали неминуемое поражение Тимоши. Их брезжаки речи выглядели примерно так:

— Как знать, как знать, чем все это кончится... Бумага, она такая, все стерпит, а вот девчушки-певицы, они на все при случае горазды. Глядь, и сорвутся... Молодые, им-то что? Ох, что-то будет...

По всему, однако, выходило, что девушки слово свое держат. Дней десять — ни одной частушки и ни одной частушечницы по вечерам. Правда, вроде бы кто-то видел, как после работы, умывшись и приодевшись, девушки тайком сходились к хате бабушки Акулины. Но только зачем, почему? На эти вопросы никто не мог дать вразумительного ответа.

Тихо стало, если, конечно, не считать музыки, отлетавшей от парней с транзисторами через плечо. Только скучно оказалось на улицах с транзисторной музыкой. Это теперь все поняли. Хороший урок — он всегда впрок!

Так вот и шло...

7. НАКАНУНЕ...

...Шло, но остановилось.

В одну из суббот, ввечеру, у хаты бабушки Акулины — вот тебе, бабушка, субботний день! — рассыпалось, рассыпалось скороговорочко, да кто кого

громче, да кто кого позабористей, поядренее, да с разгулом и с потехою, да с тарарами, барабанами и растабарами, да с притчами и с намеками, но с именами — и в масть и лад и опять же про Тимошку самокат, — да на разные голоса, да с почекиванием — чек, чек, дробно, дробно — каблучками и с балалаечным — звонко, звонко — треньканьем, и — надо же так! — в открытую... они — частушечки!

Только недолго. Не успели люди хорошенько всплушаться, а кто помоложе и поскорее на ногу — подтянувшись к хате бабушки Акулины, смолкли частушки. Как отрезало. Не многое разглядели подошедшие...

Уходили девушки по домам. Со смущенными лицами и упрятавши под платки балалайки. У ворот, не слезая по обыкновению с велосипеда, только опершись о столбик, восседал Тимоша, провожая частушечниц полным значительности, сосредоточенным взглядом. Еще запомнилось, что он крикнул им вдогонку, ну совсем как колхозный председатель, — негромко, не на публику, хотя властно и отрывисто:

— Так до утра! И попрошу — без опоздания! Иначе примем меры! Еды только на дорогу, а там вас начнут кормить на казенный счет...

8. В РАЙЦЕНТР — В СОПРОВОЖДЕНИИ УЧАСТКОВОГО

Утро — солнечное, ласковое, приветливое, воскресное — высветлило на площади у управления колхоза живописную картину. Вокруг автобуса и тихо урчащего на малых оборотах милиционского мотоцикла с коляской стояли стайкой девушек, их окружали взволнованные папы и мамы, а немного сбоку, как это и полагается начальству, — три председателя и Тимоша.

Девушки напряженно улыбались, скрывая страх перед грядущим. Уж теперь-то всем видно было: они понимали хорошо, что во всем для них предстоящем виноваты они сами, а не только грозный Тимоша.

Родители подбадривали их как могли и попутно самих себя успокаивали. В толпе то и дело слышалось: «Авось обойдется. Будем надеяться на лучшее. Должны снисхождение проявить — ведь в первый раз они...»

Тимоша тоже выглядел взволнованным.

Председательские лики излучали отеческое (и материнское, не забудем про бабушку Акулину) сочувствие.

Невозмутимым был только участковый, впрочем, ему и полагается быть таковым при любых обстоятельствах. Он ведь и не такое видывал.

Солнце тем временем подымалось все выше, а дорога предстояла дальняя. Участковый взглянул на часы — у него, не сомневайтесь, были самые точные в деревне часы — и кивнул: «Пора, мол, пора». Тимоша тоже взглянул на часы и, испросив разрешения у председателей, громко скомандовал:

— Прощание прекращается! По местам!

Автобус тронулся. Вперед, мощно рокоча и оглушительно постреливая, вырвался на своем сине-желтом мотоцикле участковый. Тимоша не видел особой необходимости в таком почетном эскорте. Между ним и участковым произошел даже, так сказать, обмен мнениями.

— Сам доставлю, сам справлюсь, — сказал Тимоша.

— Со мною понадежнее! Мало ли что в дороге, — вежливо, но непреклонно ответил участковый. — На мне, чай, двойная ответственность. Я тоже член комитета.

Они уже скрылись из виду, а около управления все помахивали, помахивали им вслед платочками. Счастливого, понятно, возвращения желали.

...Нет слов для того, чтобы описать, что творилось в деревне после отъезда девушек и Тимоши. Разговоры, разговоры, и везде только об одном:

— Как там, в районе, обойдутся с нашими? Не были бы излишне строги. Не перегнули бы Тимоша в выполнении своего решения. Горяч, горяч он...

Вечером опустели улицы. Все сидели по хатам и, прильнув к радиоприемникам, ждали последних районных известий.

И утром такая же история: районную газету у почтальона с руками отрывали. Мол, радио хорошо, а газета — лучше!

9. СТРОГОЕ, НО СПРАВЕДЛИВОЕ, ПО МНЕНИЮ ТИМОШИ, РЕШЕНИЕ

И долго еще обсуждали в деревне, как несправедливо обошли в райцентре с их девушками, каким излишне суровым оказалось решение районного начальства. Но Тимоша с присущей ему принципиальностью напрочь отмел все подозрения в напрасных придирках и твердо заявил:

— Получили по заслугам! Для первого раза и этого достаточно. Скажите спасибо, что еще так с ними обошлись. Могло быть и хуже. Читайте газету — там все изложено по справедливости, — с достоинством заключил он.

В районной газете было напечатано следующее:

...Неожиданностью стало появление девушек из деревни Тимофеевка перед судом представительной комиссии и собравшейся в районном Дворце культуры общественности райцентра.

Настороженность, недоумение тем не менее рассеялись необычно быстро. Уже через несколько минут их окружила теплая атмосфера доброжелательности. Аплодисментам не было конца.

Созданный девушками комсомольско-молодежный ансамбль «Самокат» — что расшифровывается как «Самокритический ансамбль Тимофеевки», — возродил незаслуженно забытый в районе жанр частушки. В этом большая заслуга художественного руководителя ансамбля старейшей колхозницы тов. А. П. Ивановой, а также комсорга тов. Т. Матонина, опиравшихся в своей работе на помощь председателей колхоза и сельсовета.

В беседе с нашим корреспондентом тов. Матонин, в частности, рассказал: «Решение создать «Самокат» принял комитет комсомола, но необходимо отметить, что инициатива шла от самих участниц. Они начали стихийно, не имея до поры до времени ясных целей, мы же направили их инициативу по полезному руслу и помогли организационно оформить. Но, к сожалению, у нас было слишком мало времени на выполнение постановления райкома о повсеместном развертывании художественной самодеятельности. Дней десять, не больше. Могу признаться, что у нас прошла всего одна генеральная репетиция. Вот почему, — добавил тов. Матонин, — решение жюри районного смотра о присуждении ансамблю диплома третьей степени расценивается нами не более как аванс, который обязывает комитет комсомола к дальнейшему развитию и совершенствованию данного участка работы».

...Так закончилась наша несложная история, которая, как вы помните, началась с того, что комсорг Тимоша Матонин влюбился.

ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК

ПОВЕСТЬ В ЭПИЗОДАХ, ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ (1902—1905 гг.)

13

До Варшавы оставалось верст десять...

— Ну вот,—сказал Дзержинский Сладкопевцеву.—Давай прощаться. До встречи в Берлине, Миша.

— Нет, Феликс, почему я? Паспорт твой. Сегодня ночью ты страшно кашлял. Тебе надо туда скорее—бери паспорт.

— Может, предложишь разыграть на орла и решку?—усмехнулся Дзержинский.—У меня здесь друзья. Меня переправят. А тебе надо проскочить с нашей компанией—паспорт верный, ты пройдешь границу.

— Феликс, это несправедливо.

В дверь постучали.

— Да, да, пожалуйста,—ответил Дзержинский.

Николаев вошел в купе, дверь за собою прикрыл мягко и спросил:

— Вы покидаете нас, Юзеф?

— Да, Кирилл. Но, думаю, свидимся.

— Я тоже так думаю. Вот моя карточка—здесь и петербургский адрес, и владивостокский, и парижский, и берлинский.

— Спасибо, Кирилл. Мне бы очень, очень хотелось повидаться с вами в Берлине.

— Когда думаете там быть?

— Скоро.

Николаев понизил голос:

— Под каким именем?

Сладкопевцев медленно передвинулся к двери. Николаев это заметил, шагнул к столику, присел.

— Запирайте,—сказал он Сладкопевцеву.—На минуту стоит запереть. Дело заключается в том, что купец первой гильдии Новожилов, каковым ваш друг представился,— мой дядя. Следовательно, вы,—Николаев кивнул на Сладкопевцева,— мой двоюродный брат, шалун и кутила Анатоль.

Дзержинский опустился рядом с Николаевым, потянулся рукой к сбитым усам:

— Меня зовут Феликс Дзержинский, я бежал из ссылки.

— Эсер?

— Социал-демократ.

— Какого направления?

— Ленинского.

— Занятно... Впервые вижу живых революционеров. Лицом, как говорится, к лицу...

— Лицом к лицу не разглядеть лица...

— Анатоль, братец, вы тоже изволите принадлежать к эсдекам?

— Нет,—ответил Сладкопевцев.—Жандармов уже кликнули? Ждать в Варшаве?

Николаев поморщился:

— Господи, Анатоль, если я к вам серьезно отношусь, Ленина читаю, Плеханова, Бурцева, то уж и вы, будьте любезны, ко мне относитесь соответственно.

Он достал из кармана портмоне, вынул толстую пачку денег—согенные билеты перехвачены аккуратной красно-синей американской резинкой «гумми»

— Возьмите, Феликс. Возьмите, сколько надо: в Берлине отдадите.

— Спасибо. Но я, к сожалению, в ближайшее время вернуть деньги не смогу.

— Да перестаньте вы, право! Думаете, я не понимаю, отчего в последние дни к столу не садились? Деньги кончились, гордыня, за чужой счет кушать не желали...

— У вас мельче денег нет? Рублей тридцать четырнадцать. Это я мог взять с уплатой через месяц,—сказал Дзержинский.

Николаев полез в карман, вытащил смятые ассигнации, пересчитал:

— Только десятками.

— Я возьму двадцать.

— Пойдем, Анатоль, в мое купе, до границы нам ехать и ехать, пока-то еще пограничный контроль придет.—Николаев покачал головой и тихо добавил, глядя на Дзержинского пристальным, трезвым—как стеклы—глазом: Джон Иванович считает, что подряд на строительство железной дороги Сибири я пробил сиденьем у столоначальников в губернаторстве. А мне ему сказать неловко, что я губернаторша бриллиантовое колье подарил за двенадцать тысяч. Взялку, говоря проще, сунул.

— Я могу быть спокоен за вашего «двоюродного брата» Новожилова?—спросил Дзержинский, кивнув на Сладкопевцева.—Он доедет до Берлина?

— Куда захочет, туда и доедет.

Поезд стал замедлять ход. Николаев протянул руку Дзержинскому, и тот пожал ее, крепко пожал, с верою. Николаев отворил дверь, запертую Сладкопевцевым, и крикнул Джона Ивановича:

— Губернатор, проводи-ка Юзефа до экипажей, неловко барину баул тащить. Дурак не заметит, умный задумается...

— Райт,—согласился Джон Иванович.

— Я в Москве еще, на Казанском вокзале, ваш прием оценил,—усмехнулся Николаев,—как надобно жандармов по иностранному обманывать.

14

Дзержинский выскошил из конки на шумной площади Старого рынка, нырнул в проходной двор, прошел систему подъездов быстро, словно час назад был здесь, спустился к Висле, бросил в тугую воду монетку (чтобы возвратиться), потом, резко повернувшись, пошел в обратном направлении: фильтров не было.

(Потом Дзержинский вспомнит об этом первом варшавском дне:

— Я проверялся, не таскаю ли за собою шпиков охранки, опасаясь привести их к товарищам. Я видел сырость буржуазных кварталов и чудовищную нищету рабочих улиц, я ужасался тому, в каких страшных условиях трудились люди, я наблюдал, как развлекались буржуа, аплодируя модному американскому Канкану, я видел несправедливость, которая точнее всего воспринимается в сравнении. Контрастность выявляет тенденцию, очевидность тенденции привела к выводу: терпению приходит конец. Ленинская формулировка—низы не хотят жить по-старому, а верхи не умеют по-новому—была очевидной, абсолютной, как математическое уравнение.)

...Под вечер Дзержинский пришел на нищую, темную улицу Смочей: несмотря на то, что дождь не было, грязь тут так и

не просыхала. Пробираться приходилось вдоль смрадной сточной канавы, балансируя на тонкой доске.

Возле казармы, где жили кожевники, Дзержинский перепрыгнул сточную яму, толкнул дверь, вошел в гниющую жуть подъезда и поднялся на третий этаж.

В темном, двухсотметровом зале «квартиры» рабочих были обозначены простынями: за этими простынями готовили, плакали, укачивали младенцев, латали рубахи, играли в карты, делили хлеб.

Делили хлеб и за простыней у Самбореков: Яна за маленьким столиком не было—сидела жена его, простоволосая, высокая, с нездорово блестящими глазами, и трое детей—две девочки-погодки и маленький, похожий на мать, сын, такой же сохнущий и потому казавшийся больным желтухой.

— Здравствуй, Ванда,—сказал Дзержинский.—День добрый...

— Кто это? А-а, Переплетчик. Ну, входи, входи, что стал?

Боишься костюм испачкать?

— Нет, нет, что ты! Не мешаю?

— Ты уже свое намешал.

— Что?! Ян... там?

— А где же ему быть?! Пришел поглядеть, как его дети помирают с голода?

— Не надо так громко, Ванда,—попросил Дзержинский,—не надо.

— А чего ж не надо?!—Женщина теперь не смотрела на Дзержинского, она резала хлеб на тоненькие ломтики и совала в руки детям.—Мне терять нечего! Ян гниет на каторге, а ты, агитатор за хорошую жизнь, в каторге рассказываешь! А у меня дети гибнут! Барское это занятие—революция! Ты ею и занимайся, тебе, небось, это по карману! Зачем Яна смущал?! Зачем его на погибель отправил?

Дзержинский снова попросил:

— Ванда, не кричи. Я убежал из ссылки, меня ищут...

— Ты вот убежал! Деньги, значит, есть, чтоб бежать? А Янек не убежит! Янек там сдохнет!

Простила за спиной Дзержинского дрогнула, проскользнула типограф Грыбас, тихо и зло сказал женщине:

— А ну помолчи!

Поздоровался с Юзефом, ласково оглядел его изможденное лицо.

Ванда уронила голову на руки, заплакала.

— Пойдем, Юзеф,—сказал Грыбас.—На бабы крики обращать внимание—сердца не хватит. Пошли...

— Погоди.

— Нельзя годить,—шепнул Грыбас,—вчера жандармы приходили, об тебе пытали—не появлялся ли.

— Погоди.—Дзержинский достал деньги Николаева, отсчитал половину, положил на столик, тронул Ванду за руку.—Пожалуйста, вот тут немножко.

Ванда нашла его пальцы, положила на них свою мужскую, огрубевшую руку, головы не подняла, только спина тряслась, и видно было, какая тоненькая у нее шея, словно у птенца летом, когда он только-только из яйца выпустился.

— Мы им собираем, сколько можем,—как бы оправдываясь, сказал Грыбас.—Ты не думай... Пошли, Юзеф, не ровен час снова нагрянут.

Ванда шепнула сыну, по-прежнему не поднимая головы:

— Поцелуй дядя руку, Янек, мы теперь не умрем.

Мальчик потянулся к пальцам Дзержинского. Тот поднял малыша на руки, прижал к себе, стал целовать сухое лицо быстрыми, материнскими поцелуями, а Янек тронул его слезы мизинцем, и подобие улыбки промелькнуло в глазах.

— Дождик,—сказал он.—Кап-кап...

Винценты глянул в незаметную дырочку, специально просверленную в двери конспиративной квартиры, снял цепочку, открыл замок, Дзержинский и Грыбас—темными тенями—проскочили в маленькую прихожую. Друзья молча и сильно обнялись, постояли так мгновение; потом, словно намагниченные, отринулись друг от друга, прошли в дальнюю, без окон, комнату.

Винценты прибавил света в керосиновой лампе.

— Кащей Бессмертный. С легкими плох?

— Не очень.

— Вот деньги, Феликс, от главного правления партии; товарищи считают, что тебе необходимо уйти за границу,—сказал Винценты.

— Я бежал не для того, чтобы уходить за границу, а потому, что чувствовал надобность в работниках здесь, в крае.

— В Польше сейчас мало что можно сделать,—сказал Грыбас.

— Где Мартын?—спросил Дзержинский.

— В Сибири,—ответил Винценты.

— Тлустый?

— В Берлине, у Розы,—ответил Грыбас.

— Ян?

— На каторге,—ответил Винценты.

— Михаэль?

— В Сибири,—ответил Грыбас.

— Богуш?

— В Тиролье,—ответил Грыбас.

— Марыся?

— В Тиролье,—ответил Винценты.

— Казимеж?

— В Сибири,—ответил Винценты.

— Что ж, значит, все разгромлено?

— Нас восемь человек осталось,—сказал Грыбас.
— Типографии нет?
— Птаха обещает помочь,—сказал Винценты.—У нее есть возможность доставить станок.
— Птаха? Елена Гуровская?
— Да.
— Слишком молода.
— Другой возможности нет.
— Что с кружками в Лодзи?
— Провалены,—ответил Грыбас.
— В Домброве?
— То же.
— Организовать газету пробовали?
— Это утопия,—сказал Винценты.
— Это утопия,—повторил Грыбас.—Я ведь наборщик, Юзеф, я знаю дело. Нет денег, нет станков, а главное—нет людей, которые бы нам писали.
— Как же мне уезжать?! Как?! Я могу работать!
— Антек Росол тоже мог работать...
Дзержинский приблизился к Винценты, глаза сузились, потемнели.
— «Мог»? Что ты имеешь в виду? Почему «мог»? Он...
— Его забили в тюрьму...
После долгой паузы Дзержинский спросил Винценты:
— Ты можешь устроить мне свидание с сестрой?
— Это почти невозможно.
— Невозможно или почти невозможно?

Дзержинский поднялся с маленькой, свежеоструганной скамейки, когда сквозь длинную, безбрежную шеренгу кладбищенских крестов увидел Альдону, Юлию и Винценты.

Альдона заметила брата, как только он поднялся со скамейки, бросилась к нему, обняла, прижалася к себе.

...Месяц в рассветном небе таял быстро, и казался он радужным, растекшимся, и Альдона осторожно притронулась к глазам Феликса такими же, как у него, тонкими пальцами, и они опустились на скамейку возле могилы и помолчали, потому что, когда есть что-то сказать, слов сразу не съшешь.

Почувствовав, что Альдона сейчас снова заплачет, потому что слишком быстро, словно целую, бегали глаза сестры по его лицу, по запавшим щекам, по ранней паутине морщинок в уголках сильного, красивого рта; Дзержинский обнял ее.

— Ну, ну,—попросил он,—не надо, пожалуйста, Альдону...

— Они ищут тебя... Они кухарку все время спрашивают, дворника...

— Ну и пусть себе ищут, пускай себе.

— Феликс, родной... Что же с тобой сделали, боже мой?! Тебе можно дать сорок лет, а ведь двадцать пять всего...

— Шесть...

— Что?

Дзержинский скзал ее руки.

— Сестры и братья всегда забывают возраст друг друга. Мне двадцать шесть, в августе...

— Феликс, не сердись на меня, милый! Подумай, пожалуйста, не о моих детях, не о наших братьях Игнасе и Владисле, о себе! Ты же самый маленький у меня, я маме обещала заботиться о тебе. Я обещала маме.—Альдона не смогла договорить, подбородок ее задрожал.

— Альдона, родная... Мама в нас бессмертна, она дала нам душу, в которую вложила любовь. Сердце мое разрывается от мысли, что я приношу тебе горе, потому что тебе кажется, будто я иду неверно. Но я верно иду, я ведь хочу отдать свою любовь униженным. Ты же веришь, Альдона...

Альдона кивнула на могильный камень.

— Разве ты жив после его смерти, Феликс? Ведь он как брат тебе был... Разве я жива? Отчего ты унижаешь меня тем, что я ращу детей, слышу их щебет, а ты исходишь кровью в тюрьмах?

— Альдону, тучкам надо ночевать на груди утеса,—шепнул Дзержинский.—Тучкам-странникам нужна опора.

— Тучки, Феликс, кончаются весенним дождем, прошли—и нет их...

15

Подпольщики собрались в цеху кожевенной фабрики поздней ночью, рассаживались при свете маленьких ламп, обменивались быстрыми, тихими фразами, поглядывали на Дзержинского.

Когда Грыбас закрыл двери цеха, стало ясно: полный сбор.

— Товарищи,—тихо сказал Винценты,—заседание Варшавского комитета партии считаю открытым. Слово представляется Юзефу.

Дзержинский кашлянул, прикрыв рот рукой.

— Даже кашлю шепотом,—неожиданно громко, усмехнувшись презрительно, сказал он.—И не совестно нам говорить шепотом, товарищи?

Грыбас полез за табаком.

— Перепугались люди после арестов, а страх—всегда тихий.

— Мы знаем, на что идем,—продолжал Дзержинский,—и если мы будем самих себя таинственными—нас никто не услышит. Мы должны говорить громко! И обязательно честно, иначе не поверят нам рабочие. И о том, что хорошо у нас, и о том, что плохо, об успехах, провалах, о будущем и прошлом мы обязаны говорить открыто и честно, ничего не скрывая, не

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

замазывая, не обходя трудности борьбы. Промолчать порой очень удобно, но сегодняшнее удобство может обернуться завтрашней трагедией, неверием, отказом от революции, пассивностью, предательством! Удобно молчат буржуазные и либеральные газеты, удобно молчат или открыто лгут министры, хозяева, помещики. Громко и честно можно говорить только в нашей партийной газете. Если будет газета, провал одного, десятых, сотни революционеров не страшны: правда, раз сказанная, не исчезнет.

— Так ведь нет у нас газеты,—сказал член комитета Мечислав Лежинский,—и откуда ей быть, когда организация разгромлена, народ испуган, полиция всевластвует...

— Организацию воссоздадим,—ответил Дзержинский.—Народ испуган, но гнет таков, что долго молчать рабочие не смогут. Их ежемесечно и ежедневно доводят до отчаяния, они ищут выхода, они понимают, что жить так, как живут сейчас, нельзя далее! Когда нет конца терпению, тогда нет конца страданиям. Полиция всевластвует именно потому, что рабочие еще не знают, как бороться, какие требования выдвигать. Газету поможет рабочим начать борьбу. Газету мы организуем, только поэтому я подчиняюсь приказу и уезжаю за границу. Мы создадим честную, массовую рабочую социалистическую газету,—упрямо, словно самому себе, повторил Дзержинский.—Поэтому я прошу высказаться, какие вопросы интересуют пролетариев в первую голову?

16

Шевяков пропустил Гуровскую в темную парадную, провел через большой зал, освещенный одной лишь свечой, в кабинет.

— Присаживайтесь, Елена Казимировна. Теперь мы с вами здесь будем встречаться.—Шевяков достал из секретера деньги, положил их на столик перед Гуровской, кашлянула.—Здесь пятьдесят рублей. Аванс, так сказать. За отчет о берлинских товарищах, за то, что наш станочек у Ноттена заработал, и за сведения о сестре Дзержинского.

Он видел, что женщина не знает, как взять деньги. Наклонившись через столик, Шевяков пододвинул к себе ее ридикюль.

— Позвольте? Маленькая формальность,—сказал он, положив в ридикюль деньги,—придется написать расписочку. Вот здесь, на этом листике: «За выполненную работу мною получено пятьдесят рублей». Уж извините, но такой порядок—отчет и с меня требуют.

Шевяков проследил и за тем, как Гуровская вывела подпись, легко у нее из-под пера листочек забрал, аккуратно, по-купечески, сложил его и спрятал в карман.

— То, что вы нам берлинские адреса дали,—это замечательно и прекрасно. Адреса Дзержинского вы написали верные, но мы их знали и раньше. А вот с Юлией у вас как? С невестой Дзержинского?

— Я не встречала ее.

— Она преступница, Елена Казимировна. Террористка. Швырнет бомбу—пойдет на виселицу.

— Вы говорите неправду: социал-демократы отвергают террор.

— А боевые группы-то все же есть? Есть. До поры до времени отвергают, до поры.

— Даже если это и было бы правдой, я никогда не стану вашей сообщницей в том, чтобы людей прятать за решетку.

— Елена Казимировна, не надо... Вам не след так со мной разговаривать.

— Я могу с вами прервать все отношения и не разговаривать вовсе.

— Как это? Прервать? Это теперь нельзя. А коли станете двурушничать, расписку вашу покажем товарищам.

— Но это же... Это шантаж!

— Это не шантаж, а оформление сотрудничества.

— Я такого сотрудничества не принимала и не приму.

— Ладно,—сказал Шевяков проникновенным голосом,—рано или поздно вы меня поймете. Я не тороплю, нет, не тороплю... Сами убедитесь, что я прав, когда встретите тех, кто из ссылки, вернулся и от прежних заблуждений отказался. А тех, кого не уберегли, кто под петлю попал, о тех пожалеете, поплачете, так сказать, горючими слезами. И о Дзержинском стечь будете: с его-то характером до последнего греха—один шаг. А спасти его можно, оттого что здесь он сейчас, в Польше. Постарайтесь помочь нам сохранить ему жизнь. Как на духу повторю: сохранить жизнь.

...Гуровская зашла на почту, попросила два бланка для перевода денег. На первом бланке написала: «Владимиру Карлову Ноттenu, Ягельская, 3, Варшава, 30 рублей от поклонника таланта». Второй бланк заполнила так же решительно: «Розалии Люксембург, Кранахштрассе, 58, Берлин-Фриденau, 20 рублей от сочувствующего социал-демократии».

Достала из ридикюля деньги брезгливо и положила их на стекло перед окошком кассы.

17

Возница был угрюмый.

Дзержинский спал, уткнувшись острым затылком в уголок скрипучей повозки. Юлия осторожно просунула ладонь под его голову, и Дзержинский, повернувшись щекой, зачмокал во

сне, словно младенец. Тень слабой улыбки пронеслась по его лицу. Юлия почувствовала, как он проснулся, хотела было руку убрать, но Дзержинский, прижав ее ладонь, попросил:

— Еще минуту, ладно?

— У тебя такое усталое лицо было, госпо...—Она оборвала себя.

— ...ди,—медленно закончил Дзержинский.

— Что?

— Господи. Договоривай, если начала. Скоро приедем?

— Через полчаса.

— Можно еще подремать?

— Конечно. Я разбуджу. Спи.

— Тебе не тяжело?

— Нет, вовсе нет.

— У тебя линия жизни долгая,—сказал Дзержинский.—Я ее щекой чувствую.

— О да...

— И характер покладистый.

— Дома говорили, что у меня мамин характер,—улыбнулась Юлия.

— У нее хороший характер?

— Ужасный. Я ее очень люблю, но характер ужасный. Чудесный человек—добрый, нежный, умный. А характер невероятный.

— Так не бывает.

Юлия молча покачала головой.

— Надо спорить, если не согласна,—сказал Дзержинский, не открывая глаз.

— Спи, Феликс.

— Хорошо.

Юлия тихонько кашлянула, быстро потянулась к сумке,—почувствовала, что начинается приступ. Одной рукой сумку было открывать трудно, и она, чтобы не тревожить Дзержинского, сдерживала кашель сколько могла, а потом задохнулась хрипом; Дзержинский вспрепнулся, открыл глаза и увидел ее изменившееся лицо.

Когда приступ кончился, Юлия сказала:

— Прости...

Смутившись хриплого голоса, она заставила себя улыбнуться:

— Это иногда со мной бывает.

— Чахотка,—тихо сказал Дзержинский.—Давно?

— О нет, что ты! Это не чахотка. Простуда.

— Так. Туда поедешь ты. Я остаюсь.

— Феликс, ты же подчиняешься решению партии...—Юлия снова осторожно откашлялась, сохранив при этом улыбку на мучнистом лице, и смотреть на это было до того больно, что Дзержинский отвернулся к окну.

Юлия тронула его за руку:

— Мне очень неловко перед тобой. Прости, пожалуйста, Феликс.

Возница остановил коней и пробурчал:

— Эй... Приехали.

Юлия торопливо сказала:

— Здесь надо быстро, Феликс. До встречи.

Дзержинский, по-прежнему не глядя на нее, пожал ее руку, потом взял ту, которой она держала его голову, поцеловал ладонь и молча вышел.

...В корчме Казимира Новаковского было, как всегда, шумно, пьяно, смешливо—какие только люди не собирались в этом маленьком, приграничном с Пруссией польском местечке! Контрабандисты, спекулянты, коммивояжеры, вертевшиеся вокруг международных поездов, пьянички, охотники, жандармы из корпуса, отвечавшие за пограничную стражу, картежники с каменными лицами и манжетами из сероватого цеппулоида.

Дзержинский тоже был здесь.

Связник пришел в одиннадцать.

В одиннадцать двадцать семь Дзержинский пересел к нему за столик.

В одиннадцать пятьдесят они пересекли запретную зону.

В одиннадцать пятьдесят семь тропу, по которой онишли, перегородили четверо: в руках поблескивали длинно отточенные ножи.

— Деньги, барахло, какое под куртками намотано, кидай к ногам,—сказал тот, что стоял в тени—маленький, худенький, по голосу подросток.—Шум поднимите—перья пустим под ребра.

— Денег нет,—сказал связник.—Что ж на своих-то, брат?

— Мы не твои,—отрезал маленький и обратился к Дзержинскому:—Барин, ты, ты, длинный, выворачивай карманы.

— У меня есть двадцать девять рублей и восемнадцать марок,—ответил Дзержинский.

— Политик,—радостно сказал кто-то из бандитов.—Идейный! Нам за него отвялят, Граф, отвялят!

— Сними шляпу,—приказал маленький Дзержинскому.

Тот снял шляпу, прищурился яростно: попасться так глупо!

— Повернись к луне,—так же бесстрастно приказал маленький, которого называли Графом.—Я хочу посмотреть на тебя.

Дзержинский повернулся к луне, сказав:

— И на этом кончим комедию, ладно?

— Ты в Александровском централе в этом году бунт поднимал?—спросил Граф.

— Я там не был.

— Ты поднимал там бунт?—снова спросил Граф.—Ты Дзержинский?

Дзержинский сразу же вспомнил Графа. Мальчишку, Анджея, посадили за то, что он, сын варшавского рабочего Адама, украл у купца Ольшевского полфунта сахара—отец его умирал от дифтерита. Когда Дзержинский поднял восстание в Александровке, он потребовал, чтобы мальчика немедленно забрали из камеры, где сидели бандиты. Он считал тогда, что мальчика можно спасти от дурного влияния, изъяв из преступной сферы; он забрал его в камеру «политиков», отдал паренку свои нары, досыпал накормил хлебом. (Только потом, уже много лет спустя, в ВЧК, он пришел к выводу, что преступность следует побеждать, разрушая ту социальную структуру, которая ее порождает. Вывод, однако, который сделал Дзержинский для себя в Александровке, помимо прочих, заключался в том, что преступник, если только он не злодей и тяжкий рецидивист, может быть и обязан быть возвращен к жизни.)

— Пустите их,—сказал Граф.—Иди, Дзержинский. Воры помнят добро. Иди.

— Погоди, погоди, ты Анджея?

— Я Граф.

— Сколько, Граф, тебе лет?

— Мне тысяча девяносто два года от рождения Христова,—ответил Граф и скрылся в камышах. Следом за ним исчезли остальные. Прошуршили камыши и стихли, будто все только что случившееся было миражем, вымыслом, дурным сном.

18

Збиженев Норовский, владелец полуразрушенной типографской мастерской в Кракове, который тогда входил в состав Австро-Венгерской империи, пропустил Дзержинского в полутемную комнату, пахнущую сыростью.

— Вот здесь,—сказал он.—Погодите, я зажгу свет.

Он запалил фитиль в большой керосиновой лампе, поднял ее и осветил потекшие стены, заржавевшие типографские станки.

— Это все можно убрать за день. Найдите людей, вылижут как в аптеке.

— Сколько хотите за аренду?

— Это зависит от того, что вы здесь намерены печатать, пан Доманский.

— Какое это отношение имеет к оплате?

— Прямое. Если вы начинающий поэт и решите печатать вирии, я возьму одну, плату,—начал перечислять Норовский,—если вы, к примеру, задумаете выпускать крапленые игральные карты и не станете регистрироваться в австрийской полиции, я запрошу совсем другую цену; если вы хотите издавать для контрабандной спекуляции учебники на родном языке, запрещенные в школах российской части Польши, я пойду советоваться к юристу.

— А если я хочу выпускать литературу, которая поможет Польше стать единым целым?—спросил Дзержинский.

— Тогда я вообще не сдам вам помещение.

— Почему?

— Потому что Польша никогда не будет единственным, покуда есть Россия, Пруссия и Австро-Венгрия.

— Смотря какая Россия и какая Австро-Венгрия.

— Не тешите себя иллюзиями, пан Доманский, только малое меняется, большое всегда остается большим. После восстания я оттого на русской катогре три года, а потом два года мотался по здешним тюрьмам: австрийцы меня посыпали русским лазутчиком.

— Вы были повстанцем шестьдесят третьего года?

— Знамена, пьяный ветер свободы, лозунги... Где все это? Будто и не было. Каждому на жизнь дается только одна революция, потом наступает горькое похмелье. Лучше приспособливаться, пан Доманский, лучше приспособливаться. Пусть другие начинают: примкнуть никогда не поздно, отйти—сложнее. Все наши беды проистекают оттого, что не умеем сдерживать порывы, не ценим устоявшееся, не осознаем надежность за высшее благо.

— Ну, хорошо, а если я не внимаю вашим советам?—сказал Дзержинский.—Сколько вы с меня заломите?

— С террором дело не связано? С призывом против русского царя?

— С призывом против русского царя связано, с террором нет.

— Не хочу лишних хлопот. Царское село заявят протест Вене, а отвечать придется Збиженеву Норовскому: сильные мира сего расплачиваются за свой идиотизм жизнями маленьких людей, пан Доманский.

— Никто не будет знать, что мы здесь работаем. Если хотите, предъявите властям несколько книг. Мы издадим книги о том, как живут ваши братья в Варшаве...

— Кто станет писать такие книги для вашей типографии? Такие книги издаст в Вене у «Момзена и Фриша», а не у вас, пан Доманский. Или в Берлине: там помогут специалисты Либкнекта. Чем вы станете платить за хорошие книги о плохой жизни?

— Неужели вам не хочется помочь? Это ведь так просто—помочь. А как полно вам станет жить, пан Норовский, если вы постоянно будете ощущать, что помогли. Отчего так счастлива кормящая мать? Оттого, что помогает. Поэтому у нее глаза особенные, у других таких нет.

— Не жмите на сердце, пан Доманский. Как я понимаю, денег у вас мало?

— Денег у нас нет,—ответил Дзержинский.—Но они придут, не думайте. Мы уплатим вам.

— Сколько человек будет работать?

— Я даю объявление.

— Он даёт объявление! А кто пойдет умирать в этот склеп?—Старик вздохнул.—Конечно, пойдет один Норовский. Но за деньги! Понятно?! Я помогу, но за деньги! Жадный Норовский без денег не помогает, потому что у него на шее убогая дочь и четверо внуков-сирот! Или вам не понятно, отчего я такой жадный?!

Норовский отошел к окну, уперся руками в раму.

— Зачем вы пришли?—тихо спросил он.—Мне было так спокойно эти годы... Зачем только вы пришли? Ну, ладно, меня вы уговорили, допустим... А кто станет писать вам? Разве есть еще такие же дураки, как я?!

...Назавтра Дзержинский нелегально перешел границу и вечером снова был в Варшаве...

19

— Чем могу?—спросил старик, приоткрыл дверь.

— Профессор Адам Красовский?—спросил Дзержинский.
— Профессор?—Красовский усмехнулся.—Профессор—это когда человек учит. А я лишен такой возможности. Я лишен права говорить по-польски, не то что учить... Вы кто? Студент?

— Каторжник,—ответил Дзержинский.

— Политик?

— Естественно...

— Социалист?

— Социал-демократ.

— Я представляю национальную демократию, с вами, прости, дел иметь не могу...

— Отчего так?

— Оттого, что сердце мое разрывает трагедия польской культуры, а для вас это вторично: дети наши тайком говорят на родном языке, а вас что волнует: «товар— деньги— товар»? И все тут!

— Тише, пожалуйста... Вы позволите к вам войти?

— Разговор у нас не получится.

— Вам стыдно пустить меня в квартиру?

— Кого мне стыдиться?

— Тех, кто тайком говорит по-польски. Ибо тайком говорят на нашем с вами языке нищие дети-рабочие и холопы дети—ваши, верно, имеют гувернеров! Вам следует стыдиться того, что думаете о себе лишь и себе подобных—сытых! А о миллионах голодных и бесправных поляков думаете мы, которые «товар— деньги— товар»!

— У моих детей нет гувернеров! Я сам их учю языку!

— А кто будет учить нашему языку детей рабочих?! Отцы?! Они им хлеба-то дать не могут! Они хоронят каждого пятого ребенка— чахотка, ракит, дифтерия. А национальные демо-краты страдают по поводу трагедии культуры... Накормить сначала надо, накормить миллионы, а не накормишь, потому что у народа нет прав. Товар— деньги— товар... Не думал я, что Адам Красовский из породы интеллигентных страдальцев...

Повернулся, пошел по лестнице вниз.

— Стойте,—окликнул Красовский.—Не надо так...

Пропустил Дзержинского в кабинет, хмуро сказал:

— Слушаю вас...

Дзержинский оглядел стеллажи, заставленные книгами, стол, заваленный рукописями; маленькую, чуть не детскую кровать, покрытую заплатанным пледом, вздохнул:

— Не вы меня должны слушать, а я вас...

— Э!—Красовский махнул рукой.—Ощущаю время, а это горько. Перестаю понимать, что необходимо людям...

— Правда,—коротко ответил Дзержинский.

Дверной звонок дребезжал тихо, но Красовскому он показался особым, тревожным, громким. Дзержинский поднялся, мягко ступая, подошел к окну, выглянул осторожно из-за портьеры: улица пуста, однако возле парадного подъезда стояла пролетка.

— Черный ход в квартире есть?—спросил Дзержинский.

— Пойдемте.

Красовский провел его на кухню, открыл маленькую дверь.

— Спускайтесь во двор, там есть выход на Маршалковскую.

— Я подожду здесь.

— Дверь за собой прикройте,—посоветовал профессор, прислушиваясь к тому, как звонок дребезжал второй раз.—Если пришли те люди, которым верю, я вернусь за вами.

Он вернулся через минуту.

— Выходите, пожалуйста, это Шаплинский...

— Игнатий Шаплинский? Художник?

— Да, да, не опасайтесь.

— Я достаточно люблю живопись, чтобы не опасаться Шаплинского.

— А я, видите ли, необычно перетрусил... Хорохорившись, хорохорившись, а когда постучат в дверь, сразу руки холодеют...—вздохнул Красовский и пропустил Дзержинского в кабинет.—Извольте знакомиться, господа...

Шаплинский поклонился, пытливо разглядывая худого зеленоглазого молодого человека в черном костюме с красиво повязанным жабо.

— Доманский. Юзеф.

Красовский пояснил:

— Революционер. Агитатор против царизма.

— Меня агитировать против царизма не надо,—заметил Шаплинский,—пана Красовского тоже. Но замахиваешься вы на невозможное. Все сейчас думают одинаково. Неужели вы и впрямь верите, что можно изменить существующее? Каким образом? Все мы едини в мнении, но ведь открыто никто не решается сказать—в Сибири за это...

— Так ведут себя те, которым есть что терять,—ответил Дзержинский.—Рабочий, которому терять нечего, говорит. Но говорит неумело, нескладно, ему помочь надо—за этим я и пришел сюда из Krakowa. Надо помочь рабочим.

— Как?—спросил Красовский.

Художник закурил, пожал плечами:

— Неужели не понимаешь, Адам? Надо, чтоб ты облег...

— Не только это, не только помочь в обработке корреспонденций,—сказал Дзержинский.—Нам, например, было бы крайне дорого получить статью о проблеме народного образования в Польше, о том, отчего детям запрещают изучать родной язык, а писателям—сочинять стихи по-польски.

— Я не совсем понимаю,—задумчиво произнес Красовский,—как следует писать для вашей газеты. Я привык работать для академических немецких журналов, рассчитывая на подготовленную аудиторию. Не хочу подставляться под удар коллег.

— Подставляются в играх,—жестко ответил Дзержинский.—В литературе, как и в революции, нельзя подставляться. Здесь гибнут: одни для того, чтобы оставаться навечно, другие—чтобы исчезнуть.

— Когда нужна статья?—спросил Красовский.

— Завтра.

20

Министр Плеве долго рассматривал первый номер новой социал-демократической газеты «Червоного Штандара». Потом он Шевякова и Глазова обсмотрел так, словно впервые встретили:

— Это что ж такое, а? Вы за что деньги получаете? За охрану Привислинского края? А революционеры газету стали выпускать! Это что ж такое?—Плеве схватил «Червоного Штандара» и помахал им перед лицом офицеров охранки.—Что это такое, я спрашиваю? Ленинской «Искры» мне мало? Так теперь еще «Червоный Штандар» Дзержинского по вашей милости читать?

— Ваше высокопревосходительство, извольте высушить,—начал было Шевяков, но Плеве не сдержался и, побагровев, закричал, вскочив:

— Молчать! Я наслушался, со всех сторон наслушался!

Опустившись в кресло, министр расстегнул верхнюю пуговицу на френче, почувствовав сильное головокружение и слабость.

— Ваше высокопревосходительство,—Глазов чуть подался вперед,—я позволю себе...

— Молчать!—теперь уже Шевяков гаркнул.—Вы отвечаете за типографии, Глазов, а мне за вас красней!

Плеве прикрыл глаза рукой, сказал тихо, с трудом:

— Чтоб газеты этой не было в Польше. Ясно? Вы свободны!

Когда офицеры ушли, Плеве снял трубку телефона:

— Откомандируйте немедленно Гартинга в Австро-Венгрию, пусть он там займется газетой Дзержинского.

21

— Господин Гартинг?—осведомился лощеный австрийский чиновник с мертвым улыбкой, при бантинке, платочке и с перстнями, возрастом совсем еще юноша.—Генерал Пу Валерштайн приглашает вас. Прошу.

Генерал поднялся навстречу Гартингу, обменялся рукопожатием, спросил сухо:

— Чем обязан?

— Генерал, я уполномочен передать вам вот это.—Гартинг достал из кармана перламутровую плоскую коробочку, раскрыл ее—блеснул бриллиант.—Дружеский сувенир, свидетельствующий о нашей глубокой вам благодарности за воинскую дружескую помощь, которую нам оказывают службы австро-венгерской полиции.

Генерал поддался, быстро мазнув глазом дверь, сунул коробочку в ящик стола, запер особым ключиком.

— Благодарю. Тронут. Что у вас стряслось?

— У вас, в Австро-Венгрии, в Krakowie, начала издаваться анархическая газета «Червоного Штандара». Без любезной помощи вашего превосходительства мы не сможем предпринять соответствующие шаги для пресечения издания, инспирированного террористами.

— Это все?

— Да, генерал. Вот оттиск «Червоного Штандара».

— У меня уже есть второй номер.—Генерал достал его из папки.—Честь имею, господин Гартинг. Я продумаю вашу просьбу и о результатах не премину поставить в известность.

22

Шевяков сказал Гуровской сухо:

— Елена Казимира! Все это время вы отдавали нам то, что мне и без вас известно было. А Ноттен успел имя себе

создать, в громкие писатели вышел с моей и вашей помощью. Но в его типографию отчего-то Дзержинский не идет, и если вы мне сейчас же не отдадите адрес Грыбаса, куда Дзержинский привозит оттиски своего «Червоного Штандара» из Krakowa, я сейчас же Ноттена зарестую и отправлю на категору—улики налицо.

— Вы этого не сделаете.

— Сделаю. Клянусь честью, сделаю.

— Хорошо. Я дам адрес, но арестуете вы Грыбаса через неделю после того, как я уеду из Варшавы, вы же не хотите меня провалить?

— Уговорились.

Гуровская стремительно записала адрес, протянула его Шевякову и вышла...

...А пошла она на почту, взяла конверт, листок бумаги и написала печатными буквами: «Маций, твоя квартира пропала, срочно уходи. Доброжелатель».

Купила три красивые марки, наклеила, опустила в ящик...

Почтальон сунул конверт с лебедями в щель между дверью и косяком домика Грыбаса. А мальчишка, что на улице играл, эти марки увидел, заплакался, взял воровато и убежал, как он иначе, нищета варшавская, такие марки заполучит?!

23

Грыбас огладил рукой листы «Червоного Штандара», переданные Дзержинским, позвал Мечислава Лежинского из второй комнаты, где гремел гектограф:

— Срочно с этого в набор. Наша газета—смотри! Первая настоящая газета!—Грыбас улыбнулся.—Это постриженной сотни бомб, это на категору не сошлешь, не повесишь!

— А это,—Дзержинский достал из кармана несколько узеньких листков бумаги (он писал обычно на таких),—о стачке на Домбровских шахтах. Разберешь почерк?

— Разберу любой почерк—был бы материал.

— Хорошая стачка?—спросил медлительный, увалистый Мечислав.—Надо, чтоб все как один, а то пошумят в углах и разойдутся.

— Скорей печатай материал,—ответил Грыбас,—тогда не разойдется, потому что будут знать, что делать.

Мечислав ушел к гектографу; Дзержинский отвалился к стене, смежил веки.

— Хочешь поспать?—предложил Грыбас.—Вздремни часок, я разбуду.

— Как с деньгами?—не открывая глаз, спросил Дзержинский.

— Деньги кончатся. Надо рублей двести хотя бы.

Дзержинский слабо усмехнулся:

— Хотя бы...

Он поднялся, протянул руку Грыбасу, попросил:

— Я вернусь через месяц, заберу твои материалы. И постараюсь достать денег.

Вскоре после ухода Дзержинского дом, в котором была оборудована типография, окружили жандармы. Услышав стук в дверь, Грыбас все понял. Он сказал Мечиславу:

— Беги через окно! Огороды!

Дверь сискочила с петель. Грыбас услыхал звон разбитого стекла, свистки городовых, крики, щелчки наганных выстрелов; отскочил назад, хотел было прыгнуть следом за товарищем, но кто-то из жандармов набросился на него сзади, он повернулся, выстрелил в упор, ощутил запах паленного, испустил этого близкого страшного запаха, замер на мгновение.

Это его и погубило; обвили на нем трое жандармов, бросили на пол, выломали руки, рот заткнули кляпом, выволокли во двор и бросили на грязный, затоптанный сапогами пол пролетки...

На явку оншел машинально, не глядя на дома и улицы. Он мог бы идти с закрытыми глазами.

Дзержинский остановился, оглянулся, а глаза были пуста, фильтры за них не топали.

Поднимаясь на третий этаж, он заставил себя внимательно прочитывать дощечки, на которых были написаны фамилии жильцов, и сосредоточенно считал количество ступеней на пролетах.

Остановившись перед дверью конспиративной квартиры, Дзержинский покачал головой: в замке торчал массивный ключ.

Он постучал осторожно, едва прикасаясь костяшками пальцев к дереву, крашеному белой краской. Дверь отворилась сразу же, будто кто стоял там, в квартире, положил руку на защелку. Дзержинский увидел лицо дворника, а за ним, в прихожей, жандармов. Ухватившись рукой за бронзовую, с купидончиками ручку, накрепко приделанную к барской двери, он хлопнул так, что гулко ухнуло в подъезде, быстро повернул ключ в замке, вытащил его, сунул в карман и бросился вниз, преследуемый криками жандармов...

На улице ощущал жар. В глаза словно песку насыпал. Он прислонился спиной к стене и стоял так несколько мгновений, переводя дыхание.

Продолжение следует.

Рисунок Анатолия ФИНАГИНА.

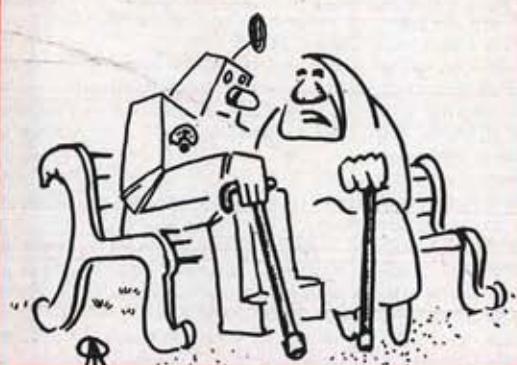

Рисунок Николая АЛЕКСАНДРОВА.

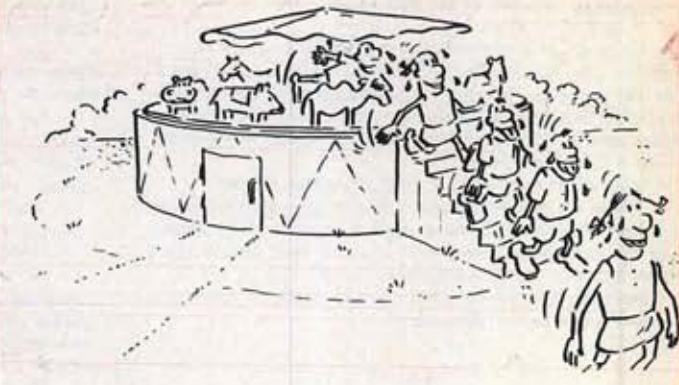
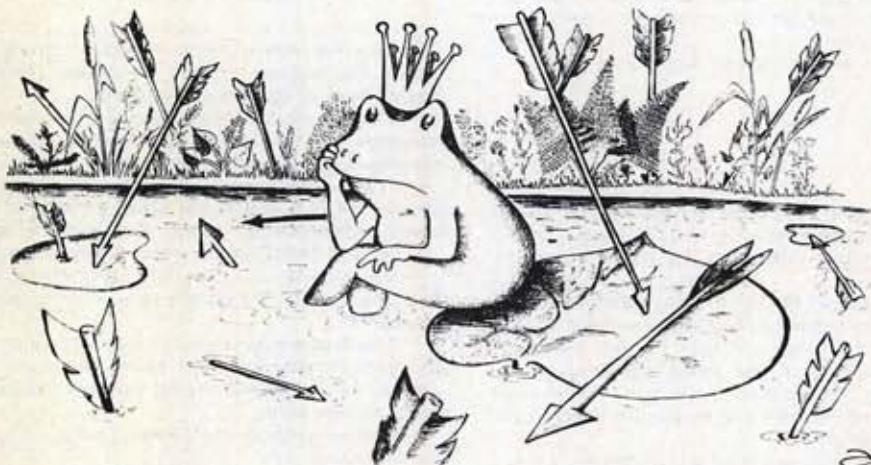

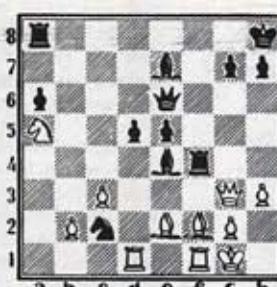
Рисунок Леонида ТИШКОВА.

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

НА СМЕНУ
ГРОССМЕЙСТЕРАМ

Большой интерес вызвал проведенный в этом году в Москве командный шахматный турнир Вторых Всесоюзных спортивных игр молодежи. Соревновались 17 команд — от всех союзных республик, Москвы и Ленинграда. В каждом коллективе играли четверо юношей и две девушки не старше 19 лет. Среди тех, кто вышел на старт, были Майя Чибурданидзе из Тбилиси, участница личного первенства мира среди женщин, уже выполнившая гроссмейстерский норматив, мастера спорта Нана Иоселиани, землячка Майи, Борис Таборов (Киев), Леонид Зайд (Львов), москвич Сергей Долматов и Артур Юсупов, ленинградец Александр Ермолинский, Андрей Харитонов из Иваново и многие другие — всего 102! — перспективные юные шахматисты из разных городов нашей страны.

Напряженная борьба изобиловала неожиданностями. К их числу следуют, например, отнести результаты сборной Украины: победа над сильной командой Москвы с редкостным счетом 5,5:0,5 и крупное поражение во встрече с грузинскими шахматистами — 1,5:4,5! И таких сюрпризов было немало. В итоге золотые медали завоевали ребята из Грузии, «серебро» досталось команде Украины, а «бронза» — юным москви-

К этой довольно острой позиции пришли после 26-го хода белых Чибурданидзе (у нее были черные) и Раи Эйдельсон из Белоруссии. Энергичным выпадом слона черные вызывают серию разменов, которая переводит игру в русло выгодного им окончания.

26. ... Сe7—h4! 27. Сe2—g4
Лf4: f2 28. Лf1:f2 Сh4:g3 29.
Сg4:e6 Сg3:d2+ 30. Kpg1:f2
Лg8—f8+ 31. Kpf1—g1 d5—d4!

А сейчас стремительным маршем проходной центральной пешки и умелой перегруппировкой фигур черные быстро добиваются успеха.

32. c3:d4 e5:d4 33. Сe6—b3.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

d4—d3 34. Ка5—c4 Кc2—d4! 35.
Kc4—d2 Сe4—c6 36. Сb3—c4
Kd4—e2+ 37. Kpg1—h2 Лf8—f2, и
белые капитулировали.

Эффектной тактической находкой порадовал воспитанник ботвинниковской школы Гарик Каспаров (Азербайджан), игравший черными в партии с Яном Эльвестом (Эстония). На диаграмме изображено положение, создавшееся после 35-го хода белых. 14-летний бакинец, несмотря на нехватку двух пешек, искусно переигрывает противника.

35. ... Фe3—c2+ 36. Кре2—f1
Фc2—d3+! 37. Kpf1—g1 Лf8—g8!

Противостояние ладьи на одной вертикали с неприятельским ферзем и королем почти всегда чревато для последних неприятностями.

38. Сe3—g5 Фd3—d5 39. Лf7:g7
Лg8:g7 40. Сg5—f6 Фd5—d1+, и

черные отпраздновали удачу.

Перед вами напряженная ситуация, сложившаяся после 20-го хода белых во встрече москвича Сергея Соколова (он играл черными) с Григорием Лехтом из Молдавии. Черные красиво поклонились ладью с целью развернуть

атаку на короля партнера по диагонали a8—h1.

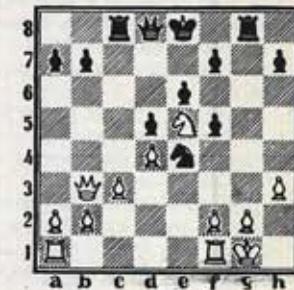
20. ... Сc8—b7!! 21. b4—b5.

Белые заметили, что взятие ладьи повело бы к безрадостной для них позиции. Скажем, 21. Ф:d4 Фe6 22. f3 Ф:f3 23. Лe2 Лd8! 24. Фe3 Фh1+ 25. Kpf2 c2!, и угрозы черных неотразимы. Теперь же черные смело жертвуют качество, в результате чего их дуэт активных слонов и опасная проходная пешка на поле «c3» ставят перед соперником неразрешимые проблемы.

21. ... Лd4:c4! 22. C11:c4 Фc7 :c4
23. Фe3—e2 Фc4—d5! 24. f2—f3
Лa8—c8 25. Лe1—f1 Фd5—c5+ 26.
Kpg1—g2 Сb7—d5 27. Лf1—f2
Фc5—a3 28. Фe2—c2 h7—h6 29.
h2—h4 Фa3—c5 30. h4—h5
Фc5—c4 31. a2—a4 Сe7—c5!, и

черные легко реализовали свое преимущество.

Такое положение создалось в поединке Рашида Габдрахманова (сборная РСФСР) с ленинградцем Леонидом Юдинским после 16-го хода белых. Шахматист из Казани, игравший черными, ради атаки на королевском фланге не побоялся обострить борьбу.

16. ... Fd8—g5! 17. Fb3—b5+
Lc8—c6. 18. g2—g4 f5:g4 19.
h3—h4.

Белые хотят поймать партнера в ловушку 19. ... F:h4? 20. F:b7!, но она чересчур проста. В свою очередь, черные, не желая испытывать судьбу своего плохо защищенного короля, отказываются от взятия качества.

19. ... Fg5—d8! 20. Fb5:b7
Lc6—c7 21. Fb7—b5+ Кре8—f8
22. Kpg1—g2 Kpf8—g7 23. Lf1—h1
Kpg7—h8! 24. Fb5—e7 16—f6 25.
Ke5—d3 Fd8—d6 26. La1—g1
e6—e5 27. Fb7—e7 Lc7—c4 28.
d4:e5 16:f6 29. Kpg2—f1 Lc4—c7
30. Kpf1—e1 Lc7—f7 31. Lg1—g2
Lh7—f3!, и белые после недолгого сопротивления сдались.

ПРАВИЛЬНО РЕШИЛИ

Задача-шутка великого русского шахматиста А. Алексина, помещенная в № 17 «Смены», вызвала многочисленные отклики читателей. Приводим краткое решение — 1. f2—f3 e7—e5 2. Kре1—f2
Fd8—f6 3. Kpf2—g3 Ff6:f3+ 4.
Kpg3—h4 Cf8—e7x.

Хоккейная сборная: как она будет?

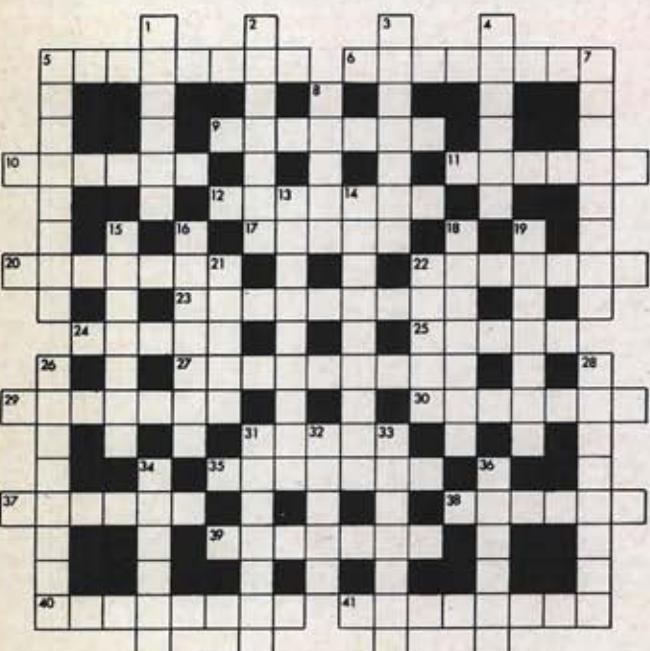
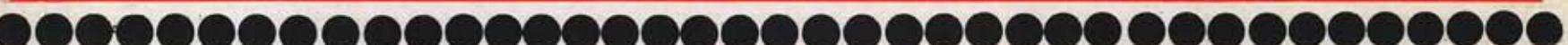
Редакция ознакомила меня с письмами, присланными любителями спорта в журнал и адресованными мне, как новому старшему тренеру сборной Советского Союза по хоккею.

Видимо, каждый поклонник хоккея имеет свою версию, свое объяснение неудачи нашей сборной в Вене, имеет какие-то соображения о том, кто мог бы усилить команду. Хотел бы отложить ответы на вопросы, задаваемые мне читателями. Может быть, пока сами любители хоккея высажут свои предложения о составе команды, расскажут о молодых одаренных хоккеистах, которые, по их мнению, уже стучатся в двери сборной. Ну, а я потом, скажем, в декабре или январе, взялся бы прокомментировать состав команды, «сформированной» читателями, мог бы, очевидно, что-то рассказать о работе сборной.

Итак, ваш состав главной команды страны?

**Виктор ТИХОНОВ,
старший тренер сборной
СССР по хоккею**

ОТ РЕДАКЦИИ. Письма о составе нашей команды, о принципах подбора игроков мы просим отправлять в редакцию до 1 декабря 1977 года. Пятнадцать читателей, первыми приславшие состав команды, которая отправится на пражский чемпионат мира, будут премированы: пять получат клоуши и десять — фотографии сборной с автографами хоккеистов.

КРОССВОРД

Составил А. ДАНИЛОВ,
Белая Калитва,
Ростовской обл.

По горизонтали:

5. Олимпийская чемпионка мира по фигурному катанию. 6. Дикая роза. 9. Художественный музей Ленинграда. 10. Материк. 11. Русская мера расстояния. 12. Столица южноамериканского государства. 17. Остров у побережья Италии. 20. Кондитерское изделие. 22. Определенный порядок, организация процессов. 23. Здание для кратковременного проживания. 24. Пьеса В. Н. Билья-Белоцерковского. 25. Рассказ А. П. Чехова. 27. Государство в Южной Америке. 29. Надпись на медалях, гербах. 30. Старинное метательное оружие. 31. Русский скульптор XIX века. 35. Герой музыкальной драмы Р. Вагнера. 37. Государство в Вест-Индии. 38. Советский космонавт. 39. Проверочное испытание. 40. Трагедия Софокла. 41. Зодиакальное созвездие.

По вертикали:

1. Архитектурный стиль. 2. Чешский композитор. 3. Горная система в Азии. 4. Металл. 5. Советский писатель. 7. Областной центр в РСФСР. 8. Автомобиль. 13. Русский архитектор XVIII века. 14. Город на острове в Финском заливе. 15. Одна из петербургских повестей Н. В. Гоголя. 16. Поощрение за отличия, заслуги. 18. Река в Северной Америке. 19. Специалист по вождению судов, самолетов. 21. Русский народный инструмент. 22. Площадка для театральных представлений. 26. Декоративное древесное растение. 28. Композитор, автор симфонии «Героическая». 31. Слово переработки нефти. 32. Персонажи повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 33. Оркестровый инструмент. 34. Автономная советская республика. 36. Творческий коллектив театра.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 18

По горизонтали:

5. Оломоуц. 6. «Поцелуй». 9. Коменский. 12. Клеть. 13. Швейк. 14. Новак. 15. Фуря. 17. Дуды. 19. Амперметр. 22. Люцифер. 25. Фучик. 26. Нитра. 28. «Татра». 29. Красава. 30. Ржигова.

По вертикали:

1. Словаки. 2. Сухонь. 3. Добиаш. 4. «Русалка». 7. Немцова. 8. Острава. 10. Неруда. 11. Неедлы. 16. Радмила. 17. «Дротарь». 18. Арфистка. 20. Скрипка. 21. Комарно. 23. Душек. 24. Прага. 26. Незвал. 27. Анежка.

«АРТЕК» ПЕРЕДАЕТ ЭСТАФЕТУ ГАВАНЕ.

Игорь АФАНАСЬЕВ.
Фото Юрия УСТИНОВА.

Костры мира

«Люди земли!»

Мы обращаемся к вам с призывом:
Сделайте все, чтобы никогда и нигде не
разились бомбы и снаряды, чтобы все дети
ходили в школу, не знали голода и нищеты,
чтобы у них не отнимали родину, близких,
детство, чтобы мир стал лучше и справед-
ливее.

Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет мир!»

Это слова из обращения участников
Международного детского фестиваля
«Пусть всегда будет солнце!»

Предложение провести Международный
детский фестиваль было высказано на XVII
съезде ВЛКСМ и получило горячую под-
держку прогрессивных, демократических
молодежных организаций мира.

Знаменательно, что первый фестиваль
открылся в Москве, в столице первого
социалистического государства, в канун
его славного юбилея, в дни всенародного
обсуждения проекта новой Конституции
СССР, в котором отражена неустанная за-
бота партии и правительства о наших
детях.

ПРИЗЕРЫ МАЛОЙ ОЛИМПИАДЫ.

КОНКУРС ПЛАКАТА.

ГЛАДИС МАРИН С ПИОНЕРАМИ ГДР.

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ.

Главным событием фестиваля стало приветствие его участникам Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. Оно было оглашено на торжественном открытии фестиваля в Кремлевском Дворце съездов.

В гостепримном столице посланцы детских и юношеских организаций 102 стран мира совершили экскурсии на промышленные предприятия, побывали на ВДНХ СССР. Тепло принимали их в подмосковных пионерских лагерях. А затем поезда дружбы доставили ребят к Черному морю...

Восемь дней горел фестивальный огонь в «Артеке». В солнечной пионерской республике состоялись массовые детские шествия и манифестации, работали международные детские клубы, выставки детских рисунков, плакатов, фотографий.

Утром от яркого солнца «Артек» зажигал костры мира. И целый день гремели над лагерем песни, звенел пионерский горн. Ребята со всего мира купались в ласковом море, ходили походами на Медведь-гору, соревновались в плавании, водили хороводы вокруг Нептуна, в котором, конечно же, узнавали своего веселого вожатого...

«Друзья детей» — так назывался на фестивале клуб, в котором встречались взрослые — руководители детских и юношеских организаций, почетные гости. Один из них, доктор из США Бенджамин Слок, сказал: «Я убежден: наш общий долг — бороться за уважение в детях личности. Дети не должны знать страха... Дети, как и все взрослые, должны учиться общению. На фестивале Артеке присутствовало всего 32 юных американца. Я бы привез сюда все 32 миллиона американских ребят».

Медленно опускался голубой флаг фестиваля. Медленно угасал фестивальный огонь в огромной чаше над морем. 312 часов длился фестиваль. За это время на планете родилось 2 миллиона 703 тысячи детей. Ради счастья, ради светлого будущего всех, кто родился и будет рождаться, и проходил этот фестиваль — детей.

Фестиваль закончился, и, как эстафету, передал он XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване призыв юного поколения к своим старшим братьям и сестрам — крепить дружбу и солидарность!

ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ ФЕСТИВАЛЯ.